

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2016
№ 1–2**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков, С.Д. Князев, А.И. Коробеев, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2016
№ 1–2**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ,
корп. А (24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

Владивосток ◆ Дальневосточный федеральный университет, 2016

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin,
E.P. Zharikov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2016
№ 1–2**

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:

Far Eastern Federal University
A920–923 Office, Bldg. A (2), Ajax St.,
Vladivostok, Russky Island, Russia, 690922

Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Registration Certificate ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

Vladivostok ◆ Far Eastern Federal University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям журнала	6
РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Афонин Б.М.</i> Региональная дипломатия кабинета Синдзо Абэ.	9
ЭКОНОМИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Костюнина Г.М.</i> Свободные экономические зоны в Индонезии.	23
<i>Заусаев В.К., Халиуллина З.А., Бежина В.П.</i> Инвестиционная привлекательность Хабаровского края: вектор развития.	42
МОРСКАЯ НЕФТЬ: РОЛЬ, ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ	
<i>Жариков Е.П.</i> Арктическая нефть в морской добыче: состояние, проблемы, перспективы.	52
ПРАВО	
<i>Головненков П.В., Хелльманн У.</i> Особенности деятельности правых экстремистских объединений и партий Германии сквозь призму принципа «защищающаяся демократия»	71
<i>Авдеев В.А., Авдеева Е.В.</i> Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности и половой свободы личности: сравнительно-правовой анализ российской, японской и китайской систем уголовного права	85
<i>Филоненко Т.В.</i> Правовые основы противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации	100
<i>Федоров А.В.</i> Об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации	115
ЕВРАЗИЙСТВО В АТР	
<i>Хисамутдинов А.А.</i> Русское евразийство в Азиатско-Тихоокеанском регионе	131
Сведения о членах редколлегии	152

CONTENTS

To the Readers	6
REGIONAL SECURITY ISSUES	
<i>Afonin Boris M.</i> Regional diplomacy of the cabinet of Shinzo Abe.	9
ECONOMY: EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS	
<i>Kostyunina Galina M.</i> Free economic zones in Indonesia	23
<i>Zausaev Vadim K., Haliullina Zuhra A., Bezhina Victoria P.</i> Investment attractiveness Of Khabarovsk territory: vector development . . .	42
OFFSHORE OIL: THE ROLE AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT	
<i>Zharikov Evgenie P.</i> Arctic oil marine production: state, problems and prospects	52
LAW	
<i>Golovnenkov Paul V., Hellmann U.</i> Features performance right-wing extremist associations and parties in Germany in the light of the principle of "defending democracy"	71
<i>Avdeev Vadim A., Avdeeva Ekaterina V.</i> Criminal legal protection sexual inviolability and sexual freedom: a comparative legal analysis of the Russian, Japanese and Chinese	85
<i>Filonenko Tatiana V.</i> Legal basis of anti-corruption measures in the legislation of the Russian Federation	100
<i>Fedorov Aleksandr V.</i> On the criminal liability of legal entities in the Russian Federation	115
EURASIANISM IN THE ASIA-PACIFIC REGION	
<i>Khisamutdinov Amir A.</i> Eurasianism russianin the Asia-Pacific region	131
Editorial board's data	252

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому издание журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы (не более 20 источников); поля: все – 20 мм, шрифт Times New Roman, № 14.

- Ф.И.О. (полностью), ученую степень и ученое звание, должность, место работы – на русском и английском языках, e-mail для связи с читателями;

- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);

- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;

- Список литературы (на русском яз.) и References (на англ. яз.) – в конце статьи;

К рукописи прилагать электронный вариант.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу:

690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: arg-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "The Pacific Rim: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;

- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;

- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references (no more than 20 sources); margins: all – 20 mm, font – Times New Roman, № 14.
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail for communication means with readers;
- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words, keywords (at least 20);
- links placed in square brackets, for example, «According to [5], or the cited reference [5, p. 18]»;
- list of Literatours (in Russian languages) and References (in English languages) should be placed at the end of the article;

The manuscript makes an electronic variant.

We hope that the journal the Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor.

Use the following internet link to access the journal's website:

apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

REGIONAL INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 94(520).033.55

Б.М. Афонин¹

Дальневосточное отделение РАН, г. Владивосток, Россия

E-mail: afbm43@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАБИНЕТА СИНДЗО АБЭ*

Аннотация. В статье дается анализ внешним связям Японии со странами-соседами – Китаем, Республикой Корея (РК), Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Россией. В последние годы отношения Японии с этими странами заметно охладели. Названы основные причины сложившейся ситуации – историческое прошлое, территориальный спор, а также обострившаяся международная обстановка. Премьер-министр Японии Синдзо Абэ, вернувшись к власти в декабре 2012 г., одной из задач своего кабинета министров в области внешней политики назвал расширение сотрудничества с рядом стран, включая нормализацию связей с Китаем и РК. С этой целью он развернул активную дипломатию. За три года на посту главы государства Синдзо Абэ посетил более 50 стран, в числе которых были США, Россия, страны ЕЭС, Австралия, Индия и др. Однако в этом списке не было Китая и РК, с которыми Япония имеет дипломатические и активные торгово-экономические отношения. Между Японией и Китаем с 2012 г. обострился территориальный спор вокруг крошечных необитаемых островов Сенкаку, расположенных в Восточно-Китайском море. Всё более неопределенными в политическом плане остаются отношения Японии и РК, в которых камнем преткновения являются вопросы истории двусторонних отношений, а также

¹ Борис Михайлович Афонин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Афонин, Б.М. Региональная дипломатия кабинета Синдзо Абэ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 1–2. С. 9–22.

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-00161.

© Афонин Б.М., 2016

территориальный спор из-за мелких островов Такэсима, расположенных в Японском море. Хотя можно отметить и положительный сдвиг в политике Токио в отношении Китая и РК. В 2014 г. состоялась неофициальная встреча лидеров этих государств. Самые сложные и даже напряженные отношения сохраняются между Японией и КНДР. Что касается японо-российских связей, то они с 2014 г. в политическом плане охладели из-за санкций, которые ввела Япония против России, присоединившись к США и ЕЭС. Территориальный спор происходит и в регионе Юго-Восточной Азии (ЮВА), главным образом между Китаем и Вьетнамом вокруг Парасельских островов и архипелага Спратли, расположенных в Южно-Китайском море. Наиболее крепкие союзнические отношения сложились между Японией и США. В последние годы особое внимание уделяется дальнейшему укреплению японо-американского военного сотрудничества в связи с быстро меняющейся геополитической обстановкой в АТР, а также появлением «новых вызовов» – ракетно-ядерной программы КНДР и усилением позиций Китая в регионе. На фоне сложной международной обстановки происходит процесс милитаризации, гонка вооружений и военно-политическое противостояние между ведущими державами мира. Все это создает геополитическое напряжение в мире, включая АТР, в духе «холодной войны» второй половины XX века.

Ключевые слова: кабинет министров, Япония, Китай, Россия, Республика Корея, Корейская Народно-Демократическая Республика, внешняя политика Японии, международная обстановка, территориальный спор, процесс милитаризации.

Boris M. Afonin¹

Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
E-mail: afbm43@mail.ru

REGIONAL DIPLOMACY OF THE CABINET OF SHINZO ABE

Abstract. This article provides the analysis of foreign relations between Japan and its neighboring countries such as China, Republic of Korea (RK), Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and Russia. Over the past years, relationships between Japan and these countries have been significantly alienated. The main reasons for such situation were identified as the history, territorial disputes and ag-

¹ Boris M. Afonin, Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

For citation: Afonin, B.M. Regional diplomacy of the cabinet of Shinzo Abe // // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P. 9–22.

gravated international situation. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan, having assumed his office in December 2012, set the enhancement of cooperation with a series of countries, including the normalization of relations with China and RK, as the first priority task for the Cabinet of Ministers in the sphere of foreign policy. And for this purpose he launched the active diplomacy effort. For three years since office taking, Shinzo Abe has made visits to more than 50 countries, including the USA, Russia, EEC countries, Australia, South East Asia etc. But this list did not include China or RK which have active trade economic and diplomatic relations with Japan. The territorial conflict concerning the tiny uninhabited islands of Senkaku located in the East China Sea has been escalated between Japan and China since 2012. Relations between Japan and RK in political aspects are becoming more uncertain as well, when the history of their bilateral relations and disputed islands of Takeshima situated in the Sea of Japan are the sticking point. However, an effective advance in the policy of Tokyo in relations with China and RK may be noted. In 2014, an informal meeting of the countries' leaders was held. Relations between Japan and DPRK are the most complicated and even strained. As to the Russian and Japanese relationship, these countries have been alienated in the political aspect since 2014 due to the sanctions imposed against Russia by Japan having joined the USA and EEC. Territorial dispute also takes place in the area of the South East Asia, mainly between China and Vietnam in respect to the Paracel Islands and Spratly archipelago situated in the South China Sea. The most strong and friendly relations have formed between Japan and the USA. Over the last years, the special attention has been paid to further strengthening of Japanese and American military cooperation in connection with rapidly changing geopolitical environment in the Asian Pacific Region, as well as new challenges, namely a nuclear and missile age in the North Korea and the rise of position of China in the region. Due to such complicated international atmosphere, a process of militarization, arm race and military confrontation between the major global powers is developing. All these factors create a geopolitical stress in the world, including Asian Pacific Region similar to the cold war of the second half of the XX century.

Key words: Cabinet of Ministers, Japan, China, Russia, Republic of Korea, Korean People's Democratic Republic, Japan's foreign policy, international situation, territorial disputes, process of militarization.

Премьер-министр Японии Синдзо Абэ с момента прихода к власти в декабре 2012 г. развернул активную дипломатию, включая региональное направление. В 2013 г. он посетил Россию, ряд европейских стран, все страны АСЕАН, в 2014 г. нанес визит в Австралию, Новую Зеландию, страны Латинской Америки. Только за два года (2013–2014 гг.) Синдзо Абэ совершил визиты в 50 стран мира, тем самым поставил рекорд по этому показате-

лю среди его предшественников [8]. Поездки за рубеж японского премьера продолжились, и в 2015 г. состоялся официальный визит Синдзо Абэ в США, Индию, в страны Центральной Азии (бывшие советские республики).

В ежегодно издаваемой МИД Японии «Синей книге по вопросам дипломатии» даются основные направления внешней политики страны, отношения с развитыми и развивающимися странами мира. На ближайшие годы определены три главные составляющие внешнеполитического курса страны – укрепление альянса с Соединенными Штатами, развитие отношений с соседними странами и продвижение экономического направления с целью восстановления былой мощи японской экономики. В каждом издании главное внимание отводится отношениям с США, которые характеризуются как «краеугольный камень японской дипломатии и безопасности, играют важную роль в сохранении стабильности и процветания не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире» [7, с. 94].

Известно, что японо-американские отношения базируются на основе «японо-американского договора о гарантии безопасности» от 1960 г., который определил политику двух стран на многие годы и сегодня является основным юридическим документом военно-политического союза Японии и США. За более чем полувековой период японо-американский «договор безопасности» неоднократно дополнялся новыми документами и соглашениями. К самым последним относится документ под названием «Новые принципы американо-японского сотрудничества в сфере безопасности», принятый в апреле 2015 г. Этот документ охватывает сферу регионального и глобального сотрудничества, включая миротворческие операции, обеспечение безопасности морских путей, военное сотрудничество и материально-техническое снабжение, информационную безопасность и др. [1].

Среди стран, которые с официальным визитом посетил Синдзо Абэ за 2013–2015 гг., не было, однако, двух соседних стран – Китая и Республики Корея, с которыми отношения в последние годы складывались далеко не благоприятно.

Основные проблемы в отношениях с этими странами – тяжелое наследие исторического прошлого, территориальный спор и новые тревожные вызовы, появившиеся в последнее время.

Наиболее серьезные проблемы в последние годы возникли в отношениях с Китаем, главным образом из-за территориального спора по поводу суверенитета над островами Сенкаку (кит. Дяоюйдао), расположенными в Восточно-Китайском море¹. Острова в настоящее время находятся под управлением Японии и административно входят в префектуру Окинава.

¹ Острова Сенкаку состоят из пяти небольших необитаемых островов: Уоцури (самый большой в этой группе), Окинокита, Окиномина, Коби и Минамикосима, а также нескольких мелких скал. Их общая площадь составляет 5,5 кв. км // Источник: Нихонтимэйдзитэн (Энциклопедический словарь географических имён Японии). Токио : «Сансэйдо», 2007. С. 680.

Однако Китай постоянно настаивает на том, что острова Дяоюйдао с давних времен (с эпохи династии Минь 1368–1644 гг.) являются частью исконно китайской территории (на них претендует еще и Тайвань). Япония же утверждает, что острова Сенкаку, входящие в архипелаг Рюкю, были включены в состав Японии в 1895 г. и что они были возвращены ей Соединенными Штатами вместе с префектурой Окинава в 1972 г. (рис. 1, 2).

Рис. 1. Местоположение островов Сенкаку в Восточно-Китайском море.
Источник: www.ru.emb-japan.go.jp/territory/senkaku/about.htm/

Япония и Китай, подписывая Совместное заявление о нормализации двусторонних отношений в 1972 г., по предложению китайской стороны решили не касаться вопроса островов Сенкаку, однако во время заключения Договора о мире и дружбе в 1978 г. Китай впервые заявил свои претензии на эти острова. Но по инициативе тогдашнего премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина этот вопрос был отложен на усмотрение будущих поколений [6, с. 48–49].

Однако в начале 90-х гг. ситуация изменилась. В 1992 г. Китай принял новый закон о территориальных водах, в котором провозглашалось, что острова Сенкаку являются китайскими. Японский МИД по этому поводу

заявил Китаю протест. В 1996 г. Япония ввела 200-мильную эксклюзивную экономическую зону. Китайская сторона восприняла это как шаг по закреплению прав Японии на острова Сенкаку [6, с. 48–49]. Эскалация напряженности в районе островов стала также возрастать после обнаружения в этом районе крупных месторождений нефти и газа. Кроме этого, морские воды, омывающие Сенкаку, богаты биоресурсами, включая ценные породы рыб. В этом районе ведут промысел рыбаки Японии, Китая и Тайваня.

Рис. 2. Острова Сенкаку в натуральном виде.
Источник: www.ru.emb-japan.go.jp/territory/senkaku/about.htm/

Территориальный спор вокруг островов Сенкаку еще больше обострился после того, как в сентябре 2012 г. Токио объявил о покупке островов у частных владельцев. После этого в ряде городов Китая прошли массовые антияпонские демонстрации. С тех пор китайские корабли почти постоянно находятся вблизи спорных островов и периодически совершают демонстративные заходы в прибрежную зону. В ноябре 2013 г. министерство обороны КНР в одностороннем порядке объявило о создании опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море, затрагивающей воздушное пространство над островами Дяоюйдао. Япония приняла ответные меры по усилению патрулирования кораблей береговой охраны и авиации в акватории островов Сенкаку.

Японию в территориальном споре с Китаем поддерживают США. На переговорах Барака Обамы и Синдзо Абэ в апреле 2014 г. президент США заявил, что острова Сенкаку подпадают под японо-американский договор безопасности от 1960 г. и это означает, что любая агрессия по отношению к

этим территориям будет расцениваться США как угроза собственной национальной безопасности [2]. Эта же мысль вновь была подтверждена Обамой во время встречи с Синдзо Абэ в Вашингтоне в апреле 2015 г.

Следует отметить, что попытки решить эту проблему путем переговоров Токио и Пекин предпринимали неоднократно, однако результатов они не принесли, поскольку ни одна из сторон пока не выразила готовность пойти на компромисс. Исходя из геополитических и стратегических интересов двух стран в этом регионе, по всей видимости, это противостояние будет и в дальнейшем продолжаться. В 2015 г. и в начале 2016 г. проблема территориального спора между двумя странами несколько затихла.

Помимо территориального спора между двумя странами существуют и другие не менее острые проблемы. Например, тяжелое историческое наследие, оставшееся после второй японо-китайской войны (1937–1945 гг.) и оккупации Японией северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии) с 1931 г. по 1945 г. Китайцы не могут простить японцам их агрессию во время войны, человеческие жертвы и унижения, которым они подвергались. Китай за эти годы понес огромные жертвы. По данным китайских источников, в войне 1931–1945 гг. погибли и получили ранения более 35 млн китайцев [5]. Прямые и косвенные экономические потери Китая составили десятки млрд долл. Китай давно призывает Японию признать свое агрессивное прошлое. Этот призыв поддерживают ученые и общественность Китая, Южной Кореи и других стран мира. Однако японская сторона не спешит этого делать. Премьер-министр Японии Синдзо Абэ, выступая в парламенте страны по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны, ограничился лишь раскаяниями.

Негативную реакцию и протесты в Китае вызывает посещение высокопоставленными чиновниками Японии синтоистского храма «Ясукуни», который считается символом японского милитаризма¹. Вот и недавно, 22 апреля 2015 г., Ясукуни по случаю проводимого там весеннего праздника посетили более ста депутатов парламента от различных партий, включая присоединившихся к ним двух министров. Ранее премьер-министр Японии Синдзо Абэ направил храму ритуальное подношение в виде декорированной ветви священного в Японии вечнозеленого дерева «сакаки». Последний раз Синдзо Абэ посещал Ясукуни в декабре 2013 г. Тогда это привело к резкой критике со стороны Пекина и Сеула и обострило отношения между странами.

¹ В синтоистском храме Ясукуни хранятся списки с именами всех японцев, погибших в войнах, в которых участвовала Япония с середины XIX века. В этот список включены и военные преступники, осужденные Международным трибуналом для Дальнего Востока в 1947 г. Поэтому посещения Ясукуни японскими официальными лицами воспринимаются в Китае и двух корейских государствах, пострадавших от японской агрессии во время Второй мировой войны, как её оправдание.

Несмотря на вышеназванные проблемы, доминирующим фактором в японо-китайских отношениях являются торгово-экономические связи. Китай, начиная с 2014 г., является главным торговым партнером Японии, а Япония – третьим партнером Китая после США и ЕС [4, с. 131]. Японо-китайский товарооборот в 2013 г. составлял 312, 4 млрд долларов [9, с. 129]. Можно предположить, что торгово-экономические связи Японии и Китая будут и в дальнейшем превалировать над двусторонними политическими отношениями. Более того, с осени 2014 г. наметились признаки снятия политической напряженности: состоялись две неофициальные встречи Синдзо Абэ и председателя КНР Си Цзиньпина в Пекине в ноябре 2014 г. и в Джакарте в апреле 2015 г., на которых было высказано мнение о необходимости продолжить развивать стратегические и взаимовыгодные отношения. В мае 2015 г. Пекин посетила большая японская делегация (около трех тыс. чел), в которую входили представители деловых кругов и руководители местных органов власти. Это говорит о том, что высшее политическое руководство двух стран не заинтересовано в дальнейшей эскалации напряженности. Однако борьба за лидерство в АТР продолжается.

Сложные отношения наблюдаются у Японии и с обоими корейскими государствами. Главная причина – тяжелое историческое прошлое, оставшееся после колониального господства Японии на Корейском полуострове с 1910 г. по 1945 г., когда Корея была единым государством. В эти годы население Кореи жестоко угнеталось, корейцев насильственно переселяли в Японию и на о-в Сахалин для выполнения тяжелых и опасных работ (всего было вывезено более 8, 4 млн корейцев, около миллиона из них погибли). Во время войны более 364 тыс. корейских парней мобилизовали в японскую армию, около 200 тыс. молодых кореянок насильственно отправили в армейские бордели для оказания сексуальных услуг [3].

До 1948 г. на Корейском полуострове находилось одно государство – Корея. После Второй мировой войны Корея была разделена на два самостоятельных государства: Республику Корея (РК), образованную 15 августа 1948 г., и Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР), образованную 9 сентября 1948 г.¹ Сегодня обе эти страны требуют от правительства Японии официальных извинений за чудовищные злодеяния императорской армии в период колониального господства в Корее в 1910–1945 гг. и выплаты соответствующей компенсации их жертвам. В ответ японские власти отделываются только раскаяниями за содеянное.

Несмотря на то, что Япония и Республика Корея имеют дипломатические отношения (они были установлены 22 июня 1965 г.), между ними имеется ряд противоречий, включая территориальный спор. Речь идет о двух небольших скалистых островах Такэсима (в Корее их называют Токто или

¹ В зарубежной литературе часто используются неофициальные названия: РК – Южная Корея, КНДР – Северная Корея.

Докто, на российских географических картах они именуется как скалы Лианкур) общей площадью 23 га, расположенных в Японском море к востоку от Корейского полуострова. Эти острова были включены в состав Японии в 1905 г. согласно Портсмутскому мирному договору, когда Корея отошла к Японии. После поражения Японии во Второй мировой войне Сеул включил эти острова в состав своей территории, ссылаясь на то, что они исторически были частью Кореи. Сейчас острова Токто контролируются Сеулом, он держит там небольшой военный гарнизон. Ежегодно корабли ВМФ и Береговой охраны РК проводят военные манёвры по отработке обороны островов Токто. Вокруг принадлежности этих островов между двумя странами периодически вспыхивают дипломатические баталии. Южная Корея не признает наличие этого территориального спора и всегда заявляет, что суверенитет Токто не подлежит сомнению (рис. 3).

Рис. 3. Острова Такэсима (Токто).

Источник: Десять истин об островах Докто, искажаемых Японией.
Сеул: Northeast Asian History Foundation, 2014.

В Южной Корее, как и в Китае, негативно воспринимают посещение японскими политиками храма Ясукуни, в связи с чем в стране проходят антияпонские выступления. Несмотря на трагическое прошлое Республики Корея, отношения Японии с ней базируются на высоком уровне торгово-экономических связей – около 100 млрд долл. в 2013 г. [10, с. 344]. Кроме этого, обе страны связаны военно-политическим сотрудничеством: японо-американский договор безопасности (1960 г.) и американо-южнокорейский договор о взаимной обороне (1953 г.), по сути, неофициально представляют альянс Вашингтон – Токио – Сеул. В условиях постоянной напряженности на Корейском полуострове это немаловажно. Что касается спора вокруг двух крошечных островов Такэсима (Токто), то для обеих стран он имеет второстепенное значение.

Отношения Японии с Корейской Народно-Демократической Республикой всё послевоенное время остаются напряженными. Между двумя странами отсутствуют дипломатические отношения, нет прямого транспортного сообщения, порты Японии закрыты для судов под флагом КНДР, практически свернута вся внешняя торговля. Все контакты между двумя странами осуществляются через штаб-квартиру Лиги корейских граждан, проживающих в Японии, «Чхонрён», которая является легальной организацией, представляющей интересы КНДР в Японии.

Среди многих проблем наиболее серьезными являются похищение спецслужбами Северной Кореи японских граждан (в 70–80-х гг. XX в.) и ракетно-ядерные разработки, которые осуществляет Пхеньян. Проблема похищенных японских граждан, которых в 70–80-х гг. XX в. насильственно и обманным путем доставили в Северную Корею, стала серьезным препятствием для нормализации японо-северокорейских отношений. По этому вопросу неоднократно велись переговоры, включая встречи на высшем уровне во время брифинга в Пхеньян в сентябре 2002 г. премьер-министра Японии Дзюньитиро Коидзуми. Северокорейская сторона признала факт похищения японцев, назвав 13 человек. Из них пятеро были отпущены в Японию, но с условием обратного возвращения. Остальных, по заверению северокорейских властей, уж нет в живых, и, следовательно, вопрос исчерпан. В Токио к этой информации отнеслись с недоверием, тем более, что по его данным число похищенных значительно больше (от 17 до 20 чел.). Эта проблема названа главной задачей, стоящей перед японской дипломатией в настоящее время.

Осуществляемая Северной Кореей ракетно-ядерная программа представляет большую опасность для Японии. В феврале 2005 г. Пхеньян заявил о ядерном оружии собственного производства, провел четыре его подземных испытания (последнее было осуществлено 6 января 2016 г.), осуществил целый ряд запусков баллистических ракет. Особо негативную реакцию и осуждение мировой общественности вызвал запуск 7 февраля 2016 г. Северной Кореей ракеты большой дальности с искусственным спутником Земли. В США, Южной Корее и Японии полагают, что этот пуск был испытанием межконтинентальной баллистической ракеты. Подобные действия Северной Кореи еще больше осложнили отношения с Японией.

Как известно, Япония имеет территориальные притязания и к России: к островам южнокурильской гряды – Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи (рис. 4*). Токио ссылается на первый русско-японский договор от 1855 г. (Си-

* Острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп образуют южнокурильскую гряду общей площадью 5174 кв. км. Группа островов Хабомаи и Шикотан входят в Малую Курильскую гряду протяженностью около 100 км, общей площадью 360,8 кв. км. Острова Хабомаи (Полонского, Зеленый, Танфильева, Анучина, Юрий) необитаемы. Площадь о-ва Шикотан 182 кв. км. Острова Кунашир и Итуруп относятся к южной части Большой Курильской гряды. На самом крупном о-ве Итуруп проживает 6,4 тыс. чел. На втором по

модский трактат), когда были установлены дипломатические отношения между Японией и Россией и определена граница. Позиция же Москвы заключается в том, что все Курильские острова перешли к СССР по итогам Второй мировой войны. Российский суверенитет над ними, оформленный соответствующими международно-правовыми документами, сомнению не подлежит.

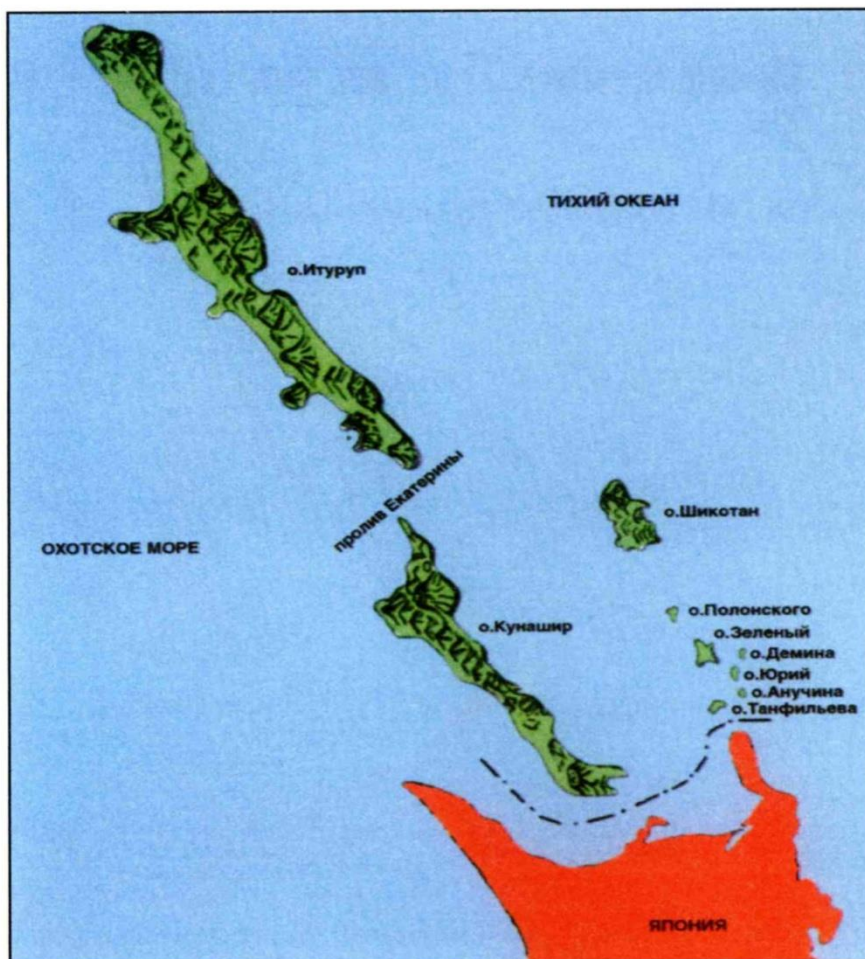

Рис. 4. Российские острова Курильской гряды, на которые претендует Япония: Итуруп, Кунашир, Малая Курильская гряда: Шикотан, Анучина, Танфильева, Демина, Юрий, Зеленый, Полонского, Лисьи, Шишки и другие острова
Источник: Кузин А.Т. Японские территориальные притязания к России. Южно-Сахалинск : ГУП «Сахалинская областная типография», 2010. С. 62.

величине о-ве Кунашир – около 8 тыс. чел., на Шикотане – 2,1 тыс. чел. Общая численность населения островов южнокурильской гряды на 2014 г. составляла 16,5 тыс. чел. (Источник: Сахалинская область – приглашение к сотрудничеству. Южно-Сахалинск : Комитет экономики администрации Сахалинской области, 2003. С. 4; Российская газета. 2004. 16 ноября; Аргументы недели. 2014. № 43, 13 ноября. С. 2.

Известно, что территориальная проблема тесно связана с вопросом заключения мирного договора между Россией и Японией. Руководители двух стран неоднократно касались этого вопроса. Однако из-за жесткой позиции правящей в Японии ЛДП и правительства, которые хотят заключить мирный договор только после решения в пользу Японии принадлежности всех четырех островов, эта проблема остается неизменной. Позицию правительства и ЛДП поддерживают также депутаты японского парламента, неоднократно принимавшие резолюции по так называемым «северным территориям».

Подобное упорство японских правящих кругов объясняется еще и тем, что они имеют поддержку некоторых стран, прежде всего Соединенных Штатов Америки, которые никогда не были заинтересованы в нормальных отношениях России и Японии. В связи с кардинальным несовпадением позиций двух стран в территориальном вопросе, в России и Японии считают, что эту проблему в обозримом будущем решить будет невозможно.

Территориальный спор происходит и в регионе Юго-Восточной Азии (ЮВА), главным образом между Китаем и Вьетнамом вокруг Парасельских островов и архипелага Спратли, которые расположены в Южно-Китайском море. На эти же острова заявляют претензии Бруней, Малайзия, Тайвань и Филиппины. На шельфе этих островов обнаружены значительные запасы углеводородов. В районе этих островов, несмотря на протесты Вьетнама, Китай с 2013 г. ведет крупномасштабные гидротехнические и строительные работы по расширению и освоению искусственно созданных островов и уже объявил о 12-мильной зоне вокруг них в качестве своей территории. Более того, на этих искусственно созданных островах, по данным японской печати, Пекин возводит различные объекты, включая взлётно-посадочные полосы и укрепленные военные пункты. Эти действия Китая, естественно, вызывают недовольство ряда стран региона, которые неоднократно заявляли, что подобные действия серьезно нарушают их суверенитет и представляют собой угрозу мирному судоходству в регионе. В этот спор готовы вмешаться и США путем ввода своих военных кораблей в пределы 12-мильных зон у искусственных островов КНР. В октябре 2015 г. США направили ракетный корабль «Лассен» на патрулирование в этом районе. Позицию США в этом вопросе поддерживает Япония, которая также обеспокоена такими действиями Китая.

В 2014 г. Токио активизировал свою дипломатию в сторону Южной Азии и Индийского океана. Япония расценивает этот регион как зону своих важных экономических интересов, имеющих непосредственное отношение к обеспечению национальной безопасности. По Индийскому океану постоянно проходят танкеры с нефтью, сжиженным газом и другими природными ресурсами, преимущественно с Ближнего Востока, а также грузовые суда с товарами из Европы в Японию. Токио заинтересован в защите этих трасс как от морских пиратов, так и от возможных провокаций со стороны некоторых государств.

Среди стран региона Южной Азии главным партнером Японии является Индия, которая заинтересована в развитии всесторонних отношений с Японией, включая военное сотрудничество. Токио и Нью-Дели с 2012 г. проводят регулярные совместные военно-морские учения. Руководители обеих стран рассматривают свое сотрудничество как важный элемент своей политики в отношении Китая, который расширяет свое влияние в этом регионе.

Таким образом, перед дипломатией кабинета Синдзо Абэ стоят сложные задачи в отношениях со странами-соседями и за их пределами. Эти отношения осложняются территориальными спорами и разночтением в послевоенной истории. Кроме этого, в регионе Северо-Восточной Азии сохраняется напряженная обстановка в связи с ведущимися разработками в Северной Корее ракетно-ядерной программы. После очередного ядерного испытания Северной Кореей 6 января 2016 г. и запуска 7 февраля 2016 г. ракеты-носителя со спутником, США и Южная Корея рассматривают вопрос о развертывании на юге Кореи американской противоракетной системы «Таад». Противники размещения этой системы полагают, что это входит в планы Вашингтона по созданию региональной системы ПРО в Северо-Восточной Азии. Эти планы поддерживает и Япония. Если это произойдет, то Китай и Россия вынуждены будут принять ответные меры в целях обеспечения своей безопасности.

В итоге все это может привести к гонке вооружений и военному противостоянию между ведущими державами мира, к геополитическому напряжению в АТР в духе «холодной войны» второй половины XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ИТАР-ТАСС. Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2015. – 27 апр.
2. ИТАР-ТАСС. Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2015. – 21 июл.
3. ИТАР-ТАСС. Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2015. – 7 апр.
4. Михеев, В. В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире / В. В. Михеев. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 360 с.
5. Российская газета // 2015. – 2 сент., № 195. – С. 5.
6. Семин, А. В. Токио – Пекин: от партнерства к противостоянию? // Япония. 2006 : ежегодник. – М. : АИРО-XXI, 2006. – С. 41–54.
7. Diplomatic Blue book 2015. Japanese Diplomacy and International Situation in 2014. – Tokyo : Ministry of Foreign Affairs, Japan. 2015. – 364 с.
8. The Japan Times. – 2014. – December 5.
9. Data Book of the World 2015. –Tokyo : Ninomiya Syoten, 2015. – 480 р. – Яп. [Справочник по странам мира].
10. Нихон кокусэйдзүэ 2015/2016. – Токио : Я но цунэтаки нэнкай, 2015. – 543 р. – Яп. [Япония в цифрах и диаграммах 2015/2016 : стат. справочник].

REFERENCES

1. ITAR-TASS. Asian-Pacific region. 2015. April 27. (In Russ.).
2. ITAR-TASS. Asian-Pacific region. 2015. July 21. (In Russ.).
3. ITAR-TASS. Asian-Pacific region. 2015. April 7. (In Russ.).
4. Miheev V.V. *China – Japan strategic partnership and competition in a globalized world*. Moscow: Institute of World Econ. and Intern. Relations, Russ. Acad. of Sci. Publ., 2009. 360 p. (In Russ.).
5. *Rossiiskaya gazeta*, 2015, no. 195, Sept. 2, p. 5. (In Russ.).
6. Semin A.V. Tokyo – Beijing: from partnership to confrontation? *Japan. 2006: The Yearbook*. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2006, pp. 41–54. (In Russ.).
7. *Diplomatic Blue book 2015. Japanese Diplomacy and International Situation in 2014*. Tokyo: Ministry of Foreign Affairs, Japan 2015. 364 p.
8. *The Japan Times*, 2014, December 5.
9. *Data Book of the World 2015*. Tokyo: Ninomiya Syoten, 2015. 480 p. (In Japan.).
10. Japan in figures and diagrams 2015/2016: Statistical Handbook. Tokyo: Ya no thunetaki nenkai, 2015. 543 p. (In Japan.).

ЭКОНОМИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

THE ECONOMY: EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS

УДК 339.923

Г.М. Костюнина¹

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия
E-mail: galina_kostynina@yahoo.com

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ В ИНДОНЕЗИИ

Аннотация. В статье рассмотрена индонезийская практика зонирования, которая берет начало с 1970-х гг., хотя первый опыт оказался неудачным. Вторым этапом является период с конца 1980-х гг., когда был создан «треугольник экономического роста» СИДЖОРИ (Singapore – Johor – Riau, SIJORI), объединивший приграничные регионы Сингапура, Малайзии (штат Джохор) и Индонезии (провинция Риау), позднее преобразованный в Южную зону роста. Страна также участвует еще в двух «треугольниках экономического роста» – Северной зоне роста (Индонезия – Малайзия – Таиланд) и Восточноасианской зоне роста (Бруней – Индонезия – Малайзия – Филиппины).

В Индонезии сейчас действуют разные типы свободных экономических зон (СЭЗ), включая зоны свободной торговли (ЗСТ) и свободные порты (СП), туристические зоны, технопарки, промышленные парки и специальные экономические зоны. В статье дана характеристика законодательного регулирования СЭЗ в Индонезии. Подробно рассмотрены нормы Закона 2009 г., включая понятие СЭЗ, ее критерии, система управления, пакет льгот, гарантируемый резидентным компаниям. Автор рассматривает практику функционирования ЗСТ Батам, Бинтан и Каримун, технопарков и туристических зон, анализирует показатели их деятельности, а также выявляет их пробле-

¹ Галина Михайловна Костюнина, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры МЭО и ВЭС МГИМО (Университет) МИД РФ, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Костюнина, Г.М. Свободные экономические зоны в Индонезии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 1–2. С. 23–41.

© Костюнина Г.М., 2016

мы. Успешный опыт функционирования СЭЗ и необходимость стимулирования экономического роста страны поставили задачу образования новых СЭЗ – 11 специальных экономических зон, 100 технопарков и 5 морских технопарков – к 2019 г. Так, намечено образовать не менее одного технопарка в каждой провинции и в каждом городе страны в целях содействия переходу к инновационной экономике. Индонезийский опыт функционирования различных типов СЭЗ оказался достаточно эффективным и позволяет сделать определенные выводы для российской практики зонирования.

Ключевые слова: свободная экономическая зона (СЭЗ), технопарк, специальная экономическая зона, туристическая СЭЗ, зона свободной торговли, свободный порт, Индонезия, Южная зона роста, Северная зона роста, Восточноасианская зона роста, Батам, Бинтан, Каримун.

Galina M. Kostyunina¹

MGIMO (University), Moscow, the Russian Federation

E-mail: galina_kostynina@yahoo.com

FREE ECONOMIC ZONES IN INDONESIA

Abstract. The article is devoted to Indonesia's politics of FEZs, which began in the 1970s. However, the first experience was unsuccessful. The second stage began in the late 1980s when the first economic growth triangle (GT) SIJORI was created by three countries – Indonesia (province Riau), Singapore and Malaysia (province Johor). Later it was transformed into the South Growth Area. Now Indonesia is a participant of two other growth triangles – North GA (Indonesia-Malaysia-Thailand) and BIMP-EAGA (Brunei-Indonesia-Malaysia-Philippines). In Indonesia, there are free trade zones (FTZs), tourist zones, technoparks, industrial parks and special economic zones. The article deals with legal regulation of FEZs in Indonesia. There are details of the Indonesian Law of 2009, including the concept of FEZ, its criteria, management system, and preferences package, guaranteed for resident companies. The author analyzes the functioning of Batam, Bintan and Karimun FTZs, technoparks and tourist FEZs, their economic performance and problems. Effectiveness of the Indonesian FEZs policy and the task to accelerate the national economic growth have initiated the concept to create 11 special economic zones,

¹ Galina M. Kostyunina – Doctor of Science (World Economy), professor, Professor of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations MGIMO (University), Moscow, the Russian Federation.

For citation: Kostyunina, G.M. Free economic zones in Indonesia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P. 23–41.

100 technoparks and 5 marine technoparks to 2019. There is a plan to develop at least one technopark in each province and each city aimed at transforming the national economy to an innovative one. The Indonesian practice of different kinds of free economic zones is to be effective and gives an opportunity to make some recommendations for Russia.

Keywords: free economic zone (FEZ), technopark, special economic zone, tourist zone, free trade zone, free port, Indonesia, South Growth Area, North Growth Area, East ASEAN Growth Area, Batam, Bintan, Karimun.

История развития СЭЗ в Индонезии. Трансграничная зона как первый успешный опыт политики зонирования

Первая СЭЗ была создана в Индонезии в 1973 г. Но практика оказалась неуспешной. Поэтому фактически датой начала формирования индонезийских зон считается 1988 г., когда стал действовать треугольник роста Сингапур – штат Джохор (Малайзия) – провинция Риау (Индонезия), или СИДЖОРИ (Singapore – Johor – Riau, SIJORI).

В 1990 г. было ратифицировано Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве по развитию провинции Риау в целях привлечения и защиты иностранных инвестиций. Оно предусматривало упрощение процедур поставки товаров; совместное развитие туристических зон; сотрудничество в сферах промышленности и технологий в Риау; упрощение налогообложения и процедур въезда/выезда иностранных граждан. В 1994 г. подписан Меморандум о взаимопонимании, который официально закрепил создание «треугольника» СИДЖОРИ.

В 1996 г. было решено расширить территорию СИДЖОРИ за счет включения трех штатов Малайзии и шести провинций Индонезии. С расширением общей территории треугольник был переименован в Южную зону роста, хотя и часто применяется термин «треугольник роста СИДЖОРИ». В итоге совокупная территория Южной зоны роста составила 334 тыс. кв. км и численность населения – 35 млн человек.

Цель Южной зоны роста состоит в расширении и укреплении экономических связей субрегиона, оптимизации взаимозависимости между тремя странами. Она является примером трансграничной СЭЗ как территории, включающей приграничные районы двух и более стран, призванной стимулировать их экономическое развитие на основе преференциальной политики, финансового субсидирования со стороны государства и частнопредпринимательского сектора, предоставления адекватной инфраструктуры для реализации долгосрочных макро- и микроэкономических задач [1, с. 169].

В основу Южной зоны роста положено внутрирегиональное вертикальное разделение труда между Сингапуром, приграничными регионами Малайзии и

Индонезии. Сингапур выступает как центр промышленности и деятельности транснациональных компаний (ТНК), крупный торговый и банковский центр. Для Сингапура требовался перевод трудоемких отраслей в страну с более дешевой рабочей силой, каковой и оказалась Индонезия, экономика которой нуждалась в создании новых рабочих мест. Индонезия также стала важным поставщиком воды, столь необходимой для сингапурской экономики.

Немалую роль в развитии Южной зоны роста сыграла либерализация допуска иностранных инвестиций в Индонезию, в том числе было разрешено создавать предприятия со 100%-й иностранной собственностью. На территории зоны роста были образованы два совместных сингапуро-индонезийских предприятия. Одно – по развитию инфраструктуры Риау, второе – для целей сооружения инфраструктурных объектов на Бинтане.

Сингапур стал одним из ведущих инвесторов в экономику Батама (70% иностранных компаний находятся в собственности сингапурских инвесторов). Основные инвестиционные потоки приходятся на четыре СЭЗ Индонезии, входящие территориально в Южную зону роста – промышленный парк Батаминдо, промышленный парк Бинтан, международный курорт Бинтан, морской и промышленный комплекс Каримун, которые привлекли в общей сумме 4 млрд долл. иностранных инвестиций. Создано 100 тыс. новых рабочих мест, а совокупные экспортные доходы составляют 2,5 млрд долл. в среднем ежегодно.

В рамках Южной зоны роста сформировался промышленный кластер, в котором главную роль играют химическая отрасль (33,9% совокупного объема производства), электроника (27,5%), производство оптических инструментов (11,3%), транспортное машиностроение (10,0%), биомедицинская отрасль (9,8%) и отрасли общего производства, включая пищевую (7,5%). Общая численность занятых в зоне роста равна 417,7 тыс. чел., общий объем промышленного производства – 300,7 млн долл. и добавленной стоимости – 60,2 млн долл. [2, р. 15].

В целом, Южная зона роста является удачным примером трансграничной зоны, призванной повысить конкурентоспособность экономик участвующих регионов на основе использования сравнительных преимуществ за счет географической близости и высокой экономической взаимозависимости. Реальные результаты достигнуты в сферах развития инфраструктуры, привлечения прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) и создания новых рабочих мест. Однако сохраняются и проблемы, связанные с недостаточно благоприятным предпринимательским климатом, сохранением ограничений в отношении трансграничных потоков лиц; нерешенностью миграционных и социальных вопросов. В последнее десятилетие интерес к зоне снизился в связи с правовым статусом свободных портов Батам, Бинтан и Каримун (ББК), но, например, Малайзия призывает партнеров возродить Южную зону роста.

Индонезия также участвует и в двух других зонах экономического роста – в Северной совместно с Малайзией и Таиландом, а также в Восточно-азиатской зоне роста вместе с Брунеем, Малайзией и Филиппинами, созданных в начале 1990-х гг. и функционирующих в настоящее время.

Зона экономического роста Индонезия – Малайзия – Таиланд, или Северная зона роста (Indonesia – Malaysia – Thailand, IMT-GT), была инициирована в 1993 г. Она состоит из 32 регионов, в том числе 14 провинций на юге Таиланда, 8 северных штатов Малайзии и 10 провинций на о-ве Суматра в Индонезии. Совокупная площадь зоны равна 602,3 млн кв. км, а численность населения – 78,2 млн человек.

Основные цели Северной зоны роста включают:

- содействие внутрирегиональной и межрегиональной торговле и инвестициям, повышение темпов роста сельскохозяйственного производства, АПК и туризма;

- укрепление инфраструктуры; развитие человеческих ресурсов;

- активизацию мобильности рабочей силы;

- укрепление защиты окружающей среды и управления природными ресурсами;

- активизацию институциональных соглашений и механизмов сотрудничества, включая государственно-частное партнерство;

- использование преимуществ экономических коридоров.

В зоне роста создано пять экономических коридоров:

1. Коридор Сонгхла – Пинанг – Медан;

2. Коридор Малаккского пролива;

3. Коридор Банда – Ачех – Медан – Пеканбару – Палембанг;

4. Коридор Мелака – Думай;

5. Коридор Ранонг – Пхукет – Ачех.

Первая Дорожная карта развития Северной зоны роста была утверждена в 2007 г. на период 2007–2011 гг. В 2011 г. утверждена вторая Дорожная карта Северной зоны роста и План ее развития на 2012–2016 гг. В рамках зоны реализуются проекты по экономической связности в сферах электроэнергетики, воздушного и морского транспорта. Утверждена инициатива по развитию «зеленых» городов и особой приграничной зоны. Так, например, на территории Индонезии сооружаются такие проекты, как линии электропередач Мелака (Малайзия) – Пеканбару (Индонезия), «зеленый» город в Медане, морской путь Мелака (Малайзия) – Думай (Индонезия), строительство шоссейной дороги Бинжаи – Медан – Тебинг Тингги; строительство аэропорта в Медане; модернизация порта Думай. В целях поощрения туризма устранены или снижены туристические сборы внутри зоны роста, разрешены безвизовые поездки граждан стран-членов, ведется строительство 3-звездочных отелей, развивается медицинский и внутренний туризм.

За 2005–2012 гг. совокупный ВВП Северной зоны вырос с 336 до 523 млрд долл. по паритету покупательной способности (ППС), или в 1,56 раза, а среднедушевой ВВП – с 4875 до 6690 долл., или в 1,37 раза (табл. 1) [3, р. 19, 23].

Таблица 1

**Динамика основных экономических показателей деятельности
Северной зоны роста в 2005–2012 гг.**

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ВВП, млрд долл.	336,1	362,9	388,8	404,6	409,7	452,2	487,5	523,0
Доля Индонезии в ВВП, %	44,7	43,9	44,0	44,2	43,9	43,1	43,7	45,6
Среднедушевой ВВП, долл.	4875	5175	5449	5575	5553	6023	6412	6690
Экспорт, млрд долл.	156,8	180,2	197,1	223,7	178,2	231,8	275,2	267,1
Доля Индонезии, %	15,5	16,3	17,9	20,7	19,5	21,4	24,2	23,2
Импорт, млрд долл.	121,5	137,3	152,7	176,2	138,6	183,4	214,1	223,5
Доля Индонезии, %	6,3	5,3	4,8	11,3	10,7	9,8	10,7	11,6

Источник. Составлено на основе: IMT-GT Statistical Figures and Trends. May 2014. ADB, 2014. 130 p.

Участие в деятельности данной зоны особенно важно для экономики Малайзии (доля национального ВВП в совокупном ВВП зоны равна 45,6%), что касается экономик Индонезии и Таиланда, то доля Северной зоны роста составляет 19,4% и 9,3% соответственно. [3, р. 24].

Уровень безработицы снизился с 8,6% до 4,3% за 2005–2012 гг. Стоимостной объем экспорта увеличился за рассматриваемый период с 156,8 до 267,1 млн долл., или в 1,7 раза, а импорта – с 121,5 до 223,5 млн долл., или в 1,84 раза. На долю Северной зоны роста приходится 41,4% экспорта и 35,1% импорта трех стран [3, р. 33]. Удельный вес Индонезии в совокупном экспорте зоны вырос с 15,5% до 23,3%, а в совокупном импорте – с 6,3% до 11,6% за 2005–2012 гг.

Как можно заметить по приведенным статистическим показателям, Северная зона роста отличается динамикой роста, при этом участие в ее деятельности для индонезийской экономики растет. Ее сравнительные преимущества связаны с экономической взаимодополняемостью, географической близостью и тесными историческими, культурными и языковыми связями между странами-членами.

Законодательное регулирование СЭЗ

В 1996 г. Президентский декрет № 41 определил условия формирования промышленных зон в Индонезии; также в 1996 г. был принят Президентский декрет № 33 о таможенных зонах и таможенных складах; в 2000 г. Декрет № 150 об интегрированных зонах. В 2000 г. подписан Закон № 1 о зонах свободной торговли и свободных портах, в 2007 г. в него внесены изменения.

Технопарки в Индонезии создаются на основе Закона № 18, 2002 г. О Национальной системе исследований, развития и внедрения науки и технологий. Он определяет цели национальной инновационной системы, права администрации регионов в создании научных центров и их инфраструктуры, их функции по разработке пакета льгот и регистрации компаний.

Ныне действующее законодательство – Закон Республики Индонезия № 39, 2009 г. О специальных экономических зонах. Под СЭЗ понимается зона внутри территориальных границ региона, призванная выполнять утвержденные функции, предоставлять объекты инфраструктуры и пакет льгот резидентным компаниям. Цели формирования СЭЗ состоят в получении геоэкономических и геостратегических преимуществ, развитии промышленности, содействии экспорту и созданию рабочих мест.

Закон определяет критерии, которым должна удовлетворять зона: (1) соответствовать плану экономического развития региона; (2) иметь поддержку со стороны администрации региона; (3) быть расположенной вблизи морских транспортных путей или обладать запасами природных ресурсов; (4) иметь четкие границы.

Процесс формирования СЭЗ и обустройства инфраструктуры не должен превышать 3 года, хотя возможно продление на 2 года при условии положительной оценки деятельности зоны.

Управление специальной экономической зоной осуществляет Национальный совет и Совет СЭЗ. Национальный совет состоит из министров и глав прочих правительственных структур. Его полномочия включают разработку национального плана развития СЭЗ, общей политики и стратегии направлений деятельности зоны, определение стандартов деятельности и инфраструктуры, проведение обзора направлений функционирования СЭЗ, решение стратегических проблем, проведение мониторинга и оценки эффективности деятельности зоны.

В Совет СЭЗ входят представители федерального правительства и региональной администрации. Он подотчетен Национальному совету и призван реализовывать политику, определяемую Национальным советом, назначает Администратора СЭЗ, ведет контроль, оценку и координацию выполнения Администратором зоны своих обязанностей, готовит отчет о результатах деятельности зоны.

Резидентным компаниям гарантируется пакет льгот. Налоговые льготы включают сниженную ставку налога на прибыль, сниженную ставку налога на собственность, дополнительные налоговые льготы устанавливаются для отдельных СЭЗ региональными властями. Торговые стимулы – освобождение от уплаты импортных таможенных пошлин и акцизных сборов, а от НДС и налога с продаж освобождаются товары роскоши.

Закон регулирует трудовые вопросы, ответственность за которые несет трехсторонняя специальная комиссия. Вопросы установления минимальной оплаты труда в каждой СЭЗ решает Совет по оплате труда, создаваемый по инициативе губернатора штата, на территории которого действует зона.

Формирование профсоюза относится к компетенции конкретной резидентной компании. В компаниях с действующим профсоюзом подписывается коллективное трудовое соглашение между профсоюзным комитетом и работодателем.

Направления развития индонезийских СЭЗ определены в Мастер-плане ускорения и расширения экономического развития Индонезии до 2025 г., который утвержден Президентским регламентом № 32, 2011 г.

Пакет льгот, указанный в Законе 2009 г., в последующем был дополнен такими стимулами, как: (1) льготы по уплате местных налогов; (2) отсутствие лицензирования предпринимательской деятельности; (3) режим «одного окна», позволяющий сократить издержки и время прохождения соответствующих процедур.

Современный этап развития индонезийских СЭЗ

Цели формирования СЭЗ в Индонезии включают интеграцию экономики страны в мировую экономику; привлечение иностранных инвестиций; превращение Индонезии в региональный центр промышленного производства на основе использования сравнительных преимуществ, таких как дешевая рабочая сила, природные ресурсы, близость к региональным рынкам сбыта.

В индонезийской практике зонирования применяются такие типы СЭЗ, как зоны свободной торговли и свободные порты, промышленные парки, технопарки, туристические зоны, специальные экономические зоны.

В стране функционируют 4 зоны свободной торговли, 8 специальных экономических зон, включая 2 туристических СЭЗ, 79 промышленных парков, 4 технопарка и 1 эколого-промышленный парк (табл. 2).

Отраслевая структура зональной экономики дифференцирована от производства пальмового масла до нефтехимии и туристических услуг.

Наибольшее развитие в практике Индонезии получили зоны свободной торговли как географически ограниченные территории, расположенные вблизи аэропорта, морского или речного порта, на перекрестке основных коммуникационных и транспортных путей, выведенные за пределы национальной таможенной территории для ведения экспортно-импортных опера-

ций, содействия экономическому развитию, в которых предоставляются налоговые и прочие льготы для зарегистрированных компаний [4, с. 229].

Таблица 2

Свободные экономические зоны в Индонезии

Название СЭЗ	Отрасли
Специальные экономические зоны – 8	
Сени Манги	Производство пальмового масла. Переработка натурального каучука. Производство удобрений. Логистика. Туризм.
Танджунг Апи-Апи	Переработка натурального каучука. Нефтепереработка. Нефтехимия.
Малая Батута Транс Калимантан	Производство пальмового масла. Логистика.
Битунг	Рыбопереработка. Фармацевтика. Логистика. Различные отрасли производства.
Палу	Промышленность. АПК. Добыча никеля, железной руды и золота. Логистика.
Моротай	Туризм. Рыбопереработка. Логистика.
Танджунг Лесунг	Туризм.
Мандалика	Туризм.
Зоны свободной торговли – 4: Батам, Битунг, Каримун, Сабанг	
Промышленные парки – 79	
Технопарки – 4: Бандунг, Соло, Сикаран, Пуспиптек	
Экопарк Макаassar	

Источник. Составлено на основе: [6] и [7].

Зоны свободной торговли в Индонезии

Зоны свободной торговли (ЗСТ) и свободные порты Батам, Бинтан и Каримун (ББК) имеют стратегическое географическое положение на перекрестке международных транспортных путей, вблизи Сингапура, Малайзии, Китая, Индии и Австралии.

Отрасли этих зон тесно взаимосвязаны с сингапурскими отраслями хозяйства. В частности, строительство промышленных парков Батам и Бинтан осуществлено на основе сингапурских инвестиций.

В 2006 г. Индонезия и Сингапур подписали Рамочное соглашение по экономическому сотрудничеству на островах ББК в целях развития одноименных свободных экономических зон. Приоритетными сферами взаимных экономических связей стали инвестиции, налогообложение, финансы, таможенные процедуры, перемещение лиц и развитие инфраструктуры. Оно позволило создать совместную трансграничную зону.

В 2007 г. был опубликован Правительственный регламент № 46 о зонах ББК, на основе которого были образованы три зоны свободной торговли и свободные порты.

Для зарегистрированных компаний утверждены следующие правила. Торговля товарами, ввозимыми на территорию зоны и вывозимыми из нее, ведется только лицензированными компаниями и только товарами, имеющими прямое отношение к производственной деятельности резидентных компаний. Экспортно-импортные операции осуществляются в порту/аэропорту, на территории которых товары не подлежат уплате НДС. Товары также освобождаются от импортных таможенных пошлин и подоходного налога.

Как и любые ЗСТ, рассматриваемые зоны выведены за пределы национальной таможенной территории, т.е. подпадают под принцип экстерриториальности. На практике это означает, что товары не декларируются в качестве импортных, но в случае вывоза на национальную таможенную территорию считаются импортными и подлежат таможенному обложению с импортной стоимости товара.

Инвестору предоставляется возможность приобретения права на землю сроком на 30 лет с возможной двукратной пролонгацией на 10 лет и право аренды земли сроком на 50 лет с двукратной пролонгацией на 15 лет.

Совокупный объем вложенных инвестиций в экономику ББК составил 900,4 млн долл. в 161 инвестиционный проект в 2011 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

**Инвестиции в экономике зон свободной торговли
Индонезии в 2011 г.**

Зона свободной торговли	Иностранные инвестиции, млн долл.	Кол-во проектов с иностранными инвестициями, ед.	Национальные инвестиции, млн долл.	Кол-во проектов с национальными инвестициями, ед.
Каримун	–	–	5	1
Бинтан	36	3	8	1
Батам	584,4	88	267	68
Всего	620,4	91	280	70

Источник. Muzlavardi A. Special Economic Zone Policy Through Free Trade Zones: Batam, Bintan and Karimun Case Analysis. P. 8.

Батам стал ЗСТ еще в рамках «треугольника роста» СИДЖОРИ, а в 2007 г. получил юридический статус сроком на 70 лет. Территория зоны составляет 415 кв. км.

Батамская промышленность условно разделена на две сферы: отрасли первого подразделения (судостроение, металлургия) и отрасли второго подразделения (электроника, производство одежды и пластмасс). В ЗСТ сосредоточено производство продукции электроники благодаря сингапурским инвестициям. Зона по праву считается одним из крупнейших в мире центров электроники. Так, например, объем производства электрического оборудования равен 1486,2 млн долл. в 2014 г. [5, р. 15]. Развитие электроники на Батаме стало возможным в результате аутсорсинга данного производства с территории Сингапура по причинам нехватки земли и более дорогой рабочей силы. На территории острова размещено 25 промышленных зон, принадлежащих частному капиталу.

В 2013 г. темп прироста ВВП Батама составил 8,39%, тогда как в стране – 6,3%. Объем налоговых поступлений в бюджет страны – IDR¹ 1,1 млрд [6].

В 2013 г. в экономику Батама вложено 15,7 млрд долл., в том числе 43,2% иностранные инвестиции (6,8 млрд долл.), 37,1% внутренние инвестиции (5,8 млрд долл.) и 19,7% правительственные капиталовложения (3,1 млрд долл.) [7].

Сингапур является главным инвестором, на долю которого приходится 70% всех иностранных инвестиций и экспортных поставок. На основе сингапурских капиталовложений реализовано более 300 инвестиционных проектов в Риау в период 2006–2013 гг. Численность занятых составляет около 336 тыс. чел, в том числе 330 тыс. местных жителей и 5970 иностранцев в основном из Сингапура и Индии [8].

В 2010 г. была утверждена Дорожная карта развития зоны свободной торговли Батам (схема 1).

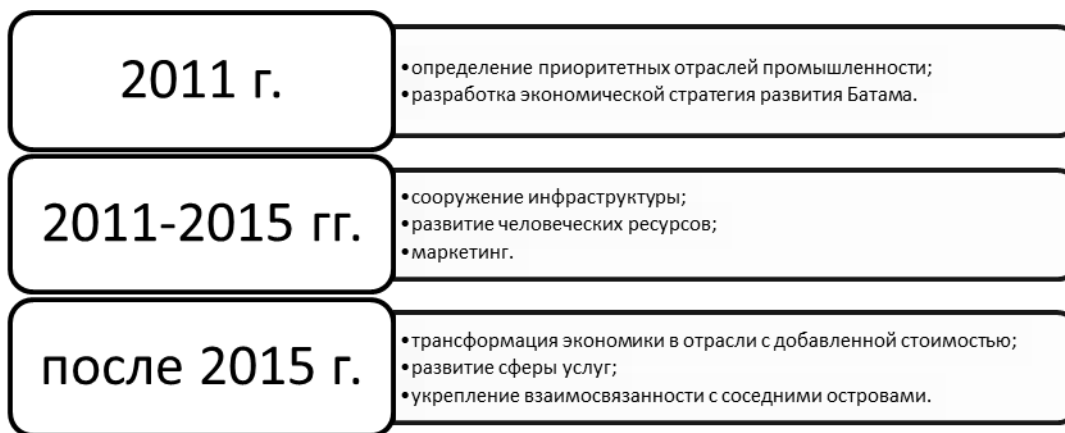

Схема 1. Дорожная карта развития ЗСТ Батам

¹ IDR – индонезийская рупия.

Современная стратегия развития Батама исходит из концепции формирования экологически чистого, зеленого и комфортного города на основе реализации низкоуглеродных технологий, передачи знаний в рамках образования, подготовки кадров и сооружения инфраструктуры.

Преимущества для резидентных компаний на Батаме: (1) стратегическое положение в Малаккском проливе на пересечении глобальных транспортных маршрутов и вблизи Сингапура; (2) дешевая рабочая сила; (3) более развитая инфраструктура, чем в других регионах страны; (4) программа «одного окна», когда процесс одобрения не превышает 20 рабочих дней; (5) привлекательный регион для развития туризма; (6) центр развития судостроения (более 150 компаний); (7) центр производства электроники. По оценкам, использование преимуществ регистрации и ведения предпринимательской деятельности на Батаме позволяет сократить предпринимательские издержки на 20% [6].

Основные проблемы ЗСТ Батам, как и в целом индонезийских свободных экономических зон, следующие: (1) невысокий уровень развития и нехватка объектов инфраструктуры, в том числе нехватка воды и электроэнергии (при этом инфраструктура на территории СЭЗ более развита, чем в среднем по стране); (2) жесткое регулирование допуска иностранных инвестиций, включая запрет на использование сырья из вторичных материалов; (3) бюрократизация; (4) регулирование трудовых отношений.

Наличие этих проблем негативно сказывается на эффективности деятельности СЭЗ. Так, вследствие споров по трудовым вопросам ряд компаний вывели производство из Индонезии (PT Exas, PT VJ Industries, PT Panasonic Battery Batam, PT Casio Electronics Indonesia). Причинами стали требование занятых о повышении оплаты труда и нарушение компаниями трудового законодательства.

Минимальный уровень оплаты труда в СЭЗ ниже, чем в стране в целом. Такова практика Панамы, Коста-Рики, Пакистана и Индонезии [9, с. 14].

В 2012 г. минимальная заработная плата на Батаме составляла 1402 тыс. IDR (145 долл.), что ниже, чем в других регионах страны. Например, в Джакарте минимальная оплата труда равна 1529,2 тыс. IDR, в восточной Яве – 1402 тыс. IDR [5]. В 2013 г. минимальная заработная плата на Батаме возросла до 2040 тыс. IDR (210 долл.). Рост оплаты труда снижает конкурентные преимущества рассматриваемой зоны свободной торговли, прежде всего, перед соседними странами – Малайзией, Таиландом, Китаем и Вьетнамом.

Что касается нарушения трудового законодательства Индонезии, то на территории СЭЗ не соблюдаются нормы социального страхования, не выполняется требование заключения трудовых контрактов (они применяются только в ряде услуг, но не в производстве). Таким образом, на Батаме не гарантируется защита прав занятых.

Еще одна проблема ЗСТ Батам связана с отсутствием на острове крупного порта, через который осуществлялись бы транспортные перевозки в зарубежные страны, что ведет к необходимости использования посредников, а значит, увеличивает транспортные издержки.

Но в целом зона свободной торговли Батам, как и Бинтан и Каримун, функционирует эффективно благодаря содействию росту занятости, притоку инвестиций, расширению экспорта и экономическому росту региона.

Туристические СЭЗ

В Индонезии действуют 15 туристических зон, которые имеют стратегический характер. Туризм стал приоритетным направлением развития экономики страны с конца 1980-х гг., когда была утверждена национальная программа «Посетите Индонезию в 1990-е гг.». Она ставила цели увеличить количество иностранных туристов до 6,5 млн человек в год, повысить объем доходов от туризма до 9 млрд долл. и увеличить численность занятых в сфере туризма до 90 тыс. человек [4, с. 360]. В официальных документах определены три направления туризма: внутренний, международный и производство туристической продукции. Развиваются разные виды туризма: исторический, культурный, природный, экологический, кулинарный, шоппинг, рекреационный, оздоровительный.

Согласно Всемирному экономическому форуму, Индекс конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма Индонезии равен 3,9, что равнозначно 79 месту из числа 139 стран мира. По ценовой конкурентоспособности страна занимает 4-е место, по культурному наследию – 39-е и по биоразнообразию и природным красотам – 17-е место в мире.

Рост внимания к туристическим СЭЗ связан с ролью туризма в экономике Индонезии. Туризм является 5-й статьей валютных доходов после нефти и газа, пальмового масла, угля, натурального каучука. В 2014 г. суммарное количество иностранных туристов составило 7,6 млн человек, которые принесли валютные доходы в объеме 8,5 млрд долл. [10, р. 3]. Основные туристические потоки идут из Великобритании, Сингапура, Австралии и еще других 16 государств, включая Россию.

Утвержден Мастер-план развития туризма в Индонезии на 2010–2025 гг., который призван поддержать устойчивое развитие туризма, создать новые рабочие места, сократить уровень бедности, сохранить экологию.

В 2013 г. совокупные инвестиции в сферу туризма равнялись 729 млн долл., что в 3 раза больше показателя 2012 г. Доля этой сферы составляет 4,73% национального производства, 4,06% ВВП, 6,87% занятых и 4,16% налоговых поступлений в бюджет страны [10, р. 5].

Самой популярной индонезийской туристической СЭЗ является зона Бали, на которую приходится до 1/3 всех иностранных туристов, посещающих страну, или в абсолютном выражении 3 млн человек в среднем еже-

годно. Туризм здесь развивается еще с 1926 г., со времен датской оккупации. Средняя продолжительность пребывания туриста – 9 дней, а сумма финансовых ресурсов, которую оставляет каждый турист, в среднем равна 80 долл. Туризм выступает важной отраслью экономики Бали, на его долю приходится 14% национального экспорта, численность занятых равна 3,4 млн человек [4, с. 362].

В 2015 г. правительство Индонезии приняло решение о создании к 2020 г. туристической зоны Танджунг Лесунг на базе известного курорта. Зона расположена на западе Явы на территории в 1,3 тыс. кв. га. Ее развитие позволит создать 200 тыс. новых рабочих мест, в том числе не менее 70% для местных жителей. Хотя зона является действующим курортом, но отличается слабостью инфраструктуры. В 2016 г. запланировано вложить в объекты инфраструктуры трех туристических зон, включая Танджунг Лесунг, 20 трлн IDR [10].

Технопарки как приоритетное направление индонезийской политики зонирования

Огромную роль в инновационном развитии любого государства играют технопарки. По определению Международной ассоциации научных парков, под технопарком понимается институциональная структура, управляемая профессионалами, призванными повысить благосостояние нации на основе содействия инновациям и конкурентоспособности, где участвуют бизнес-структуры и институты. Для достижения этих целей парк оказывает содействие и управляет потоками технологий и знаний университетов, исследовательских институтов, фирм; стимулирует создание и деятельность инновационных фирм на основе процессов инкубации и роста; оказывает другие услуги с добавленной стоимостью и предоставлением высококлассных помещений и объектов.

Согласно ВЭФ, Индонезия занимает 34-е место среди 142 государств мира по Индексу глобальной конкурентоспособности в 2014–2015 гг. По инновациям: 22-е место по инновационным мощностям, 41-е место по качеству НИИ, 24-е место по объему расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), 30-е место по уровню взаимосвязей между университетами и промышленностью, 13-е место по численности исследователей и инженеров, 13-е место по госзакупкам в сфере высокотехнологической продукции, 106-е место по количеству патентов в сфере прав интеллектуальной собственности.

Стратегической целью индонезийского руководства в трансформации индонезийской экономики к экономике, основанной на инновациях, является реализация концепции «1–7–4–7 инновационных инициатив». Она предусматривает увеличение расходов на НИОКР до 1% ВВП страны, 7 шагов по повышению эффективности инновационной системы, 4 модели ускорения экономического роста и 7 целей Видения – 2025.

В частности, 7 шагов по повышению эффективности инновационной системы включают: (1) пакет льгот и правила регулирования по поддержке инноваций и использованию национальной продукции; (2) улучшение качества и рост миграции рабочей силы; (3) развитие инновационных центров по поддержке малого и среднего предпринимательства; (4) рост оплаты труда исследователей; (5) повышение уровня развития инфраструктуры; (6) стимулирование системы финансирования НИОКР; (7) создание инновационных кластеров [11, р. 47].

В Индонезии создано 4 технопарка – Бандунг, Соло, Сикаран и Пуспиптек.

Одним из известных технопарков является технопарк Соло, расположенный в провинции Суракарта. Он был создан на основе Декрета 2009 г. № 900. Акционерами парка выступают региональное правительство, исследователи, бизнесмены и финансисты.

В основу его деятельности положена концепция «трехсторонней спирали» (Triple Helix), разработанная еще в 2000 г. Этскивицем и Лейдесдорффом. В соответствии с ней технопарк работает на основе трехстороннего сотрудничества: университет, промышленность и правительство провинции.

Технопарк разделен на три зоны. Первая – зона подготовки и инкубации, вторая – зона НИОКР и информационных технологий, третья – зона промышленности и торговли.

Основные направления деятельности Соло – повышение квалификации кадров, включая сферу промышленности и образования, организация производственной практики студентов вузов, бизнес-инкубатор для программ подготовки кадров.

Еще один технопарк – Бандунг имеет иные цели деятельности как посредник между исследователями, бизнесменами, промышленностью, правительством и обществом. Но технопарк не имеет поддержки со стороны региональной администрации, что негативно сказывается на его функционировании. Преимуществом данного технопарка является реализация концепции «четверной спирали», в которой действуют 4 актора. Бандунг призван стимулировать производство инновационной продукции, базирующейся на современных технологиях; формировать старт-апы; проводить коммерциализацию исследований по таким направлениям, как информационно-компьютерные технологии, робототехника, автоматизированные системы, экология и энергетика.

С 1976 г. ведет деятельность старейший технопарк страны – Индонезийский центр по науке и технологиям Пуспиптек, который расположен вблизи центра Джакарты. Направления деятельности – исследования, ремонт и тестирование оборудования, подготовка кадров в сферах металлургии, физики, химии, приборостроения, качества окружающей среды, ядер-

ной энергетики. По своим функциям Пуспиптек является исследовательским парком, который не связан с промышленностью, компаниями и правительством в целях коммерциализации технологий. В 2015 г. поставлена задача трансформации данного парка в технологический, имеющий тесную взаимосвязь с промышленностью, под названием Индонезийский научный и технологический парк.

Одна из проблем функционирования индонезийских технопарков – сохранение невысокого уровня связей между университетами, НИИ и промышленностью. Так, лишь 12% отраслей промышленности имеют такие связи, а 88% отраслей проводят НИОКР самостоятельно. Другая проблема – низкий объем отчислений из ВВП на НИОКР – 0,09% в 2014 г. [11, р. 8].

Государственная программа развития и сооружения технопарков ставит цель образовать 100 новых технопарков. Модели планируемых технопарков: (1) национальный технопарк как центр развития науки и высоких технологий; (2) национальный парк в каждой провинции как провайдер знаний и новых технологий; (3) технопарк в городе как центр науки и технологий, призванный стимулировать развитие экономики, подготовку кадров и распространять технологии. В основу новых технопарков положена уже упоминавшаяся концепция «тройной спирали».

Также правительство инициировало формирование 5 морских технопарков по повышению эффективности рыбоперерабатывающей промышленности на о. Натуна в Риау, районе Симеилеи в Ачехе, о. Сангихеди в Северном Сулавеси и районах Малуку и Марауке в Папуа. Намечено выделить 17 млрд IDR (1,2 млн долл.) сроком на 5 лет.

Индонезийская практика СЭЗ и выводы для России

Успешность функционирования свободных экономических зон стимулировала принятие в 2011 г. решения о формировании новых СЭЗ в Индонезии и утверждении так называемого Шестого пакета стимулов для резидентных компаний зон. В данный пакет вошли такие расширенные льготы, как (1) снижение ставки налога на доходы до 20–100% сроком на 25 лет; (2) возможность приобретения недвижимости на территории зоны; (3) разрешение импортировать сырье без уплаты НДС; (4) освобождение от НДС товаров, производимых на территории зоны, при условии продажи на внутреннем рынке; вместе с тем, товары подлежат уплате таможенных и акцизных сборов; (5) снижение ставки налога на развлечения на 50% для туристического, ресторанного и развлекательного бизнеса.

Установлены критерии получения льгот в рамках Шестого пакета: минимальный объем инвестиций (1) не менее 500 млрд IDR для получения льгот сроком до 15 лет и (2) не менее 1 трлн IDR для льгот сроком до 25 лет [12].

Правительство запланировало формирование новых 11 специальных зон, 15 промышленных парков и 100 технопарков. В новых СЭЗ акцент будет сде-

лан на развитии отраслей промышленности, включая каучуковое производство, нефтепереработку, производство пальмового масла, фармацевтику, производство рыбной продукции, нефтехимию. Практически во всех специальных зонах будет развита сфера логистики, а в ряде зон – туризм. Индонезийское руководство также намерено к 2019 г. организовать 10 туристических СЭЗ и 7 зон по добыче природных ресурсов и переработке рыбы.

В 2011 г. установлены связи ЗСТ Батам с российской Томской технико-внедренческой особой экономической зоной (ТВЗ) на основе подписанного Меморандума взаимопонимания. Сотрудничество развивается по таким направлениям, как развитие торговли и промышленности, обмен информацией и экспертами, совместная подготовка кадров, проведение исследований и реализация проектов на территории зон, установление контактов между предпринимателями двух стран, содействие регистрации и деятельности компаний на территории ЗСТ Батам и ТВЗ Томск.

Индонезийский успешный опыт политики зонирования позволяет сделать несколько важных выводов для России, где свободные экономические зоны развиваются с начала 1990-х гг. Но первые 15 лет оказались неудачными, новый этап в развитии российских СЭЗ начался с 2005 г., когда был принят Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Созданы различные типы ОЭЗ, в том числе 6 промышленно-производственных, 5 технико-внедренческих, 4 туристско-рекреационных, 3 портовых зоны, а также есть две комплексные СЭЗ в Калининградской и Магаданской областях. В 2014 г. принят Федеральный Закон о развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Пока эффективна только практика промышленно-производственных зон и технико-внедренческих зон. Так, по данным журнала FDI Magazine, в 2012 г. ОЭЗ промышленно-производственного типа Алабуга вошла в список 50 крупнейших СЭЗ мира (40-е место), а по итогам 2014 г. признана самой эффективной зоной стран Центральной и Восточной Европы. Что касается портовых и туристско-рекреационных зон, то их практика неэффективна по различным показателям (количество занятых, объем вложенных инвестиций, объем производства продукции или услуг).

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы для России: (1) необходимость более активной поддержки, в том числе финансовой, со стороны государства, включая сооружение инфраструктуры; (2) принятие федерального закона о технопарках, что позволит упорядочить государственные меры регулирования и поддержки технопарков в стране; (3) расширение пакета льгот для технопарков с учетом их роли в инновационном развитии страны; пока технопарки работают на основе региональных и местных стимулов; (4) расширение объема передачи знаний и технологий от научных центров инновационным компаниям; (5) активи-

зация цепочки «технологии – бизнес – финансирование»; (б) создание зон свободной торговли с организацией на их территории экспортно-ориентированного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костюнина, Г. М. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) / Г. М. Костюнина, В. И. Баронов // Вестн. МГИМО – Университета. – 2011. – № 2. – С. 169–178.
2. Tan Yu Hui, R. Singapore's Untapped Hinterlands: Opportunities and Obstacles? Monetary Authority of Singapore / R. Tan Yu Hui. – Putrajaya Singapore, 2013. – 28 p.
3. IMT-GT Statistical Figures and Trends. May 2014. – Putrajaya : ADB, 2014. – 130 p.
4. Баронов, В. И. Свободные экономические и офшорные зоны (экономико-правовые вопросы зарубежной и российской практики) / В. И. Баронов, Г. М. Костюнина. – М. : Магистр, 2013. – 560 с.
5. Hertanti, R. Working and Living Conditions in Special Economic Zones. A Comparative Study between India and Indonesia / R. Hertanti, L. Ceresna-Chatuevedi. – Deli, November, 2012. – 46 p.
6. Investment Opportunities in the Batam Free Trade Zone of Indonesia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fccsingapore.com/events/investment-opportunities-batam-free-trade-zone-indonesia>.
7. Doing Business in Batam Free Trade Zone [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.indosight.com/blog/doing-business-batam-free-trade-zone/.
8. Костюнина, Г. М. Регулирование трудовых отношений в свободных экономических зонах развивающихся стран // Труд за рубежом. – 2009. – № 1. – С. 67–79.
9. Indonesia Focuses On Economic Zone Tourism In TanjungLesung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.travelandtourworld.com/news/article/indonesia-focuses-on-economic-zone-tourism-in-tanjung-lesung/>.
10. Unleashing Tourism Potential [The Republic of Indonesia] [Электронный ресурс] // First Magazine. – 2012. – P. 52–56. – Режим доступа: [file:///C:/Users/polikarpova.tv/Downloads/P52-56%20Minister%20of%20Tourism%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/polikarpova.tv/Downloads/P52-56%20Minister%20of%20Tourism%20(3).pdf).
11. Soenarso, W. Development of Science and Technology Parks in Indonesia to Support Innovation-Based Regional Economy: Concept and Early Stage Development / Soenarso W., D. Nugraha, E. Lystianingrum // World Technopolis Review. – 2013. – Vol. 2, iss. 1. – P. 32–42.
12. Sixth Economic Policy Package of Indonesia Special Economic Zones [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.indonesia-investments.com/news/todays-headlines/sixth-economic-policy-package-indonesia-special-economic-zones/item6128>.

REFERENCES

1. Kostyunina G.M., Baronov V.I. The Cross-Border Free Economic Zones: China;s practice. *Vestnik MGIMO – Universitet*, 2011, no. 1, pp.169–178. (In Russ.).
2. Tan Yu Hui R. *Singapore’s Untapped Hinterlands: Opportunities and Obstacles? Monetary Authority of Singapore*. Singapore, 2013. 28 p.
3. *IMT-GT Statistical Figures and Trends. May 2014*. Putrajaya: ADB, 2014. 130 p.
4. Baronov V.I., Kostyunina G.M. *The Free Economic and Offshore Zones (economic-legal issues of foreign and Russian practice)*. Moscow: Magistr Publ., 2013. 560 p. (In Russ.).
5. Hertanti R., Ceresna-Chatuevedi L. *Workong and Living Conditions in Special Economic Zones. A Comparative Study between India and Indonesia*. Deli, November 2012. 46 p.
6. *Investment Opportunities in the Batam Free Trade Zone of Indonesia*. Available at: <http://www.fccsingapore.com/events/investment-opportunities-batam-free-trade-zone-indonesia> (accessed 17 January 2016).
7. *Doing Business in Batam Free Trade Zone*. Available at: www.indosight.com/blog/doing-business-batam-free-trade-zone/ (accessed 17 January 2016).
8. Kostyunina G.M. The Regulation of Labour Relations in the Free Economic Zones of Developing Countries. *Trud za rubejom*, 2009, no. 1, pp. 67–89.
9. Indonesia Focuses On Economic Zone Tourism In Tanjung Lesung. Available at: <http://www.travelandtourworld.com/news/article/indonesia-focuses-on-economic-zone-tourism-in-tanjung-lesung/> (accessed 17 January 2016).
10. Unleashing Tourism Potential. The Republic of Indonesia. *First Magazine*. 2012. P. 52–56. Available at: [file:///C:/Users/polikarpova.tv/Downloads/P52-56%20Minister%20of%20Tourism%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/polikarpova.tv/Downloads/P52-56%20Minister%20of%20Tourism%20(3).pdf) (accessed 19 January 2016).
11. Soenarso W., Nugraha D., Lystianingrum E. Development of Science and Technology Parks in Indonesia to Support Innovation-Based Regional Economy: Concept and Early Stage Development. *World Technopolis Review*, 2013, vol. 2, iss., pp. 32–42.
12. *Sixth Economic Policy Package of Indonesia Special Economic Zones*. Available at: <http://www.indonesia-investments.com/news/todays-headlines/sixth-economic-policy-package-indonesia-special-economic-zones/item6128> (accessed 17 January 2016).

УДК 332.146

В.К. Заусаев¹

Федеральное автономное учреждение «Дальневосточный научно-исследовательский институт рынка» при Минвостокразвития России, г. Хабаровск, Россия

E-mail: zausaev_inst@mail.ru

З.А. Халиуллина²

ФАУ «ДальНИИ рынка» при Минвостокразвития России, г. Хабаровск, Россия

E-mail: z.haliullina@mail.ru

В.П. Бежина³

ФАУ «ДальНИИ рынка» при Минвостокразвития России, г. Хабаровск, Россия

E-mail: bezhinav@gmail.com

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Хабаровский край по инвестиционной привлекательности среди субъектов Дальнего Востока находится в наиболее сложном положении. Здесь особенно ощущается воздействие негативных факторов экономического развития. Вместе с тем в крае функционирует высокотехнологичное машиностроение, имеются разнообразные природные ресурсы и мощности по их переработке, благоприятное географическое положение, позволяющее выполнять роль контактной зоны России и АТР, транспортной связующей субъектов Дальнего Востока. Управленческие решения по повышению ин-

¹ Вадим Константинович Заусаев, доктор экономических наук, профессор, директор ФАУ «ДальНИИ рынка» при Минвостокразвития России, г. Хабаровск, Россия.

² Зухра Абузгутовна Халиуллина – заведующая лабораторией ФАУ «ДальНИИ рынка» при Минвостокразвития России, г. Хабаровск, Россия.

³ Виктория Петровна Бежина, ведущий экономист ФАУ «ДальНИИ рынка» при Минвостокразвития России, г. Хабаровск, Россия.

Для цитирования: Заусаев, В.К., Халиуллина, З.А., Бежина, В.П. Инвестиционная привлекательность Хабаровского края: вектор развития // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 1–2. С. 42–51.

© Заусаев В.К., Халиуллина З.А., Бежина В.П., 2016

вестиционной привлекательности Хабаровского края должны интенсифицировать конкурентные преимущества и нивелировать неблагоприятные факторы развития. Так, инвестиционные приоритеты видятся в воспроизводстве возобновимых природных ресурсов и разведке новых месторождений минерального сырья, транспортном строительстве, высокотехнологичном машиностроении и перерабатывающих производствах, а также жилищном строительстве и развитии социальной инфраструктуры, формирующих условия для наращивания постоянного населения и повышения качества жизни. Что касается нивелирования неблагоприятных факторов развития, то здесь главным является снижение затратности производства. Необходимо шире использовать отечественный и зарубежный опыт стимулирования инвестиций путем введения в регионе особых режимов хозяйствования. Формирование территорий опережающего социально-экономического развития – первый шаг в этом направлении. Наиболее эффективны они будут, если модель «полюсов роста» заработает в полной мере и особые режимы хозяйствования распространятся не только на новые, но и действующие головные предприятия, выпускающие «лидирующую» продукцию. Интенсификации инвестиционной деятельности будут способствовать программно-целевое управление инвестиционной деятельностью с включением специальных разделов по Дальнему Востоку в государственные и федеральные целевые программы, а также механизмы государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, факторы экономического развития, Хабаровский край, инвестиционная деятельность, приоритетные отрасли, государственно-частное партнерство, территории опережающего социально-экономического развития, программно-целевое управление.

Vadim K. Zausaev¹

Far Eastern Research Institute of Market Economy, Khabarovsk, Russia
E-mail: zausaev_inst@mail.ru

Zuhra A. Haliullina²

Far Eastern Research Institute of Market Economy, Khabarovsk, Russia
E-mail: z.haliullina@mail.ru

Victoria P. Bezhina³

Far Eastern Research Institute of Market Economy, Khabarovsk, Russia
E-mail: bezhinav@gmail.com

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF KHABAROVSK TERRITORY: VECTOR DEVELOPMENT

Abstract. Investment attractiveness of the Khabarovsk Territory is in the most intricate situation among the subjects of the Russian Federation. There is a severe impact of negative factors of economic development. However, this subject of the Russian Federation operates a high-tech machinery-producing industry. There is a variety of natural resources and working efficiency of its conversion, favorable geographical position to serve as contact zone between Russia and the Asia-Pacific Region, and a logistic cluster of constituents of the Far East. Competitive advantages should be intensified and unfavorable factors of development should be canceled out with management decisions that address to the rise in investment attractiveness of the Khabarovsk Territory. Thus investment priorities are in the reproduction of renewable natural resources and exploration of new minerals, transport construction, high-tech machinery-producing and manufacturing industries, as well as house building and development of the social infrastructure which allows forming conditions for accumulation of standard population and improvement of the quality of life. Reduction in expenditures is supposed to eliminate negative factors of economic development. It is necessary to make widespread use of

¹ Vadim K. Zausaev, Doctor of Economics Sciences, Professor, Director of the Far Eastern Research Institute of the Market at the Ministry of Eastern Development of Russia, Khabarovsk, Russia.

² Zuhra A. Haliullina, Head of Department of the Far Eastern Research Institute of the Market at the Ministry of Eastern Development of Russia, Khabarovsk, Russia.

³ Victoria P. Bezhina, Leading Economist of the Far Eastern Research Institute of the Market at the Ministry of Eastern Development of Russia, Khabarovsk, Russia.

For citation: Zausaev, V. K., Haliullina, Z. A., Bezhina, V. P. Investment attractiveness of Khabarovsk territory: vector development // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P. 42–51.

domestic and foreign experience of investment encouragement in the region by introducing a special mode of management. Territory of priority development formation is the first step in this direction. They will be the most effective if the model of «growth poles» operates at full capacity and a special mode of management spreads to greenfield and operating enterprise which produce the «leading» products. Accountability management of investment activities with the inclusion of special sections for the Far East in Targeted Programmes as well as public-private partnerships contribute to the intensification of the investment activity.

Keywords: the investment attractiveness, factors of investment attraction, the Khabarovsk Territory, the investment activity, priority sectors, public-private partnership, territories of priority social and economic development, accountability management.

Инвестиционная активность в регионе определяется не только экономической политикой центральных и местных органов власти, но и системой объективных условий и факторов, её обуславливающей. Располагаясь на окраине России, Хабаровский край находится в тесном соприкосновении с динамично развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Это оказывает существенное воздействие на происходящие здесь социально-экономические процессы.

В 2000-е гг. под воздействием ряда благоприятных макроэкономических факторов сложились предпосылки для экономического и инвестиционного подъема. Но полностью причины экономической нестабильности устранены не были. Остались структурные перекосы в экономике, низкая конкурентоспособность отечественных товаров, высокая степень износа активной части основных фондов, нестабильное финансовое состояние многих предприятий реального сектора экономики, низкий уровень платежеспособного инвестиционного спроса и слабая привлекательность отечественного хозяйства для иностранного капитала. В результате, с формированием в последние годы новых кризисных явлений, охвативших все сферы экономики России, ухудшилась социально-экономическая ситуация в регионах.

Слабая инвестиционная активность предприятий Хабаровского края – реакция на эти процессы. Так, в 2012, 2013 гг. инвестиции в основной капитал снизились против 2011 г., соответственно, на 2,2 и 23,9%. По индексу физического объема падение еще большее (5,3 и 30,1%). По видам экономической деятельности это коснулось сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, рыболовства и рыбоводства, строительства, транспорта и связи. В последнем сокращение в 2013 г. к 2011 г. составило 69,1%.

Преимущество в инвестициях имеют обрабатывающие производства, транспорт и связь. На них в 2013 г. пришлось, соответственно, 28,6 и 25,1%

всех инвестиций Хабаровского края. В региональных инвестициях наибольшая доля приходится на обрабатывающие производства (2013 г. – 69,1%). Просматривается четкая тенденция роста инвестиций в основные отрасли специализации Хабаровского края. В то же время в стороне остается еще одна потенциально важная отрасль экономики края – рыбная промышленность. Инвестиции в нее мизерные и не отвечают возможностям развития.

В последние годы (2011–2013 гг.) наблюдается отчетливая тенденция снижения доли инвестиций компаний частной формы собственности. Процесс идет быстрее, чем по региону в целом. Происходит это за счет роста инвестиций государственных и смешанных компаний: 2011 г. – 29,0%, 2013 г. – 46,3%. Причина – рост государственных инвестиций в транспортное строительство.

Формирующиеся в Хабаровском крае инвестиционные процессы во многом определяются сложившимся здесь инвестиционным климатом. Наиболее распространенным методом его оценки стало составление рейтинга субъектов Российской Федерации по двум характеристикам: инвестиционному потенциалу и инвестиционному риску. Они определяют соответствующую рейтинговую категорию.

По совокупному инвестиционному рейтингу Хабаровский край в 2014 г. находился в рейтинговой категории 3В1 – «пониженный потенциал – умеренный риск». Наименьший инвестиционный риск – законодательный, наибольший – криминальный. Высокий природно-ресурсный потенциал. По рейтингу финансовой и экономической устойчивости он относится к группе умеренного спада, рейтингу социальной устойчивости – к группе значительного спада, по комплексному рейтингу антикризисной устойчивости – к группе значительного спада [4]. По сравнению с 2010 гг., когда Хабаровский край имел рейтинговую категорию 3С1 – «пониженный потенциал – высокий риск», его положение за счет снижения риска несколько улучшилось. Но по инвестиционному потенциалу он остался на том же месте. Остальные субъекты Дальнего Востока имеют те же или близкие рейтинговые категории.

На фоне всех субъектов Российской Федерации Хабаровский край по инвестиционному потенциалу и инвестиционному риску находится в верхней половине рейтингового ряда. За период 2010–2014 гг. по первому показателю положение его не меняется, по второму – просматривается повышательная тенденция. В 2012 г. Хабаровский край стал лучшим субъектом Российской Федерации по динамике снижения инвестиционного риска: его рейтинг вырос в 2010–2012 гг. с 68 до 35 места.

Эффективность инвестиций в основной капитал определяется их отдачей, то есть выработкой валового регионального продукта на 1 руб. вложений. Расчеты показывают, что среднее значение в Хабаровском крае за

2010–2013 гг. составило 2,8 руб./руб. (табл. 1). Это было существенно ниже среднерегионального (3,3) и среднероссийского (4,1 руб./руб.) показателей. Понижительная динамика инвестиционной отдачи: 2000–2001 гг. – 7,0, 2002–2005 гг. – 5,3, 2006–2009 гг. – 4,0, 2010–2013 гг. – 2,8 руб./руб.

Таблица 1

Динамика инвестиционной отдачи в субъектах Российской Федерации, расположенных на Дальнем Востоке¹, руб./руб.

Республика, округ, регион, край, область	2000–2001	2002–2005	2006–2009	2010–2013
Российская Федерация	5,8	5,5	4,4	4,1
Дальний Восток	9,2	5,7	4,1	3,3
Саха (Якутия)	10,8	9,1	4,5	2,7
Приморский	9,3	7,4	4,7	3,1
Хабаровский	7,0	5,3	4,0	2,8
Амурская	10,2	6,2	4,6	2,4
Камчатский	6,2	4,7	3,9	3,6
Магаданская	7,6	6,2	3,8	3,5
Сахалинская	8,3	3,0	3,3	4,2
Еврейская	16,2	6,5	3,0	2,0
Чукотский	6,0	2,2	5,1	6,6

Подобные тенденции объясняются значительными инвестициями в транспортное строительство и обрабатывающие производства, где отдача вложений невысокая. В 2010–2013 гг. она уменьшалась, а среднее значение за этот период составило, соответственно, 1,4 и 1,0 руб./руб. В первом случае эффект растягивается на значительный временной период и проявляется опосредованно. Перерабатывающие производства характеризуются низкой эффективностью. В 2013 г. убыток их составил 7,6 млрд руб.

Темпы изменения инвестиционной отдачи в Хабаровском крае за 2000–2013 гг. в среднем составили 95,5%, что выше, чем по Дальнему Востоку (93,8), но ниже среднероссийских (97,2%), а также этих значений в Чукотском автономном округе, Сахалинской области, Приморском и Камчатском краях.

Более детально анализ инвестиционной активности Хабаровского края был проведен с использованием метода ПАТТЕРН. Сравнительная интегральная оценка субъектов Российской Федерации, расположенных на Дальнем Востоке, рассчитана по 17 статистическим показателям². Она по-

¹ Рассчитано по данным [2], [3].

² Для сопоставимости все показатели соотносились с численностью экономически активного населения.

казала падающую тенденцию (рис. 1) и наименьшее значение среди основных субъектов региона. По числу зарегистрированных преступлений, плотности железных дорог и автомобильных дорог с твердым покрытием, инвестициям в основной капитал и иностранным инвестициям, доходам консолидированного бюджета, степени износа основных фондов Хабаровский край – замыкающий в ДФО.

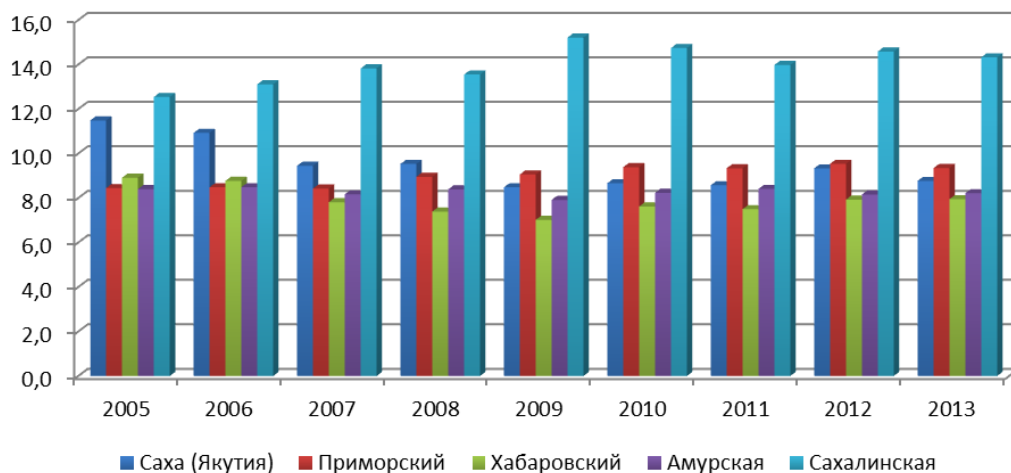

Рис. 1. Интегральная оценка инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации, расположенных на Дальнем Востоке, ед.

Помимо статистического анализа важно рассмотрение инвестиционных проблем внутри. Социологический опрос предпринимателей Хабаровского края позволил оценить их на разных уровнях: федеральном, региональном (краевом) и субъектном (предприятие).

Наиболее высокую значимость получили проблемы федерального уровня. Интегральная оценка по 3-балльной шкале, рассчитанная как среднееарифметическое значение составляющих его проблем, – 2,2 балла. Оценки значимости проблем тесно коррелируются с активностью респондентов. Так, высокие налоги и стоимость банковских кредитов, получившие максимальные значения (2,4 балла), отметило наибольшее количество респондентов (65,4 и 57,7% от общего количество опрошенных). Несколько уступают им неустойчивое законодательство, высокие риски и короткие сроки банковского кредитования. Замыкают перечень проблем федерального уровня коррупция в государственных органах власти и неразвитость фондового рынка (2,0 и 1,7 балла).

Проблемы регионального и субъектного уровней получили одинаковую интегральную оценку – по 2,0 балла. В первой группе проблем главенствуют: высокие издержки производства, обусловленные энергетическими

и транспортными тарифами, природно-климатическими условиями и другими факторами (2,7 балла, 69,6%). Несколько меньшую значимость имеют проблемы дефицита квалифицированных рабочих и управленческих кадров, низкой платежеспособности населения, неразвитости производственной инфраструктуры, узкого регионального рынка и др.

Из проблем, касающихся непосредственно предприятий, наиболее высокую оценку получили: высокая изношенность основных производственных фондов, отсутствие государственной поддержки, ограниченность рынка сбыта продукции (по 2,3 балла). Далее следуют дефицит квалифицированных рабочих и управленческих кадров, низкая эффективность производства, отсутствие перспективных бизнес-идей и невозможность составления квалифицированного бизнес-плана.

Что касается отраслевых приоритетов для инвестиционной деятельности, то респонденты отметили: перерабатывающие отрасли – 50,5, строительство – 35,8, транспортную инфраструктуру – 32,1, топливно-энергетический комплекс – 29,7, сельское хозяйство – 28,8, ресурсодобычу, в том числе лесную промышленность – 25,5, машиностроение и металлообработку – 17,4%.

Таким образом, Хабаровский край в инвестиционной линейке субъектов Дальнего Востока находится в наиболее сложном положении. Как на территории с диверсифицированной экономикой здесь особенно ощущается негативное воздействие шести фундаментальных факторов: удаленность от материнской стороны, крайность, северность значительной территории, высокая затратность производства, неконкурентоспособность с приграничными странами по большинству факторов производства. Вместе с тем в Хабаровском крае функционирует высокотехнологичное машиностроение, имеются разнообразные природные ресурсы и мощности по их переработке, благоприятное географическое положение, позволяющее выполнять роль контактной зоны России и АТР, транспортной связующей субъектов Дальнего Востока, плацдарма для комплексного освоения ресурсов Охотского моря и селитебной территории региона.

Управленческие решения по повышению инвестиционной привлекательности Хабаровского края должны интенсифицировать конкурентные преимущества и нивелировать неблагоприятные факторы развития. Так, инвестиционные приоритеты видятся в воспроизводстве возобновимых природных ресурсов и разведке новых месторождений минерального сырья, транспортном строительстве, высокотехнологичном машиностроении и перерабатывающих производствах, а также жилищном строительстве и развитии социальной инфраструктуры, формирующих условия для наращивания постоянного населения и повышения качества жизни.

Необходимо шире использовать отечественный и зарубежный опыт стимулирования инвестиций путем предоставления различного рода льгот.

Формирование территорий опережающего социально-экономического развития – первый шаг в этом направлении. Эффективны они будут, если модель «полюсов роста» заработает в полной мере, и особые режимы хозяйствования распространятся не только на новые, но и действующие головные предприятия, выпускающие «лидирующую» продукцию. Только в сочетании с улучшением общего инвестиционного климата края за счет развития инвестиционной инфраструктуры и повышения эффективности управления инвестиционными процессами будет получен импульс социально-экономического роста.

Прямые иностранные инвестиции следует рассматривать как важнейший инструмент в социально-экономическом развитии региона на этапе выхода из кризиса, модернизации экономики, развития новых отраслей и направлений развития. Найдут применение и концессии [1]. Но основной акцент необходимо делать на отечественных инвестициях. Это соответствует интересам государства с точки зрения социально-экономического развития Дальнего Востока и обеспечения экономической безопасности страны.

Одним из продуктивных компонентов повышения инвестиционной привлекательности является использование механизма государственно-частного партнерства посредством создания структурных элементов новой экономики, концентрации государственных и частных финансовых ресурсов на приоритетных направлениях развития региона.

Важное место занимает внедрение новых форм взаимодействия субъектов инвестиционной деятельности: государства, бизнеса, науки и высшего образования (научные парки, кооперационные соглашения, инновационно-технологические партнерства и др.). В Хабаровском крае движение в этом направлении началось. Действуют бизнес-инкубатор Тихоокеанского государственного университета, технопарк Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета и др. Но эффективность их пока невысокая.

В числе приоритетных направлений должны находиться процессы развития кадрового, инфраструктурного и инновационного обеспечения инвестиционной деятельности, кластеризации социально-экономического пространства края. Предпринимаются попытки формирования на базе предприятий г. Комсомольска-на-Амуре авиационно-судостроительного кластера.

Апробированным инструментом управления инвестиционными процессами в России стало программно-целевое управление. Долгосрочные целевые программы, включающие цель и систему организационно-экономических, информационных, инфраструктурных, имиджевых и других мероприятий и проектов способны интенсифицировать инвестиционную деятельность в Хабаровском крае:

Что касается нивелирования неблагоприятных факторов развития экономики Хабаровского края, то здесь главным является снижение затратно-

сти производства. На федеральном уровне необходимо принятие управленческих решений по уменьшению и отраслевой дифференциации тарифов на электроэнергию, тепло и транспорт, банковских процентов на инвестиционные ресурсы, освобождению бизнеса от выплаты стажевых и дальневосточных надбавок, а также оплаты работникам проезда в отпускной период.

Следует проводить жесточайшую противозатратную политику в естественных монополиях (федеральных и муниципальных) и компаниях с преобладанием государственного капитала, шире использовать вахтовые методы организации труда при освоении природных ресурсов

Необходимо лоббировать реализацию в Хабаровском крае масштабных государственных проектов: строительство транспортного перехода на Сахалин и Тугурской приливной электростанции, нефте- и газохимических комплексов, государственных заказов на предприятиях ОПК, комплексное освоение природных ресурсов Охотоморья и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заусаев, В. К. Сценарии развития и конкурентоспособность экономики Дальнего Востока / В. К. Заусаев, Г. И. Бурдакова, Н. А. Кручак // ЭКО. – 2016. – № 1. – С. 26–35.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 : стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005 : стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 982 с.
4. Инвестиционная привлекательность регионов – 2014: бремя управления [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство «Эксперт РА» : [сайт]. [2014]. – Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2014/>.

REFERENCES

1. Zausaev V.K., Burdakova G.I., Kruchak N.A. Development scenarios and economic competitiveness of the Far East of Russia. *ECO*, 2016, no.1, pp. 26–35. (In Russ.).
2. *Regions of Russia. Socioeconomic indexes. 2014: Statistical compendium*. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Moscow, 2014. (In Russ.).
3. *Regions of Russia. Socioeconomic indexes. 2005: Statistical compendium*. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Moscow, 2006. (In Russ.).
4. *Investment attractiveness of regions – 2014: overhand of management*. Expert RA Group of Rating Agencies. Available at: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2014/> (accessed 24 November 2015) (In Russ.).

МОРСКАЯ НЕФТЬ: РОЛЬ, ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ

OFFSHORE OIL: THE ROLE AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

УДК 553.04

Е.П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

АРКТИЧЕСКАЯ НЕФТЬ В МОРСКОЙ ДОБЫЧЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Потребности мировой экономики на долгую перспективу связаны с ростом производства товаров и продуктов из нефти, потребление которой в 2015 г. составило 92,32 млн баррелей в сутки. Снижение цен на нефть ставит под угрозу реализацию инвестиционных проектов, в частности шельфовых проектов, с себестоимостью добычи выше 30 долл. за баррель. В статье показано, что, во-первых, при отсутствии ценовых войн, цена на нефть в настоящее время по отношению к 1990 г. должна составлять 27–54 долл./баррель; во-вторых, разработка новых технологий добычи и транспортировки сланцевой нефти нивелирует в перспективе существенную разницу её себестоимости от себестоимости добычи традиционной нефти; в третьих, запасы сланцевой и другой нефти, в лучшем случае, лишь сдвинут сроки активной добычи нефти на шельфе, в том числе, в арктической зоне; в четвёртых, объёмы добычи морской нефти постоянно растут с увеличением её доли в настоящее время до 25–30 % в общей мировой добыче.

В силу примата водной поверхности над сушей, основные открытия и прирост запасов и добычи углеводородов в мире будут происходить в

¹ Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков, Е.П. Арктическая нефть в морской добыче: состояние, проблемы, перспективы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Т. № 1–2. С. 52–70.

© Жариков Е.П., 2016

шельфовых и глубоководных зонах морских акваторий, в том числе в арктических районах. На арктические зоны в первую очередь претендуют Россия, Норвегия, Дания, Канада и Соединенные Штаты. В настоящее время в мире ведется добыча нефти на небольшом количестве арктических месторождений на Северном Склоне Аляски, в море Бофорта и в норвежском и российском (Печорское море) секторах Баренцева моря. Добыча нефти осуществляется, в основном, с искусственных островов, а также наклонными и горизонтальными скважинами с берега. Себестоимость добычи в пределах 30 долл./баррель нефти, и она в дальнейшем может быть снижена как за счет новых технологий добычи, так и за счет масштаба производства и уникальности месторождений.

Определенное свертывание, в частности, нефтегеологоразведочных работ на арктическом шельфе менее всего связано с падением цен на нефть. Существуют более весомые аргументы приостановки таких работ, они обусловлены рисками, которые классифицированы в статье. Рассмотренные риски – прямая угроза экологии Арктики. Поэтому открытие новых нефтяных и газовых месторождений в Арктике может стать продуктивным только в случае создания необходимой и безопасной инфраструктуры добычи, хранения и транспортировки нефти. Приоритетом такого вектора развития должна стать адекватная государственная политика, направленная на развитие и совершенствование новых технологий глубоководного бурения, снижение экологических рисков, фундаментальное научное исследование Арктики. Поэтому можно считать, что мировая нефтедобыча на сложных участках арктического шельфа, в частности, на глубоководных участках, из близкой перспективы переносится на дальнюю перспективу. Однако начатые геологоразведочные работы в Арктике будут продолжаться, несмотря на санкции, снижение цен на нефть и другие ограничения. Это обусловлено, в первую очередь, геополитическими факторами.

Ключевые слова: нефть, сланцевая нефть, морская нефть, себестоимость и цена нефти, нефть арктических районов, море Бофорта, стратегия освоения Арктики.

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ARCTIC OIL IN MARINE PRODUCTION: STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. Needs of the world economy in the long term are associated with an increase in production of goods and petroleum products, whose consumption in 2015 was 92.32 million barrels per day. Decline in oil prices threatens the implementation of investment projects, especially projects on the shelf with the cost of oil over 30 dollars per barrel. The article shows that, firstly, in the absence of price wars, the price of oil is now in comparison with 1990s should be 27–54 dollars per barrel; secondly, development of new technologies for the extraction and transportation of shale oil will make the price of shale oil production equal to the price of conventional oil production; third, shale and other oil reserves can only shift the terms of active oil exploration, including in the Arctic; fourth, the volumes of offshore oil production are constantly increasing with the increase of its share now of 25-30% of the total world production.

In the context of the primacy of the surface of the water over the land surface, the main discoveries and reserves growth and production of hydrocarbons in the world will occur in the offshore and deep-sea areas of marine areas, including in the Arctic. The Arctic zone is claimed by Russia, Norway, Denmark, Canada and the United States. Currently, oil production is carried out in the world on a small number of Arctic fields on the North Slope of Alaska in the Beaufort Sea and in the Norwegian and Russian (Pechora Sea) sector of the Barents Sea. Oil production is carried out from artificial islands, as well as with the help of directional and horizontal wells to the shore. Cost of production is in the range of 30 dollars / Bbl oil and can be further reduced, both due to new production technologies, scale of deposits and uniqueness.

Reduced exploration on the Arctic shelf has little to do with the fall in oil prices. The reduction of work has been caused by the risks that are reviewed in the article. The risks are a direct threat to the Arctic environment. Discovery of new oil and gas fields in the Arctic can be productive only in case of construction of the necessary infrastructure and safe production, storage and transporta-

¹ Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Zharikov, E.P. Arctic oil marine production: state, problems and prospects // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P. 52–70.

tion of oil. Therefore, a state policy has to be aimed at the development and improvement of new deepwater drilling technologies, reduction of environmental risks, fundamental scientific research in the Arctic. Thus, we can assume that world oil production in difficult areas of the Arctic shelf, especially in deep water, is shifted from the nearest prospects into the future. However, the exploration work in the Arctic will continue, despite the sanctions, decline in oil prices and other restrictions. This is due, primarily, to geopolitical factors.

Key words: oil, shale oil, marine oil, the cost and the price of oil, oil of arctic areas, the Beaufort Sea, Arctic development strategy.

Среди основных тенденций, характеризующих современные особенности развития мировой экономики, отметим следующие. Мировая экономика продолжает достаточно устойчивый рост, табл. 1 [1, 2], несмотря на некоторые кратковременные сбои (2009 г.). Потребности мировой экономики, её промышленности и транспорта, пропорционально связаны, причем на долгую перспективу, с производством товаров и продуктов из нефти. Возрастающие потребности в нефтепродуктах формируют и возрастающую потребность в самой нефти, табл. 1 [3, 4]. Как следует из табл. 1, тренды развития мировой экономики и потребления нефти сильно коррелированы.

Таблица 1

**Тренды темпов прироста мировой экономики
и потребления нефти, %**

Показатели	2005– 2008	2009	2010	2011– 2015	2016 про- гноз	2017 прогноз
Темп прироста развития мировой экономики	7,10	-2,20	4,30	3,58	3,40	3,60
Темп прироста мирового потребления нефти	1,13	-1,16	3,3	1,18	1,53	1,59

Согласно источникам, в абсолютных показателях мировое потребление нефти в 2015 г. составило 92,32 млн баррелей в сутки, хотя управлением энергетической информации США оно прогнозировалось на уровне 92,7 млн баррелей в сутки. По регионам потребление нефти в 2014–2015 гг. представлено в табл. 2.

Таблица 2

Потребление нефти в мире в 2014–2015 гг., млн баррелей/сутки [5]

Регион мира	2014	2015	2015/2014, %
Северная Америка	23,39	23,51	0,51
Центральная и Южная Америка	7,10	7,21	1,55
Европа	14,22	14,09	-0,91
Ближний Восток	8,11	8,39	3,40
Азия и Океания	30,38	30,89	1,67
Африка	3,53	3,65	0,30
Другие регионы	4,71	4,58	-2,76
Мир: баррелей – всего	91,44	92,32	0,90

Цены на нефть

Современная особенность нефтяного рынка – резкое снижение цен на нефть, ретроспективная динамика которых для нефти марки "Brent" (основной для определения стоимости 1 барреля (около 159 литров) нефти на рынке, в том числе и российской нефти), приведена в табл. 3.

Таблица 3

Динамика скачков цен на нефть марки "Brent" [6]

Временной промежуток	Цена, долл. за баррель	Причины
Июль – октябрь 1990 г.	Рост с 15,0 до 41,5	Вторжение Ирака в Кувейт.
Январь – начало февраля 1991 г.	Снижение до 17,0 – 18,0	Вывод войск Ирака из Кувейта.
Июнь – ноябрь – декабрь 1998 г.	10,8 – 10,0 – 9,1	Азиатский финансовый кризис.
Март 1999 г.	15,0 – 20,0	
Август – ноябрь 2000 г.	34,0	
Сентябрь 2001 г.	27,6 – 29,1	Теракт в США.
Ноябрь 2001 г.	Снижение до 17,0 – 18,0	
С марта 2002 г. начался непрерывный рост цен на нефть: 29 февраля 2008 г.	Превышен рубеж 100,0	Система факторов: война в Ираке, снижение добычи в Мексике, Великобритании, Индонезии, истощение легкодобываемых запасов и т.д.
4 июля 2008 г.	143,95	Начало мирового финансового кризиса.
26 декабря 2008 г.	33,73	

Окончание табл. 3

С июня 2009 г. – рост цены, средняя цена за 2009 г.	61,74	
Март – декабрь 2010 г.	70,0 – 80,0	
Декабрь 2010 г. рост цен, апрель 2011 г.	124,0 – 126,0	Начало политического кризиса в Ливии. Проблемы в Еврзоне, политический кризис во Франции и Греции.
13 марта 2012 г. – пик цены и начало её падения.	128,14	Кризис в Сирии и др. события.
1 июня 2012 г.	98,63	
Вторая половина июля 2012 г.	100,0 – 115,0	
Среднегодовая цена в 2012 г.	111,63	
Среднегодовая цена в 2013 г.	108,56	
Январь – август 2014 г.	107,75	
С 5 сентября 2014 г. начало непрерывного падения цены.		Системные причины, в том числе: предложение превысило спрос, производство сланцевой нефти, снятие эмбарго на экспорт нефти США.
15 октября 2014 г.	83,78	Снятие санкций с Ирана и возобновление им экспорта нефти.
Среднегодовая цена в 2014 г.	98,9	
Среднегодовая цена в 2015 г.	53,0 – 56,0	
22 января 2016 г.	30,65	

Комментируя процесс обвального падения цен на нефть с сентября 2014 г., международные эксперты в своих оценках исходили из того, что её уровень понизится до 70–80 долл. за баррель. И только экс-советник президента США Д. Картера Ф. Ферлегер допускал, что в конце 2015 г. цена на нефть может составить около 40 долл. за баррель [5].

Безусловно, падение цен на нефть негативно скажется на экономиках стран из-за убыточности их бюджетов, особенно тех стран, которые формировали свои бюджеты исходя из цен на нефть выше 40 долл. за баррель. В первую очередь это страны, имеющие мало диверсифицированные экономики и добывающие основную долю нефти в мире, в том числе и Россия. По оценкам норвежских экспертов, снижение цен на нефть ставит под угрозу реализацию инвестиционных проектов стоимостью более 150 млрд долларов, в частности, по их оценкам, любой шельфовый проект с себестоимостью добычи выше 30 долл. за баррель, скорее всего, будет остановлен.

Под вопросом закрытие проектов разработки нефтеносных песков в Канаде и т.д. На сложившемся фоне с ценами на нефть оптимистичным выглядит заявление экспертов МВФ, которые считают, что падение цен на нефть произошло на 80 % из-за ситуации в области предложения и на 20 % – из-за ситуации в области спроса [5].

Оценка данных табл. 3 показывает, что фактически за 11 лет (с 1990 г. по 2001 г.) цена на нефть, при имевших место скачках до 34,0 долл./баррель, не изменилась, сохранив уровень 17,0–18,0 долл./баррель. Нефть тесно привязана к доллару. Среднегодовой темп роста индекса-дефлятора США составляет 2,04 % [7]. Военные действия, которые уже становятся нормой (Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) и т.п.), могут привести к среднему повышению цены в 1,5–2,0 раза. С учетом этих факторов, при прочих равных условиях, в том числе наличии возможностей нарастить добычу нефти, можно ожидать, что реальная цена на нефть ко второй половине 2016 г. может установиться на уровне 40 ± 13 долл./баррель. В дальнейшем, при тех же условиях, можно ожидать ежегодное приращение цены от 1,0 до 2,5 долл./год.

Сланцевая нефть в мировом производстве нефти

Мировое потребление нефти фактически стабильно увеличивается ежегодно. Различного вида кризисы, воздействующие на экономику, вызывают лишь кратковременные незначительные спады в растущем векторе потребления нефти. Практически незаменимая роль нефти в мировой экономике находит подтверждение и в растущих объемах её производства (уровнях её добычи), табл. 4. Следует учитывать, что приведенные данные по производству нефти отличаются от данных, учитывающих только чистую добычу сырой нефти, так как в общий показатель производства включаются и другие газоконденсатные жидкости.

Лидерами добычи чистой сырой нефти по итогам 2014 г. (добыто 4220,6 млн т) стали, %: Саудовская Аравия – 12,9; Россия – 12,7; США – 12,3; Китай – 5,0; Канада – 5,0; Иран – 4,0; ОАЭ – 4,0; Ирак – 3,8; Кувейт – 3,6; Венесуэла – 3,3; Мексика – 3,2 [8]. Доля прочих стран, каждая из которых добывает менее 3 % от общей добычи нефти, – 33,4 %.

В последние годы большое значение приобрела добыча нефти из сланцевых месторождений. Так, в последние годы основной прирост добычи американской сырой нефти происходил в основном за счет сланцевых месторождений Bakken в Северной Дакоте и Eagle Ford в Техасе [9]. Её доля в общей добыче, по разным оценкам, в 2012 г. составила около 30 %, сланцевого природного газа – 40% [10].

Доля разведанной и оцененной сланцевой нефти в общих запасах нефти в настоящее время около 12 %. По оценке Минэнерго США (EIA), Россия занимает первое место в мире по запасам сланцевой нефти – 75 млрд баррел-

лей (22 % от общемировых запасов); второе место США – 58 млрд баррелей, третье Китай – 32 млрд баррелей. По оценке ЕІА, при существующем уровне потребления (порядка 90 млн баррелей в сутки) мировых запасов сланцевой нефти может хватить на 10,5 лет, сланцевого газа – на 64 года [11]. По другим оценкам, если в 2013 г. запасы нефти, добываемой традиционным путем, оценивались в 1,6 триллиона, то только в США разведанные залежи сланцевой нефти оцениваются в триллион баррелей, что в четыре раза больше, чем открытые на данный момент запасы нефти в Саудовской Аравии*.

Таблица 4

Мировое производство нефти по регионам и странам, млн т в год [3]

Страны	2012	2013	2014	2015 – прогноз	2016 – прогноз	2017 – прогноз
Мировое производство	4476	4497	4570	4636	4695	4762
ОЭСР	1122	1178	1259	1307	1311	1314
США	603	664	747	789	827	830
Канада	192	204	218	222	228	229
Китай	217	222	223	224	226	231
Бразилия	114	121	127	128	142	150
ОПЕК	1843	1793	1792	1799	1832	1850
Россия	519	522	525	525	525	521
Страны – не члены ОЭСР	1502	1512	1523	1522	1553	1569
Страны – не члены ОПЕК	2055	1995	1945	1935	1942	1930

Отметим следующие факторы:

1) приведенные данные ЕІА являются оценочными и при геологическом изучении, как суши, так и шельфа могут измениться на порядок и больше. Так, в частности,

2) имеющиеся на данный момент расчеты, показывающие рентабельность добычи сланцевой нефти при цене 40 и выше долларов за баррель, уже в ближайшее время могут быть скорректированы за счет внедрения новых технологий добычи, как это уже наблюдалось несколько лет назад, когда рентабельность обеспечивалась ценой за баррель около 80 долларов;

*Американский экономист, профессор колледжа «Цитадель» в Южной Каролине Ричард Эбелинг. Нефть как проклятие // <http://www.svoboda.org/content/article/27482863.html>.

3) разработка новых технологий добычи и транспортировки сланцевой нефти нивелирует в перспективе существенную разницу её себестоимости от себестоимости добычи традиционной нефти.

Себестоимость нефти

Гипотеза о перспективах уравнивания себестоимости нефти, добываемой из разных источников и продуктов (в том числе, за счет газификации и гидрогенизации углей), вполне реальна за счет достижений научно-технического прогресса, что находит уже подтверждение в информационных источниках [12], табл. 5.

Таблица 5

Минимальная себестоимость добычи нефти по странам мира

Страна мира	Себестоимость добытой нефти, долл./баррель
США (сланцевая нефть)	20
США (шельф Мексиканского залива)	25
Норвегия (Северное море)	17
Канада (битумная нефть)	16
Россия (новые месторождения)	16
Нигерия	11
Мексика	9
Венесуэла (битумная нефть)	9
Алжир	8
Ливия	7
Россия (перспективные проекты)	6
Казахстан	6
Иран	5
Саудовская Аравия	4

Себестоимость – важная составляющая цены нефти на внутреннем рынке любой страны, но ещё важнее то, какие затраты включаются в стоимость нефти, когда та или иная страна выходит на мировой рынок. Для некоторых стран, включая Россию, нефть является монопродуктом, налоговые поступления с которого формируют основную долю национальных бюджетов. И если в России стоимость нефти формируется на 55% из налогов, то в США нефтяная отрасль находится в привилегированном положении [13]. Следовательно, нефтяные компании США за счет льготных условий имеют больше перспектив успешного выхода на международный рынок.

Морская нефть

В условиях постепенного истощения запасов нефти на многих традиционных месторождениях суши, а также появления новых возможностей благодаря развитию научно-технического прогресса, резко увеличивается роль Мирового океана как источника пополнения этого стратегического вида энергоресурсов. Запасы сланцевой и другой нефти, в лучшем случае, лишь сдвинут сроки активной добычи нефти на шельфе, в том числе в арктической зоне. В целом объемы добычи морской нефти постоянно растут с увеличением её доли в настоящее время до 25–30 % в общей мировой добыче.

В настоящее время сложилось несколько крупнейших центров подводных нефтеразработок, главный из них – Персидский залив. Второй по объему добычи район – Венесуэльский залив и лагуна Маракайбо. Для Венесуэлы нефть является основным экспортным товаром. Старейшим из освоенных районов морской добычи нефти и газа является акватория Мексиканского залива. У американского побережья залива сосредоточена треть всех скважин, пробуренных на морских месторождениях. США развивают морскую нефтедобычу в прибрежье Калифорнии, осваивают моря Берингово, Чукотское, Бофорта. Богат нефтью Гвинейский залив, запасы которого оцениваются в 1,4 млрд т, а ежегодная добыча составляет 50 млн т. В Северном море крупнейшие месторождения углеводородного сырья принадлежат Великобритании и Норвегии. Почти 90 % нефти с шельфовых месторождений добывается с глубин, не превышающих 60 м.

В ряд крупнейших и перспективных районов нефтедобычи становится Западная Африка. Быстро развивается морская нефтегазовая промышленность стран Латинской Америки – Аргентины, Бразилии и других, стремящихся хотя бы частично освободиться от импорта нефти и укрепить национальное хозяйство. Перспективно освоение нефтегазовых ресурсов континентального шельфа КНР. Богаты нефтью и другие акватории Мирового океана.

Динамика увеличения мирового потребления нефти обуславливает рост добычи углеводородов. В силу примата водной поверхности над сушей, основные открытия и прирост запасов и добычи углеводородов в мире будут происходить в шельфовых и глубоководных зонах морских акваторий. Именно на акваториях в последние десятилетия отмечается наибольшее увеличение запасов и открываются крупные и уникальные месторождения.

Большая часть морской добычи нефти сосредоточена в оффшорных зонах – морских акваториях вблизи 200-мильных зон, которые имеют более чем 150 государств. Но есть ещё глубоководные районы Мирового океана, перспективный потенциал нефтедобычи в которых в настоящее время трудно даже предположить.

Нефть арктического шельфа

Учитывая, что добыча нефти на континентальном шельфе уже достаточно хорошо представлена в специальной и научной литературе, остановимся более подробно на опыте освоения нефтяных месторождений странами, имеющими выход в арктические районы. При этом будем иметь в виду, что изученность акваторий шельфа в разных арктических районах резко дифференцирована, в том числе и по причине ограничений, связанных с ледовой обстановкой, проблемой деления ресурсов Заполярья между странами и т.п.

На арктические зоны в первую очередь претендуют Россия, Норвегия, Дания, Канада и Соединенные Штаты. Острота проблем добычи нефти в арктических акваториях обусловлена многими проблемами, но главной является экологическая составляющая. Для России эта проблема наиболее актуальна, так как большая часть её континентального шельфа находится в северных и арктических районах. Поэтому, в данном случае, стоимость добычи арктической нефти не ставится во главу угла. Новые технологии, уникальность арктических месторождений создадут в перспективе условия для рентабельной добычи углеводородов в Арктике.

Прогнозные запасы углеводородов в Арктике – ориентировочные в силу слабой изученности региона. Так по данным Министерства энергетики США их совокупные оценочные запасы на данный момент составляют около 22 % от мировых запасов [14]. Из них доля России около 50 %, США – 20 %, Норвегии – 12 %, Дании – 13 %, Канады – 5 %.

Норвегия

Основная добыча нефти и газа в Норвегии ведётся на континентальном шельфе. Истощение их запасов в Северном и Норвежском морях заставляет страну решать проблему компенсации углеводородов потенциальными запасами в Баренцевом море. Первое месторождение, подготовленное для разработки "Goliat", открыто в 2000 г., содержит доказанных запасов около 175 млн баррелей. Добыча нефти должна была начаться в конце 2015 г. По итогам 2014 г. завершено открытие месторождения "Johan Castberg", содержащее около 500 млн баррелей нефти. Удаленность месторождения от берега значительно увеличивает стоимость его разработки, поэтому принятие по нему инвестиционного решения отодвинуто на неопределенное время, официально до 2017 г. [15].

США – арктический шельф Аляски

Арктический шельф США включает: море Бофорта, Чукотское море, Берингово море, залив Кука и залив Аляска. В настоящее время на арктическом шельфе США имеется шесть эксплуатационных нефтяных скважин. Основные зарубежные арктические запасы углеводородов сосредоточены

на Северном Склоне Аляски (ССА), на котором открыто 78 месторождений, в основном нефтяных, в том числе 22 в море Бофорта (включая переходную зону «суша – море») [16].

Акватория моря Бофорта вблизи побережья хорошо изучена сейсморазведкой и бурением. Первое морское месторождение «Gwydyr Bay» открыто в 1969 г. Самые большие месторождения на море – «Endicott» (80 млн т нефти) и «Point McIntyre» (83 млн т нефти и 17 млрд м³ газа). Суммарные запасы 22 морских месторождений моря Бофорта – около 325 млн т углеводородов. Добыча нефти на шельфе началась в 1987 г. на месторождении "Endicott" и ведется в настоящее время, в основном, с искусственных островов, а также наклонными и горизонтальными скважинами с берега. Наибольший вклад морских месторождений в суммарную нефтедобычу ССА был в 1996 г. (18 %) за счет ввода в разработку «Point McIntyre» (с 1993 г.), при этом морская добыча составила 22% от уровня добычи на суше [17].

К западу от ССА, в американской части Чукотского моря, в 1988–1991 гг. пробурено 5 скважин. В 1990 г. открыто крупное газоконденсатное месторождение «Burger». Нефтегазопрооявления пробуренных скважин дают основания полагать, что арктический шельф Чукотского моря США содержит суммарные запасы в 2,5 млрд т нефти, на которые был объявлен лицензионный раунд в 2008 г.

Арктическая нефтедобыча контролируется в США государством через Министерство внутренних дел (МВД). В 2011 г. Бюро океанического энергетического менеджмента МВД США приняло пятилетний план лизинга офшорных участков на 2012–2017 гг. в Чукотском море, море Бофорта и зал. Кука. В январе 2015 г. была предложена программа лизинга на новое пятилетие 2017–2022 гг. Однако уже через несколько месяцев администрация США решила свернуть лизинговые проекты. Такому решению предшествовало принятие ряда ограничений на аренду ряда акваторий арктического шельфа: в 2010 г. был восстановлен мораторий на аренду вокруг Алеутских островов и в зал. Бристоль до 2017 г.; в 2014 г. в этих районах введен запрет на сбор геологических и геофизических данных; в январе 2015 г. на неопределенный срок установлен запрет на сдачу в аренду района Ханна Шол в Чукотском море, а также некоторых других частей в море Бофорта и Чукотском море [18].

В работах на шельфе Аляски первенствовала Shell Oil Company. Компания начала разведочное бурение на шельфе Аляски летом 2015 г., но в конце сентября объявила о прекращении в обозримом будущем дальнейшего изучения шельфовых арктических недр. Основные причины такого решения: недостаточная продуктивность скважин, высокие затраты на проект, «сложный и непредсказуемый» характер федеральной нормативно-правовой базы для шельфа Аляски. Официальным предлогом свертывания перспектив арктической нефтедобычи являются экологические проблемы.

В настоящее время они подкреплены тем, что, хотя арктические газ и нефть технически извлекаемы с учетом современных технологий, но экономически это не выгодно.

Канада

К востоку от США в канадской акватории моря Бофорта и дельте р. Маккензи на шельфе пробурено более 80 поисково-разведочных скважин и открыто 32 месторождения (10 – газовые, 1 – нефтяное и 21 – нефтегазовое) со средними запасами нефти около 7 млн т, газа – 5 млрд м³ [19]. Морские месторождения не разрабатываются. В пробной разработке (1986 г.) было только месторождение «Amauligak», добыто 44 тыс. т нефти.

Прекращение государственной поддержки, отсутствие инфраструктуры для поставок нефти и газа потребителям и т.п. обусловили прекращение в конце XX в. разведочное бурение на арктическом шельфе. В 2005–2006 гг. на канадском арктическом шельфе (в море Бофорта) была пробурена всего одна поисково-разведочная скважина «Devon Paktoa C-60». Проводимые сейсмические исследования северных акваторий Канады в 2006–2010 гг. показали, что северная часть канадского бассейна является нефтегазоперспективным продолжением континентального шельфа на глубоководье.

Возобновление интереса к разведке на арктическом шельфе Канады было проявлено в 2007–2008 гг., когда трём компаниям, осуществляющим геологоразведочные работы в море Бофорта, было выдано шесть лицензий на разработку довольно значимых месторождений и было увеличено число действующих лицензий на разведку в районе дельты р. Маккензи и моря Бофорта. Но уже в 2012 г. Национальная служба энергетики Канады отметила, что в настоящее время бурение на арктическом шельфе Канады не ведётся. При этом ведущая компания «Chevron», обладающая двумя лицензиями на разработку месторождений в море Бофорта, планировали начать бурение первых скважин на данном участке с 2009 г. с дальнейшим продолжением в течение пяти лет. Однако 17.12.2014 г. компания официальным письмом уведомила Национальный Комитет Канады по энергетике о приостановке своих планов бурения на неопределенный срок [20]. Основная причина – резкое падение цен на нефть.

Дания – шельф Гренландии

«Окном» Дании в Арктику является Гренландия, что позволяет причислять Королевство к разряду арктических государств. Поэтому датская арктическая стратегия – «Стратегия Королевства Дания в отношении Арктики на 2011–2020 гг.» [21] направлена на обеспечение экономического роста, защиту экологии острова и прилегающих вод.

На западном шельфе Гренландии в зал. Vaffin в 1976–1997 гг. были пробурены первые 5 скважин, а в последнее десятилетие – еще 5. В августе

2010 г. было объявлено об открытии первого нефтяного месторождения, после чего Гренландия выдала первые лицензии на разведку газовых и нефтяных месторождений на шельфе, положив начало добыче нефти и газа ещё в одном районе Арктики. Правительство Гренландии положительно оценило результаты первого раунда лицензирования, однако международная природоохранная организация Гринпис развернула агрессивную кампанию с целью остановить дальнейшую разведку углеводородов в регионе. В 2010–2011 гг. компания «Сагп» пробурела 8 скважин, однако на территории многочисленных бассейнов были найдены только отдельные «вкрапления» углеводородов, и месторождений для промышленной разработки открыто не было.

Снижение мировых нефтяных цен повлияло на планы геологоразведки по поиску нефти, наблюдается сокращение работ на гренландском шельфе. Тем не менее, правительство Гренландии планирует выставить на торги в 2016–2018 гг. ряд лицензий на западном побережье острова.

Россия – шельф Западной Арктики

В российских морях Западной Арктики открыто более 20 месторождений с суммарными запасами и ресурсами нефти с конденсатом свыше 500 млн т и газа – более 10 трлн м³. В Баренцевом и Печорском морях открыто 11 месторождений. В конце 2014 г. на глубине 81 метр открыто новое нефтегазоконденсатное месторождение в Карском море в результате бурения на глубину 2113 метров – скважина «Университетская-1». Предварительные ресурсы только одной из структур первого месторождения в новой Карской морской провинции, открытого в результате бурения на глубину 2113 метров, превышают 100 млн т нефти [22]. Потенциальные ресурсы всей Карской морской провинции могут превзойти самые известные в мире нефтегазоносные провинции. В настоящее время лицензии на арктический шельф России распределены между двумя государственными компаниями: «Роснефть» (26 лицензий на шельфе Арктики) и «Газпром нефть» (5 лицензий на шельфе Арктики).

Россия уже ведет добычу первой арктической нефти на Приразломном нефтяном месторождении (извлекаемые запасы 70 млн т), расположенном в Печорском море, в 60 км от берега на глубине около 20 метров. Это пока единственное месторождение на российском шельфе Арктики, где ведется добыча нефти, и единственный проект в мире, где добыча в Арктике осуществляется со стационарной платформы. В перспективе ожидается, что к 2030 г. основными регионами арктической добычи для России будут шельф Сахалина, Баренцево и Печорское моря, а также Обская губа вместе с шельфом Карского моря.

Заключение

В настоящее время в мире ведется добыча на около десятка арктических месторождениях: на Северном Склоне Аляски, в море Бофорта, в норвежском секторе Баренцева моря и в Печорском море, являющемся прибрежным морем в юго-восточной части Баренцева моря. Добыча нефти осуществляется в основном с искусственных островов, а также наклонными и горизонтальными скважинами с берега (море Бофорта, сахалинский шельф), или с небольших глубин – Приразломное нефтяное месторождение, сахалинский шельф, море Бофорта.

Себестоимость добычи – в пределах 30 долл./баррель нефти, и она в дальнейшем может быть снижена, как за счет новых технологий добычи, так и за счет масштаба производства и уникальности месторождений. Государство может снизить и налоги, стимулируя тем самым низкие цены на энергоносители, что приведет к повышению спроса энергопотребляющих отраслей и, следовательно, к росту экономики, который не только компенсирует снижение налогов в нефтедобывающей промышленности, но и даст дополнительный доход. Следовательно, определенное свертывание, в частности, нефтегеологоразведочных работ на арктическом шельфе менее всего связано с падением цен на нефть. Существуют более весомые аргументы приостановки таких работ. В частности, современные проекты предполагают бурение на глубину 1,5 км и более. Запад уже накладывал ограничения на глубоководное бурение в России. Некоторые американские компании сами отказываются от глубоководного бурения. Проблема в том, что такие работы сопряжены с высоким уровнем риска, который обусловлен:

- суровым климатом (сильные морозы, длительная полярная ночь и т.д.), который обуславливает ограниченную биологическую активность, отрицательно воздействующую на человеческий фактор;
- неразвитой инфраструктурой – недостаток и отсутствие специального оборудования (ледоколов, танкеров, протяженных коммуникаций, логистики и т.п.);
- неразработанностью адаптивной к арктическим условиям нормативно-правовой базы ведения поисковых и добычных нефтеробот с учетом возможных аварий и потенциальных разливов нефти в Арктике при удаленности и суровых условиях региона;
- подвижностью арктических льдов в совокупности с отсутствием надежных и апробированных технологий добычи нефти на глубинах свыше 40-50 метров в ледовых арктических условиях;

Классифицированные факторы риска – прямая угроза экологии Арктики. Тем более, уже стало аксиомой то, что любой разлив нефти может нанести значительный ущерб окружающей среде, человеку, популяциям и т.д. Климатические условия Арктики лишь усугубят отрицательные эффекты, многие из которых не изучены. На этом фоне позиция США (согласно

которой открытие новых нефтяных и газовых месторождений в Арктике может стать продуктивным только в случае создания необходимой и безопасной инфраструктуры добычи, хранения и транспортировки нефти) прагматична и может быть принята в качестве стратегического вектора освоения данного региона. Приоритетом такого вектора развития должна стать адекватная государственная политика, направленная на развитие и совершенствование новых технологий глубоководного бурения, снижение экологических рисков, фундаментальное научное исследование Арктики. Поэтому можно считать, что мировая нефтедобыча на сложных участках арктического шельфа, в частности, на глубоководных участках, из близкой перспективы переносится в дальнюю. Однако начатые геологоразведочные работы в Арктике будут продолжаться, несмотря на санкции, снижение цен на нефть и другие ограничения. Это обусловлено, в первую очередь, геополитическими факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Темпы роста мировой экономики в 2005–2015 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?text=>.
2. МВФ не предвидит нового кризиса в мировой экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webground.su/topic/2016/01/19/t272/>.
3. Текущие тенденции мировой экономики и динамика мировых товарных рынков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://analitikaru.ru/2015/04/02/tekushhie-tendencii-razvitiya-mirovoj-ekonomiki-i-dinamika-mirovux-tovarnyx-rynkov/>.
4. Потребление нефти в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neftianka.ru/oil-comsumption/>.
5. Потребление нефти в мире в 2015 году в сравнении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://caspiabarrel.org/?p=24837>.
6. Динамика цен на нефть с 1990 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.angi.ru/news.shtml?oid=2818264>.
7. Индекс-дефлятор США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.trendeconomy.ru/indicators/GDP_deflator/UnitedStatesOfAmerica.
8. Добыча нефти в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kurs-dollar-euro.ru/dobycha-nefti-v-mire.htm>.
9. Почему США обогнали Россию по производству нефти и газа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.forbes.ru/article.php?id=245804>.
10. Гаранина, О. Л. Перспективы добычи сланцевой нефти в США и последствия для мирового рынка нефти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://riss.ru/images/pdf/journal/2014/4/14_.

11. Кто лидирует по запасам сланцевой нефти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdu.ru/catalog/mintop/infograf/032014/>.
12. Себестоимость добычи нефти по странам мира в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bs-life.ru/makroekonomika/sebestoimost-dobichi-nefti2015.html>.
13. Себестоимость добычи нефти по странам. Себестоимость нефти в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/169294/sebestoimost-dobyichi-nefti-po-stranam-sebestoimost-nefti-v-mire>.
14. Выгодна ли добыча нефти на арктическом шельфе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coroma.ru/aktualno/aktualno01.htm>.
15. Никитина, А. ЕИА: нефть и газ Норвегии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ngv.ru/analytics/eia_neft_i_gaz_norvegii/.
16. Alaska Oil and Gas Report, November 2009. Alaska Department of Natural Resources Division of Oil & Gas. – Anchorage, 2009. – 63 p.
17. Поиск, разведка и освоение месторождений нефти и газа на шельфе Арктики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://burneft.ru/archive/issues/2011-07-08/7>.
18. США говорят «до свидания» арктической нефти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politikus.ru/articles/print:page,1,61462-ssha-govoryat-do-svidaniya-arkticheskoy-nefti.html>.
19. Drummond, K. J. North Canada distribution of ultimate oil and gas resources / K. J. Drummond. – Drummond : Consulting, 2009. – 60 p.
20. Chevron остановила проект глубоководного бурения в море Бофорта из-за снижения цен на нефть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neftegaz.ru/news/view/133369/>.
21. Kingdom of Denmark strategy for the Arctic 2011–2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/resources/news-and-press/news-archive/173-denmarks-arctic-strategy>.
22. «Роснефть» открыла новое месторождение в Карском море [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosneft.ru/news/pressrelease/27092014.html>.

REFERENCES

1. *The pace of global economic growth in 2005-2015*. Available at: <https://yandex.ru/search/?text=>. (accessed 18 December 2015). (In Russ.).
2. *The IMF does not foresee a new crisis in the world economy*. Available at: <http://webground.su/topic/2016/01/19/t272/> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).
3. *Current trends in the global economy and the dynamics of global commodity markets*. Available at: <http://analitikaru.ru/2015/04/02/tekushhie>

tendencii-razvitiya-mirovoj-ekonomiki-i-dinamika-mirovyyx-tovarnyx-rynkov/
(accessed 18 December 2015). (In Russ.).

4. *Consumption of oil in the world*. Available at: <http://neftianka.ru/oil-consumption/> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

5. *Consumption of oil in the world in 2015, compared*. Available at: <http://caspiabarrel.org/?p=24837> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

6. *The dynamics of oil prices since 1990*. Available at: <http://www.angi.ru/news.shtml?oid=2818264> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

7. *Deflator index USA*. Available at: http://data.trendeconomy.ru/indicators/GDP_deflator/UnitedStatesOfAmerica (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

8. *Extraction of oil in the world*. Available at: <http://kurs-dollar-euro.ru/dobycha-nefti-v-mire.htm> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

9. *Why the United States overtook Russia for oil and gas production*. Available at: <http://m.forbes.ru/article.php?id=245804> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

10. Garanina O.L. *Prospects for shale oil production in the United States and the implications for the global oil market*. Available at: <http://riss.ru/images/pdf/journal/2014/4/14> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

11. *Who is in the lead in terms of reserves of shale oil*. Available at: <http://www.cdu.ru/catalog/mintop/infograf/032014/> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

12. *Cost of oil production by country in 2016*. Available at: <http://bs-life.ru/makroekonomika/sebestoimost-dobichi-nefti2015.html> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

13. *Cost of oil production by countries. Cost of oil in the world*. Available at: <http://fb.ru/article/169294/sebestoimost-dobyichi-nefti-po-stranam-sebestoimost-nefti-v-mire>. (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

14. *Whether profitable oil in the Arctic shelf*. Available at: <http://coroma.ru/aktualno/aktualno01.htm> (accessed 19 December 2015). (In Russ.).

15. Nikitina A. *EIA: oil and gas in Norway*. Available at: http://www.ngv.ru/analytics/eia_neft_i_gaz_norvegii/ (accessed 27 December 2015). (In Russ.).

16. *Alaska Oil and Gas Report, November 2009*. Alaska Department of Natural Resources Division of Oil & Gas. Anchorage, 2009. 63 p.

17. *Search, exploration and development of oil and gas deposits on the Arctic shelf*. Available at: <http://burneft.ru/archive/issues/2011-07-08/7> (accessed 12 December 2015). (In Russ.).

18. US says 'goodbye' Arctic oil. Available at: <http://politikus.ru/articles/print:page,1,61462-ssha-govoryat-do-svidaniya-arkticheskoy-nefti.html> (accessed 12 December 2015). (In Russ.).

19. Drummond K.J. *North Canada distribution of ultimate oil and gas resources*. Drummond: Consulting, 2009. 60 p.

20. *Chevron halted deepwater drilling project in the Beaufort Sea due to lower oil prices*. Available at: <http://neftegaz.ru/news/view/133369/> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

21. *Kingdom of Denmark strategy for the Arctic 2011–2020*. Available at: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/resources/news-and-press/news-archive/173-denmarks-arctic-strategy> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

22. «Rosneft» has opened a new field in the Kara Sea. Available at: <http://www.rosneft.ru/news/pressrelease/27092014.html> (accessed 18 December 2015). (In Russ.).

ПРАВО LAW

УДК 329.17'18(430)

П.В. Головненков¹

Потсдамский университет, Потсдам, Германия
e-mail: golovnenkov@googlemail.com

У. Хелльманн²

Потсдамский университет, Потсдам, Германия
e-mail: hellmann@uni-potsdam.de

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ПАРТИЙ ГЕРМАНИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА «ЗАЩИЩАЮЩАЯСЯ ДЕМОКРАТИЯ»

Аннотация. В статье авторы рассматривают особенности деятельности правых экстремистских (неофашистских, неонацистских) объединений и партий в Германии. Авторы отмечают, что в настоящее время правый экстремизм в Германии не представляет собой единого в идеологическом смысле движения, а напротив, проявляется в различных течениях националистического, расистского и антисемитского толка с различными вытекающими из этих элементов целями. Существенное внимание в статье уделено деятельности «Национально-социалистическое подполье» (*Nationalsozialistischer Untergrund*) и «Анти-антифа» (*Anti-Antifa Ostthuringen*).

¹ Павел Валерьевич Головненков, Dr. iur., ass. Jub., главный научный сотрудник кафедры уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).

² Уве Хелльманн, Dr. iur. habil., профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).

Для цитирования: Головненков, П.В., Хелльманн, У. Особенности деятельности правых экстремистских объединений и партий Германии сквозь призму принципа «защищающаяся демократия» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Т. № 1–2. С. 71–84.

Авторы также отмечают, что в течении правого экстремизма в современной Германии существенную роль играют «Автономные националисты». Ими являются представители неонацистской среды, состоящей из региональных группировок и разрозненных неонацистских организаций, которые (каждая в отдельности) не отличается большой численностью сподвижников. Общая численность неонацистов достигла в Германии в 2011 г. 6000 человек, примерно 15% из которых являются представителями «Автономных националистов». Важным инструментом неонацистской пропаганды является использование ресурсов Интернета. Общим идеологическим элементом всех группировок неонацистского толка является исторический национал-социализм с характерными для него расизмом, антисемитизмом, национализмом и неприятием демократического строя. В политическом спектре ФРГ в настоящее время существуют две ультраправых политических партии: Национал-демократическая партия Германии и «Немецкий народный союз». Учитывая скорбный опыт немецкой демократии конца Веймарской республики, в центральных положениях Основного закона ФРГ закреплён принцип так называемой защищающейся демократии (*wehrhafte Demokratie*). Отличительными чертами этого конституционного принципа являются: неразрывная связь государства с фундаментальными ценностями, заложенными в основу конституционного строя, и признание государством непоколебимости и неизменяемости этих конституционных основ; готовность государства всеми силами защищать эти ценности против экстремистских посягательств; 3) обеспечение защиты конституционных основ ещё в подготовительной фазе экстремистской радикальной деятельности. Иными словами, государство реагирует на антиконституционные посягательства на как можно более ранней стадии.

Ключевые слова: Германия, правый экстремизм, «Национально-социалистическое подполье», «Анти-антифа», неонацистская среда, принцип защищающейся демократии, конституционные основы.

Paul V. Golovnenkov¹

University of Potsdam, Potsdam, Germany

E-mail: golovnenkov@googlemail.com

U. Hellmann²

University of Potsdam, Potsdam, Germany

E-mail: hellmann@uni-potsdam.de

FEATURES PERFORMANCE RIGHT-WING EXTREMIST ASSOCIATIONS AND PARTIES IN GERMANY IN THE LIGHT OF THE PRINCIPLE OF "DEFENDING DEMOCRACY"

Abstract. In this article the authors examine the features of the activities of right-wing extremist (neo-fascist, neo-Nazi) associations and parties in Germany. The authors note that the current right-wing extremism in Germany is not a single movement in the ideological sense, but on the contrary, it is manifested in various currents of nationalist, racist and anti-Semitic elements arising from these objectives. Considerable attention is paid to the activities of "National Socialist Underground») and "Anti-Antifa». The authors also note that "Autonomous nationalists" play an important role in the right-wing extremist tendencies in contemporary Germany. They are representatives of the neo-Nazi environment, consisting of regional groups and fragmented of neo-Nazi organizations, which (individually) are not characterized by large number of associates. The total number of neo-Nazis in Germany reached 6000 active members in 2011, approximately 15% of whom are representatives of the "Autonomous nationalists". An important tool of neo-Nazi propaganda is the use of Internet resources. The common element of all ideological neo-wing groups is the historical National Socialism with its characteristic racism, anti-Semitism, nationalism and rejection of the democratic system. Currently there are two ultra-right political parties in German political spectrum. National Democratic Party of Germany and the "German People's Union». Given the sad experience of German democracy at the end of the Weimar Republic, the principle of defending democracy enshrines in the central position of German law. The distinctive features of this constitutional principle are inseparable connection state to

¹Paul V. Golovnenkov, Dr. iur., ass. iur., Chief Researcher, Department of Criminal and Economic Criminal Law at the University of Potsdam (Germany).

²Uwe Hellmann, Dr. iur. habil., Professor, Head of the Department of Criminal and Economic Criminal Law at the University of Potsdam (Germany).

For citation: Golovnenkov, P.V., Hellmann, U. Features performance right-wing extremist associations and parties in Germany in the light of the principle of "defending democracy"// PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P. 71–84.

the fundamental values underlying within the constitutional order, and state recognition of firmness and immutability of the constitutional frameworks; willingness of the State by all means to defend these values against extremist attacks; ensuring the protection of the constitutional bases still under-preparatory phase of radical extremist activities. In other words, the state responds to unconstitutional encroachment on as early as possible.

Key words: Germany, right-wing extremism, "Nationalsozialistischer Untergrund", "Anti-Antifa Ostthuringen", neo-Nazi environment the principle of defending democracy, the constitutional foundations.

В спектре современного правого экстремизма фашистское движение в «чистом виде» (т. е.) понимается как разновидность ультраправого радикализма, основывающегося на идеологии фашизма Б. Муссолини и национал-социализма А. Гитлера первой половины XX в. Однако в настоящее время правый экстремизм в Германии не представляет собой единого в идеологическом смысле движения, а напротив, проявляется в различных течениях националистического, расистского и антисемитского толка с различными вытекающими из этих элементов целями. Идеологическим элементом, объединяющим правые экстремистские течения, является убеждение, что этническая, национальная или расовая принадлежность представляет собой решающий критерий в оценке личности. Подобная нацистская идеология коренным образом противоречит Конституции ФРГ, ставящей человеческое достоинство во главу угла.

Помимо фрагментарного, идеологического единогласия правые экстремистские течения связывает, как правило, требование авторитарного построения государства, основанного на «национальном сообществе», в котором отсутствуют демократические структуры и контрольные элементы правового демократического строя.

По данным Федерального ведомства по защите Конституции, опубликованным в отчете за 2011 г., к правому экстремистскому спектру в Германии относятся в первую очередь экстремисты, подверженные влиянию нацистской субкультуры, неонацисты, включая «Автономных националистов», а также Национал-демократическая партия Германии (NPD).

В ноябре 2011 г. до сведения общественности дошла информация о существовании правой экстремистской организации «Национально-социалистическое подполье». Серия убийств, совершенная этой группой, представляет собой, по заявлению Федерального ведомства по защите Конституции, новую кульминацию насилия, мотивированного правым экстремизмом и правым терроризмом. Тринадцать лет просуществовавшая в подполье группа совершила как минимум 10 убийств и многочисленные

иные насильственные преступления, публично не выдвигая никаких политических требований и не выдавая, таким образом, своей правой экстремистской мотивации, о которой следственным органам и общественности стало известно лишь в 2011 г., когда (скорее по стечению обстоятельств, чем путем целенаправленного расследования) преступная деятельность группы была раскрыта. Соорганизаторами и (по мнению Генеральной прокуратуры ФРГ) равноправными членами организации являлись 38-летний Уве Мундлос, 34-летний Уве Бенхардт и 37-летняя Беата Цшепе (урожденная – Апель).

В 1994 г. в Тюрингии была создана организация с характерным названием «Анти-антифа». В 1996 г. несколькими членами этой организации была образована другая организация – «Тюрингская самооборона» (*Thüringer Heimatschutz (THS)*). Главой этой организации был Тино Брандт, с 1999 г. пресс-секретарь, а впоследствии (с 2000 г.) заместитель председателя тюрингского отделения Национал-демократической партии (НДП) Германии и, как выяснилось в 2001 г., негласный информант Ведомства по защите Конституции Федеральной Земли Тюрингия. Кстати, по данным этого Ведомства, в *THS* в период 1999–2001 гг. состояло около 120–170 человек. Цшепе, Мундлос, Бенхард вошли в Йенское отделение *THS*. 26 января 1998 г. полиция в ходе облавы по проверке анонимных сообщений обнаружила в гараже, который арендовала Цшепе, мастерскую по изготовлению бомб. Было изъято пять готовых к использованию бомб и взрывчатка, украденная, как было установлено, еще в 1991 г. со складов Народной армии ГДР. Был выдан арест на Цшепе, Мундлоса и Бенхарда. Но им удалось скрыться. 4 ноября 2011 г. в 9 часов 30 минут Мундлос и Бенхард подъехали на мотоциклах к отделению сберегательного банка Вартбург-Шпаркассе в Айзенахе. Они надели маски и ворвались внутрь. Охранник банка был оглушен ударом рукоятки пистолета. Мундлос и Бенхард похитили 70 тыс. евро и благополучно скрылись. На мотоциклах они добрались до припаркованного неподалеку трейлера и стали грузить внутрь свои мотоциклы. Это увидел бдительный обыватель, которому поведение молодых людей показалось странным. Он позвонил в полицию. Экстремисты проехали несколько кварталов, когда были окружены полицией. В воздухе барражировали полицейские вертолеты. Деваться им было некуда. Сначала они попытались отстреливаться, но скоро поняли безвыходность своего положения. Предполагается, что Мундлос застрелил Бенхарда, поджег трейлер и застрелился сам. Цшепе, которая узнала о провале налета на банк из средств массовой информации, взорвала квартиру в Цвикау, где она ждала своих соратников. При этом ей было абсолютно безразлично, что от взрыва в смертельной опасности оказались пожилая соседка и двое рабочих, ремонтировавших соседнюю квартиру. Цшепе хотела во что бы то ни стало уничтожить улики и, скорее всего, имитировать

собственную смерть. Пожар был потушен, и в ходе состоявшегося обыска в квартире был обнаружен оружейный арсенал, в том числе автомат, ружье и девять пистолетов. Также на квартире были найдены многочисленные агитационные материалы, в одном из которых говорилось, что Национал-социалистическое подполье – это организация, объединяющая многочисленных соратников, которые руководствуются девизом – «дела вместо слов». Полиция начала общенациональную охоту на Цшепе. Видимо, согласно предварительной договоренности со своими соратниками, она тоже должна была покончить с собой, но этого не сделала. 8 ноября 2011 г. в Йене Цшепе сдалась правоохранительным органам и была в тот же день арестована. В ноябре расследование по подозрению Цшепе в организации террористического сообщества и участии в нем (§ 129а Уголовного уложения ФРГ) было передано в Генеральную прокуратуру ФРГ, которая вела его в содействии с Федеральным ведомством криминальной полиции ФРГ. Ровно через год, 8 ноября 2012 г., по делу *NSU* Генеральной прокуратурой ФРГ в суд было представлено обвинительное заключение, охватывающее более 500 страниц. В Германии Цшепе обвиняется, кроме прочего, в совершении в качестве соисполнителя 10 тяжких убийств, 15 вооруженных тяжких разбоев, а также особо тяжкого поджога и участии в террористическом сообществе. Кроме Цшепе на скамье подсудимых находятся четыре сподвижника *NSU*, обвиняемые в пособничестве преступлениям, совершенным членами этой террористической организации. В обвинительном заключении Генеральной прокуратуры отмечается, что *NSU* представляла собой террористическую организацию, состоящую из трех равноправных организаторов и членов, одним из которых (наряду с Мундлосом и Бенхардом) была Цшепе. Члены *NSU* возомнили о себе, что они являются чем-то вроде «единомыслящей бригады ликвидаторов», желающей воплотить свое расистское представление о «сохранении германской нации» посредством убийств совершенно произвольно избранных сограждан иностранной (особенно турецкой) национальности, чтобы заставить других «иностранцев» из чувства самосохранения покинуть Германию. Полицейских же они убивали, видя в них представителей ненавистного им демократического строя. В обвинительном заключении утверждается, что члены *NSU* считали все совершенные ими преступления «общим делом», причем каждый из них выполнял заранее предусмотренную для него «работу». Так, Мундлос и Бенхард выбирали и выслеживали возможные цели нападения, а также непосредственно исполняли убийства и грабежи. На долю Цшепе выпадала немаловажная задача обеспечения прикрытия деятельности группы посредством инсценирования видимости повседневности и легальности существования всех членов группы, выдумывания для окружающих объяснения частого отсутствия своих соратников. Лишь благодаря ее стараниям по обеспечению безопасности явочных квартир и недопущению

возникновения подозрений у окружающих *NSU* удалось столь длительное время совершать тяжкие преступления, не попадая при этом в поле зрения правоохранительных органов. Кроме того, Цшепе принимала активное участие в подготовке и организации преступной деятельности *NSU*, которая заключалась, например, в хранении и отмытии награбленных средств, обеспечении соучастников поддельными документами, оружием, средствами передвижения и т. д. В конечном итоге обвинительное заключение Генеральной прокуратуры ФРГ исходит из того, что роль Цшепе в преступной деятельности *NSU* в уголовно-правовом смысле должна квалифицироваться как соисполнительство во всех преступлениях, совершенных непосредственно Мундлосом и Бенхардом¹.

В соответствии с § 120 Закона о судебной системе ФРГ (*Gerichtsverfassungsgesetz (GVG)*) от 9 мая 1975 г. дело *NSU* подсудно в первой инстанции Мюнхенскому Верховному суду Федеральной земли Бавария. После ряда процессуальных задержек, связанных в основном (по мнению защиты) с недостаточным количеством мест для представителей общественности и прессы в зале суда, в Мюнхене 6 мая 2013 г. в Шестой коллегии Земельного Верховного суда (судебная коллегия по уголовным делам против государственной власти) было открыто основное судебное разбирательство по делу *NSU*. В процессе принимают участие 86 лиц, поддерживающих публичное обвинение, и заслушаны более 600 свидетелей. По предварительным данным, процесс займет около двух с половиной лет.

За годы своей противозаконной деятельности Национал-социалистическое подполье совершило убийства турка Энвера Шимшека (9 сентября 2000 г.), турка Абдуррахима Езюдору (убит 13 июня 2001 г.), турка Сюлеймана Ташкепрю (убит 27 июня 2001), Хабиля Кылыча (убит 29 августа 2001 г.), Мехмета Тургутта (убит 25 февраля 2004 г.), Исмаила Яшара (убит 9 июня 2005 г.), Мехмета Кубашика (4 апреля 2006 г.), Халита Езгата (убит 6 апреля 2006 г.).

Кроме того, 5 июня 2005 г. Мундлос и Бенхард убили грека Теодороса Булгаридеса, ошибочно принятого ими за турка, а 25 апреля 2007 г. они убили офицера полиции – 22-летнюю Мишель Кизеветтер и тяжело ранили ее 24-летнего напарника. 19 января 2001 г. они взорвали бомбу в продуктовом магазине в Кельне, принадлежавшем приезжему иранцу (ранения получила дочь владельца магазина), а 9 июня 2004 г. взорвали бомбу также в Кельне на Койпштрассе, в районе, где компактно проживали им-

¹ По версии полицейских, Цшепе придумывала операции, а Мундлос и Бенхард были рядовыми исполнителями ее воли. Как настоящий мозговой центр организации, подставив преданных ей людей, она сделала все, чтобы избежать сурового наказания. Впрочем, вряд ли это когда-нибудь будет доказано, поскольку из трех членов нацистской шайки двоих уже нет в живых.

мигранты из Турции (ранения различной степени тяжести получили 23 человека).

Также Мундлос и Бенхард совершили 15 ограблений почтовых отделений, сберегательных банков и одного продовольственного магазина в Саксонии, Тюрингии и Мекленбурге – Передней Померании (в 13 случаях им удалось скрыться с деньгами, два случая квалифицируются как покушение). Известно, что награбленными деньгами распорядилась Цшепе. На эти деньги они готовили новые террористические атаки и жили, находясь на нелегальном положении.

Среди других течений правого экстремизма в современной Германии существенную роль играют «Автономные националисты». Ими являются представители неонацистской среды, состоящей из региональных группировок и разрозненных неонацистских организаций, которые (каждая в отдельности) не отличается большой численностью сподвижников. Тем не менее общая численность неонацистов достигла в Германии в 2011 г. 6000 человек, примерно 15% из которых являются представителями «Автономных националистов». Это течение внутри неонацистского спектра представляет собой структурно неорганизованное объединение, отличающееся акционизмом (от лат. *Action* – действие) и повышенной готовностью применять насилие. Основным агитационным инструментом «Автономных националистов» является участие в неонацистских демонстрациях и проведение прочих публичных акций, например, «спонтанные» демонстрации, распространение листовок или видеоматериалов, а также акции граффити (от итальянского глагола *graffiare* – «царапать»).

17 августа 1991 г. на торжественной церемонии перезахоронения останков короля Фридриха Великого в парке Сан-Суси в Потсдаме «Автономные националисты», так же как и другие представители неонацистов, пытались продемонстрировать свое поклонение монарху, которым так восхищался Гитлер.

Важным инструментом неонацистской пропаганды является использование ресурсов Интернета. Существуют многочисленные виртуальные платформы, используемые для распространения материалов неонацистского толка, интернет-отчетов и иной документации относительно проведенных акций и т. д. Следует отметить, что разграничение неонацистских течений и четкое отнесение каждого отдельного элемента к определенному звену становится все более сложным. Это объясняется схожестью идеологических элементов, имеющих место у всех неонацистских группировок и течений, а также идентичностью методов их прокламации.

Общим идеологическим элементом всех группировок неонацистского толка является исторический национал-социализм с характерными для него расизмом, антисемитизмом, национализмом и неприятием демократического строя. Идеология неонацизма направлена на построение этнически

гомогенного, авторитарного государства по примеру гитлеровского национал-социалистического режима. При этом преступления гитлеровского режима ревизионистским образом отрицаются неонацистами, вплоть до отрицания холокоста¹.

По их мнению, этническое разнообразие и плюралистическое государство угрожают существованию собственного народа. Демократическое правовое государство не принимается неонацистами, которые считают его «оккупантским режимом».

Тем не менее, несмотря на эти общие идеологические элементы, неонацистская среда в Германии не однородна, поскольку идеологические элементы трактуются в отдельных слоях неонацистского спектра по-разному. В особенности среди молодого поколения неонацистов основными являются антиамериканские, антикапиталистические и антиимпериалистические настроения. Спектр современных неонацистских течений охватывает группировки, ориентированные на нацистскую субкультуру, а также группы и объединения, открытые для идеологических вариантов национал-социализма, и вплоть до отдельных активистов и групп, желающих восстановления национал-социализма в его наиболее радикальном виде, как это было во времена гитлеровской Германии в историческом понимании. Членами и руководителями неонацистских группировок являются, как правило, мужчины молодого и среднего возраста. Лишь 4% руководящих активистов неонацистских групп являются женщинами. Исключение составляет запрещенная в 2011 г. неонацистская группировка «Организация по оказанию помощи нацистским политическим заключенным и их близким» *Hilfsorganisation für nationale politische Gefangene und deren Angehörige (HNG)*, в которой и председательствующий, и его заместитель были женского пола.

Для правых экстремистов, находящихся под влиянием ультраправой субкультуры, характерна личная идентификация через типичные для этой среды музыкальные направления и ведение связанного с ними образа жизни, сопровождающегося соответствующими атрибутами. Однако уже в течение нескольких лет в неонацистском спектре наблюдается снижение значения ультраправой субкультуры, связанное с запретом группировки *Blood&Honour* в 2000 г. Кроме того, распространенная в 90-е годы прошлого столетия скинхедская ультраправая субкультура считается в неонацистских кругах устаревшей (в настоящее время в Германии существует

¹«Холокост» означает «сжигаемый целиком» или «жертва всеожжения». Широкое распространение слово «холокост» получило в 1950-е годы, когда этот термин стал употребляться для обозначения массового истребления евреев нацистским режимом в Германии. Известно также, что слово «холокост» употреблялось применительно к массовому истреблению армян Османской империей.

единственная активная скинхедская организация – *Hammerskins*); на смену ей пришла более современная субкультура неонацистских *Hatecoreu Black-Metal*, а также пронизанная нацистским экстремистским активизмом субкультура «Автономных националистов». Число приверженцев ультраправых экстремистских субкультур составляло в 2011 г. 7600 человек. Как правило, они организованы в региональные группировки или ультраправые экстремистские музыкальные группы, но не подвержены какой-либо единой идеологической основе. Идеологической борьбе они предпочитают сиюминутную активность (акционизм), выражающуюся в организации соответствующих концертов, а также в участии в демонстрациях, маршах и общении в социальных сетях в Интернете.

В политическом спектре ФРГ в настоящее время существуют две политические партии ультраправого толка. Во-первых, речь идет о Национал-демократической партии (НДП) Германии, основанной в 1964 г. и насчитывающей 6300 членов. Центральным пунктом идеологии НДП является создание гомогенного «народного сообщества», в основу которого кладется идеологический элемент, характеризующий подход НДП к политическим, экономическим и социальным вопросам через ультраправую экстремистскую радикальную идеологию. Под эгидой НДП в Германии действуют три ультраправые организации: «Молодые национал-демократы», «Националистический женский союз» и «Коммунально-политическое объединение НДП» (*NPD*). Во-вторых, следует упомянуть «Немецкий народный союз» (ДФУ), основанный в 1987 г. и насчитывающий около 1000 членов. С тех пор как ДФУ в 2010 г. объявила о слиянии с НДП, произошел полный раскол партии. В то время как НДП пропагандирует успешное (по ее мнению) слияние с ДФУ, региональные представители последней оспаривают действительность направленных на слияние решений общего собрания членов ДФУ из-за недействительности общего голосования. В настоящее время в Германии по этому поводу ведутся нескончаемые судебные разбирательства.

Основной закон (Конституция) Федеративной Республики Германия предоставляет гражданам значительное количество прав и свобод. В качестве «основных конституционных прав» ими пользуются также лица, не принимающие свободный демократический государственный строй ФРГ. Однако этот принцип действует не беспредельно. Он имеет предел там, где очевидно проявляется злоупотребление правами и свободами с целью подорвать свободный демократический строй и таким образом устранить саму основу конституционных прав и свобод.

Учитывая скорбный опыт немецкой демократии конца Веймарской республики, в центральных положениях Основного закона ФРГ закреплен принцип так называемой защищающейся демократии (*wehrhafte Demokratie*).

Во-первых, в данной связи следует назвать ст. 79 (абз. 3) Конституции ФРГ, в которой установлен постулат непоколебимости основных конституционных принципов (конституционных основ). Это означает, что в особенности закрепленная в ст. 1 (абз. 1) Конституции гарантия защиты человеческого достоинства, а также содержащиеся в ст. 20 принципы государственного строя (демократия, федерализм, правовое и социальное государство) не могут быть изменены ни при каких условиях, в том числе конституционным законодателем. Основами свободного демократического строя Федеративной Республики Германия являются:

1. Право народа осуществлять государственную власть путем участия в выборах и голосованиях и через особые законодательные органы, особые органы исполнительной власти и правосудия, а также избирать народное представительство на общих, непосредственных, свободных, равных и тайных выборах.

2. Связанность законодательных органов с конституционным строем и подчинение всей деятельности органов исполнительной власти и органов правосудия закону и праву.

3. Право на создание и осуществление парламентской оппозиции.

4. Сменяемость правительства и его ответственность перед народным представительством.

5. Независимость судов.

6. Неприемлемость любого господства, основанного на насилии и произволе.

7. Установленные в Конституции Основные права.

Во-вторых, ст. 21 (абз. 2) Основного закона уполномочивает Федеральный Конституционный суд ФРГ признавать политические партии антиконституционными, если эти партии преследуют цель или приверженцы этих партий стремятся нанести ущерб или устранить свободный демократический строй или создать опасность для стабильности Федеративной Республики Германия.

В-третьих, ст. 9 (абз. 2) Основного закона ФРГ устанавливает запрет объединений, цели или деятельность которых противоречат уголовному закону или направлены против конституционного строя или против идеи взаимопонимания между народами. Так, с 1964 г. Федеральным министерством внутренних дел Германии в соответствии с § 3 (абз. 1, 2) Закона о регулировании публичного права, касающегося деятельности объединений, от 5 августа 1964 г. было неоспоримо запрещено 15 правых экстремистских объединений, цели и деятельность которых были направлены против конституционного строя ФРГ. Среди этих объединений следует назвать: «Национальный фронт» (запрет МВД ФРГ от 26 ноября 1992 г.), «Немецкую альтернативу» (запрет МВД ФРГ от 8 декабря 1992 г.), «Национальное наступление» (запрет МВД ФРГ от 21 декабря 1992 г.),

Молодежное объединение «Викинг» (запрет МВД ФРГ от 10 ноября 1994 г.), «Свободную немецкую рабочую партию» (запрет МВД ФРГ от 12 сентября 2000 г.) и т.д.

В-четвертых, в соответствии со ст. 18 Основного закона ФРГ Федеральный Конституционный суд ФРГ может принять решение о лишении или ограничении определенных основных прав и свобод, в том числе свободы слова и, в частности, свободы печати (ст. 5 абз. 1 Основного закона ФРГ), свободы преподавания (ст. 5 абз. 3), свободы собраний (ст. 8) и объединений (ст. 9), тайны переписки, а также тайны почтовой и телекоммуникационной связи (ст. 10), свободы собственности (ст. 14) или права политического убежища (ст. 16а Конституции ФРГ), если эти права и свободы используются для борьбы против основ свободного демократического строя.

Таким образом, «защищающаяся демократия» представляет собой понятие, закрепленное в основополагающих положениях Конституции ФРГ и гарантирующее стабильность правового демократического государства. Отличительными чертами этого конституционного принципа являются:

1) неразрывная связь государства с фундаментальными ценностями, заложенными в основу конституционного строя, и признание государством непоколебимости и неизменяемости этих конституционных основ;

2) готовность государства всеми силами защищать эти ценности против экстремистских посягательств;

3) обеспечение защиты конституционных основ еще в подготовительной фазе экстремистской радикальной деятельности. Иными словами, государство реагирует на антиконституционные посягательства на как можно более ранней стадии.

Для обеспечения дееспособности «защищающейся демократии» ст. 73 Основного закона ФРГ предписывает создание специальных органов по охране Конституции в соответствии с Федеральным законом, коим является «Закон о сотрудничестве Федерации и Земель в вопросах охраны Конституции и о Федеральном ведомстве по охране Конституции».

Федеральный закон об охране Конституции предписывает в § 2 (абз. 1) создание ведомства по охране Конституции на федеральном уровне в качестве высшего федерального учреждения, подчиняющегося Федеральному министерству внутренних дел ФРГ.

Такое Федеральное ведомство было учреждено в Германии еще 7 ноября 1950 г. с официальным наименованием «Федеральное Ведомство по охране Конституции». В настоящее время все 16 Федеральных земель Германии располагают собственными Ведомствами, деятельность которых регулируется Федеральным законом об охране Конституции и соответствующим законодательством Земель.

Важно отметить, что часто встречающееся в переводах на русский язык обозначение Федерального ведомства по охране Конституции как

«политическая полиция» совершенно неверно. Во-первых, данное ведомство не является политическим учреждением; оно подчиняется профильному министерству и обязано исполнять свои функции независимо от расстановки политических сил в стране. Федеральное ведомство обязано само при любых условиях соблюдать основные конституционные принципы, установленные в ст. 20 Основного закона ФРГ; его деятельность подлежит парламентскому контролю [1]. Во-вторых, данное Федеральное ведомство не обладает никакими полицейскими функциями и полномочиями. Более того, в § 2 (абз. 1, предл. 2) Федерального закона об охране Конституции заложен однозначный запрет даже структурного отнесения Федерального ведомства в подведомственность полиции.

В соответствии с положениями § 3 (абз. 1) Федерального закона об охране Конституции основной задачей Федеральных Ведомств является сбор и анализ информации о:

а) стремлениях, направленных против основ свободного демократического строя, против существования или безопасности Федерации или одной из Земель, либо имеющих цель незаконного нарушения деятельности Конституционных органов Федерации или одной из Земель или членов этих Конституционных органов;

б) угрожающей безопасности или разведывательной деятельности в пространстве действия Закона об охране Конституции в пользу иностранной власти;

в) стремлениях, преследуемых в пространстве действия Закона об охране Конституции, которые посредством применения насилия или направленных на него подготовительных действий угрожают внешним интересам Федеративной Республики Германия;

г) стремлениях, преследуемых в пространстве действия Закона об охране Конституции, направленных против идеи взаимопонимания между народами, в особенности против мирного сосуществования народов.

Об основных установленных антиконституционных стремлениях (в том числе экстремистских радикальных организациях и объединениях) Федеральное Ведомство по охране Конституции информирует общественность в ежегодном отчете, публикуемом в средствах массовой информации [2].

Таковы в общих чертах особенности деятельности правых экстремистских объединений и партий в современной Германии и правовая регламентация такой деятельности с учетом принципа «защищающаяся демократия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gezets über die parlamentarische Kontrolle nachrichtendienstlicher Tätigkeit des Bundes [Kontrollgremiumgesetz – PKGrG]), 29 July 2009 (BGBlI2009/ S. 2346). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/pkgrg/BJNR234610009.html>. [Закон о контроле за деятельностью службы разведки Германии].
2. НеОбыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристика) / П. В. Головенков, Г. А. Исаков [и др.]. – М. : Проспект, 2014. – 264 с.

REFERENCES

1. Gezets the Parliamentary Control of Intelligence Activities by the Federal [Control Panel Act – PKGrG]), 29 July 2009 (BGBlI2009/S. 2346). Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/pkgrg/BJNR234610009.html> (accessed 12 April 2015). (In Germ.).
2. Unusual Fascism (criminological and legal characteristic) / P.V. Golovenkov, G.A. Esakov et. al. Moscow: Prospekt, 2014. 264 p. (In Russ.).

УДК 343.54(100)

В.А. Авдеев¹

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
E-mail: vadim.avdeevich@mail.ru

Е.В. Авдеева²

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
E-mail: E_V_Avdeeva@bk.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ, ЯПОНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ СИСТЕМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье раскрываются актуальные проблемы уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности и половой свободы личности. Дан сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Японии в сфере обеспечения уголовно-правового регулирования половой неприкосновенности и половой свободы личности. С учетом ретроспективного анализа процессов криминализации и пенализации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности определены позитивные меры предупреждения насильственной преступности. Сравнительный анализ норм Уголовного кодекса РФ, Уголовного кодекса КНР и Уголовного кодекса Японии показывает неоднозначный подход законодателей указанных государств к регламентации данных составов преступлений. Высказаны предложения по гармонизации уголовно-правовых и организационно-

¹ Вадим Авдеевич Авдеев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета.

² Екатерина Вадимовна Авдеева, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета.

Для цитирования: Авдеев, В.А., Авдеева, Е.В. Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности и половой свободы личности: сравнительно-правовой анализ российской, японской и китайской систем уголовного права» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Т. № 1–2. С. 85–99.

практических средств в сфере охраны половой неприкосновенности и половой свободы личности. Проведение сравнительно-правового исследования норм российского, китайского и японского уголовного законодательства, обеспечивающего охрану половой неприкосновенности и половой свободы человека, позволило раскрыть ряд проблем, осложняющих реализацию межгосударственных средств противодействия указанным посягательствам. Ключевым направлением уголовно-правовой политики в контексте глобализации, повлекшей значительные миграционные процессы, является унификация уголовно-правовых институтов, регламентирующих организационно-практические меры противодействия насильственным и ненасильственным преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Особое значение приобретает консолидация мер социально-экономического, политико-правового, информационного и иного характера. Эффективное обеспечение безопасности личности предполагает модернизацию правовой политики на транснациональном уровне путем разработки согласованной стратегии и комплекса мер, направленных на ликвидацию причин и условий, способствующих совершению насильственных преступлений, обеспечению защиты потерпевших и их полноценной реабилитации.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовное законодательство, свобода личности, половая неприкосновенность, половая свобода личности.

Vadim A. Avdeev¹

Baikal State University, Irkutsk, Russia
E-mail: vadim.avdeevich@mail.ru

Ekaterina V. Avdeeva²

Baikal State University, Irkutsk, Russia
E-mail: E_V_Avdeeva@bk.ru

**CRIMINAL LEGAL PROTECTION
SEXUAL INVIOABILITY AND SEXUAL FREEDOM:
A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS
OF THE RUSSIAN, JAPANESE AND CHINESE**

Abstract. The actual problems of criminal legal protection of sexual integrity and sexual freedom of the individual are described in the article. A comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation, the People's Republic of China and Japan in the field of criminal-legal regulation of sexual inviolability and sexual freedom of the individual is conducted. Given the retrospective analysis of the processes of criminalization and penalization of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual positive measures of violent crime prevention are set in the article. Comparative analysis of the provisions of the Criminal Code, the Criminal Law and the Criminal Code of Japan shows an ambiguous approach the legislators apprehend to regulate these offenses. Suggestions for the harmonization of criminal law, organizational and practical tools in the field of sexual inviolability and sexual freedom of the individual are made in the article. Comparative legal research of Russian, Chinese and Japanese criminal law on protection of sexual inviolability and sexual freedom of the person has revealed a number of problems that complicate the implementation of interstate countermeasures to these crimes. Globalization has caused significant migration processes. Hence a key focus of criminal policy is the unification of penal institutions regulating the organizational and practical measures against violent and non-violent crimes infringing on the sexual inviolability and sexual freedom of an individual. The consolidation of socio-economic, political, legal, informational and other measures is of particular im-

¹Vadim A. Avdeev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Baikal State University.

²Ekaterina V. Avdeeva, PhD, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Baikal State University.

For citation: Avdeev, V.A., Avdeeva, E.V. Criminal legal protection sexual inviolability and sexual freedom: a comparative legal analysis of the Russian, Japanese and Chinese // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P. 85–99.

portance. Effective security of a person requires modernization of the legal policy at international level through development of a coherent strategy and a set of measures aimed at eliminating the causes and conditions that facilitate the commission of violent crimes, the protection of victims and their full rehabilitation.

Keywords: criminal policy, criminal law, personal liberty, sexual integrity, sexual freedom of the individual.

Глобализация международной жизни обуславливает необходимость гармонизации национальных правовых систем, в том числе в сфере обеспечения неприкосновенности основных прав и свобод человека. Институционализация общепризнанных принципов предполагает стандартизацию уголовного законодательства с учетом ратифицированных норм международного права [1]. Государства обязуются гарантировать безопасность естественных и неотъемлемых прав человека, включая право на жизнь, здоровье, свободу, честь и достоинство и т.д. Пристального внимания среди объектов уголовно-правовой охраны на современном этапе заслуживают общественные отношения в сфере защиты половой неприкосновенности и половой свободы личности.

В этой связи особое значение приобретает межгосударственный уровень гармонизации норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану половой неприкосновенности и половой свободы личности [2]. Повышенный научный интерес к проблеме оптимизации уголовно-правовых средств в области обеспечения половой неприкосновенности и половой свободы личности сопряжен с решением вопросов стандартизации международно-правовых норм и адекватизации национального уголовного законодательства.

Неизменным в оптимизации уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступлениям насильственного характера следует признать гарантированность национальным законодательством незыблемости общепризнанных принципов международного права, предусмотренных Всеобщей декларацией прав человека (ст. 3), Международным пактом о гражданских и политических правах (ст. 9), Конвенцией Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (ст. 6) и иными нормативно-правовыми актами универсального и регионального характера, предусматривающими использование в целях обеспечения права человека на личную неприкосновенность совокупности как внутригосударственных, так и транснациональных средств внесудебной и судебной защиты.

Между тем определенные трудности имеют место вследствие неразрешенности вопросов гендерного неравенства, обусловливаемого разноуровневостью социально-экономических и политико-правовых национальных систем. Более того, различный подход к механизму противодействия пося-

гательствам на половую неприкосновенность и половую свободу личности детерминируется плюралистичностью правовых, религиозных и культурных ценностей.

В соответствии с главой 18 Уголовного кодекса РФ 1996 г. уголовно-правовыми средствами обеспечения охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности является законодательная регламентация таких составов преступлений, как изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, развратные действия (ст. 131–135 УК РФ). Повышенная общественная опасность изнасилования и насильственных действий сексуального характера отражается на категоризации указанных составов преступлений. Основные составы исследуемых преступлений и квалифицированные виды, предусмотренные соответственно частями первой и второй ст. 131, 132 УК РФ, являются тяжкими, особо квалифицированные виды – особо тяжкими преступлениями. В качестве меры уголовной ответственности за изнасилование или насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, субъектом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, предусматриваются наказания от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы либо пожизненное лишение свободы (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132 УК РФ).

Однако создание в России национального механизма противодействия преступлениям насильственного характера отличается многовековым правовым опытом, отражающим место и роль половой свободы личности среди объектов уголовно-правовой охраны. В процессе становления и развития российской правовой системы последовательно законодательной регламентации подлежали отдельные составы преступлений, гарантирующих уголовно-правовую охрану половой неприкосновенности отдельных категорий населения [3]. Первоначально под влиянием православных канонов византийского права в церковных Уставах Владимира и Ярослава Мудрого к числу преступлений против семьи и нравственности были отнесены лишь пошибание (изнасилование) боярских жен и дочерей. Промульгирование принципов уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности предопределило следующие позитивные тенденции в развитии российского уголовного законодательства. Под влиянием идей просвещенного абсолютизма в Воинском Артикуле 1715 г. законодательному оформлению подлежала уголовная ответственность за мужеложство, караемое смертной казнью (в исключительных случаях по решению суда назначалось лишение свободы), и изнасилование, влекущее назначение наказания в виде отсечения головы или пожизненной ссылки на катор-

гу на галеры (арт. 166, 167). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. детализирует виды уголовной ответственности за мужеложство (ст. 995, 996). В развитие данных положений Уголовное уложение 1903 г. наряду с мужеложством (ст. 516) законодательно закрепляет ответственность за «любострастные действия» (ст. 513–515). Таким образом, уголовно-правовая охрана половой свободы и половой неприкосновенности личности на ранних стадиях развития национальной системы уголовного законодательства характеризовалась фрагментарной регламентацией отдельных составов преступлений.

Системный подход к обеспечению уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности наметился в советском уголовном законодательстве [4]. В контексте новой уголовной политики государства законодательной систематизации в рамках четвертой подглавы пятой главы Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. подлежали «Преступления в области половых отношений» [5]. В указанный перечень были включены такие составы насильственных преступлений, как: 1) половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости; 2) половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением, или удовлетворение половой страсти в извращенных формах; 3) развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их; 4) изнасилование; 5) принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия; 6) сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции (ст. 166–171 УК РСФСР). Анализ законодательной формулы демонстрирует, что особенностью уголовно-правового регулирования являлась систематизация составов преступлений, имеющих двойственную юридическую природу. Терминология «половые отношения» применялась с учетом видового и непосредственного объектов посягательства лишь в составах преступлений, предусмотренных ст. 166–169 УК РСФСР. Составы преступлений, регламентируемые ст. 170–171 УК РСФСР, имели иную правовую природу исходя из содержания диспозиций анализируемых уголовно-правовых норм и наличия другого объекта посягательства. Исходя из содержания санкций, следует заключить, что приоритетное место среди наказаний отводилось лишению свободы, срок которого варьировался в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления до пяти лет.

В Уголовном кодексе РСФСР редакции 1926 г. наметилась дальнейшая новеллизация составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Законодательному оформлению подлежали такие составы, как: половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением, или удовлетворение половой страсти в извращенных формах; развращение малолетних или несовершеннолет-

них, совершенное путем развратных действий в отношении их; изнасилование; понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой; принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции (ст. 151–155 УК РСФСР). Положительным моментом следует признать изменение санкций отдельных уголовно-правовых норм, указывающих на возможность назначения наказания с учетом повышенной общественной опасности деяния и наступивших преступных последствий до восьми лет лишения свободы. Перечень отягчающих обстоятельств, регламентированных статьей 153 УК РСФСР, включал изнасилование: 1) повлекшее самоубийство потерпевшей; 2) в отношении лица, не достигшего возраста половой зрелости; 3) совершенное несколькими лицами.

Обращает на себя внимание тот факт, что постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 01.04.1934 г. криминализации вновь было подвергнуто мужеложство. Согласно ст. 154-а УК РСФСР уголовная ответственность наступала по части первой за добровольное и насильственное мужеложство и по части второй – за мужеложство с использованием зависимого положения потерпевшего. Дифференциация изнасилования и мужеложства имела практическое значение при разграничении личности потерпевших от посягательств на половую неприкосновенность или половую свободу. Высокая степень общественной опасности изнасилования получила оценку в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 04.01.1949 г., в соответствии с которым предусматривались новые размеры наказания в виде лишения свободы за основной состав преступления (от 10 до 15 лет) и его квалифицированные виды – от 15 до 20 лет. Отбывание наказания предусматривалось в исправительно-трудовом лагере.

Стоит заметить, что Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. не предусматривал выделение самостоятельной главы, обеспечивающей уголовно-правовую охрану преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы личности [6]. Вследствие этого рассматриваемые составы насильственных преступлений нашли отражение в главе 3 – «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», регламентирующей уголовную ответственность за изнасилование, понуждение женщины к вступлению в половую связь, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, развратные действия и мужеложство (ст. 117–121 УК РСФСР). Криминализации подлежали такие новые квалифицированные и особо квалифицированные виды, как изнасилование: 1) сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения; 2) совершенное группой лиц или лицами, ранее совершавшими изнасилование; 3) совершенное особо опасным рецидивистом или повлекшее особо

тяжкие последствия; 4) несовершеннолетней. Характерной особенностью внесения изменений в диспозиции норм частей второй и третьей статьи 117 УК РСФСР становится внесение изменений в содержание санкций анализируемых уголовно-правовых норм. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1962 г. принято постановление «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», в соответствии с которым изнасилование, совершенное группой лиц или особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней, наказывалось лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, либо смертной казнью [7].

Декриминализации Законом РФ от 29.04.1993 г. вследствие исключения признака общественной опасности подлежало мужеложство без применения насилия, использования зависимого или беспомощного состояния потерпевшего [8].

Современная модель уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности, основываясь на правовом опыте, предусматривает новеллизации уголовного законодательства в части определения критериев разграничения изнасилования и насильственных действий сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ) [9]. Значительному расширению в сравнении с ранее действовавшим законодательством подлежала объективная сторона понуждения к действиям сексуального характера, включающая на современном этапе понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера (ст. 133 УК РФ). Среди положительных моментов, внесенных законодателем в редакцию Уголовного кодекса, следует выделить изменения ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста». Ранее действовавшая редакция не указывала возраст потерпевшего, лишь отмечая недостижение возраста половой зрелости, что значительно осложняло установление данного факта и, соответственно, правильную квалификацию преступления. Позитивной оценки заслуживают редакционные изменения диспозиции нормы статьи 135 УК РФ, согласно которым: 1) исключен признак заведомости совершения развратных действий без применения насилия; 2) изменению с 14 на 16 лет подлежал возраст потерпевшего.

Необходимо отметить, что оформление в Особой части УК РФ самостоятельной главы – «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» создает предпосылки для последовательной оптимизации средств уголовно-правовой охраны свободы личности. Однако на современном этапе в условиях глобализации актуализируется разработка законодательных гарантий противодействия насильственным и ненасильственным преступлениям против половой неприкосно-

венности и половой свободы на межгосударственном уровне [10]. Развитие международного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона в обеспечении права человека на свободы предполагает целенаправленную унификацию технико-юридического понятийно-категориального аппарата. Актуальной представляется разработка унифицированного подхода к таким юридическим категориям, как «изнасилование», «мужеложство», «лесбиянство», «иные насильственные действия сексуального характера», «развратные действия» и т.п.

Отсутствие в международных нормативно-правовых актах унифицированных дефиниций обусловило многообразие подходов к структурированию Особенной части в рамках национальных уголовных законодательств стран Азиатско-Тихоокеанского региона [11]. Наметившийся плюрализм в правовой оценке половой неприкосновенности и половой свободы человека предопределил многообразие составов преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на указанные объекты уголовно-правовой охраны. Сложившееся многообразие подходов к определению видового и родового объектов посягательств позволило осуществить в странах Азиатско-Тихоокеанского региона законодательную регламентацию составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в пределах таких глав, как «Преступления против личности, демократических прав граждан» (КНР), «Преступления, состоящие в безнравственности, совращении и двоебрачии» (Япония) и т.д. Отмеченная тенденция в законодательной регламентации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности осложняет на правоприменительном уровне реализацию согласованной политики по обеспечению эффективности мер уголовно-правовой охраны. Функционирование разноуровневых программ, рассогласованность норм уголовного законодательства различных национальных правовых систем затрудняет взаимосвязь и взаимодействие правоохранительных и правоприменительных органов в сфере противодействия посягательствам на половую неприкосновенность и половую свободу личности.

Сравнительный анализ норм Уголовного кодекса РФ, Уголовного кодекса КНР и Уголовного кодекса Японии показывает неоднозначный подход законодателей указанных государств к регламентации данных составов преступлений. Многообразное толкование норм российского, китайского и японского уголовного законодательства, ориентированного на защиту половой неприкосновенности и половой свободы, отражается в наименовании статей, содержании диспозиций и санкций норм [12].

Так, например, Уголовный кодекс Китайской Народной Республики ограничивается двумя статьями, направленными на охрану половой неприкосновенности и половой свободы человека (ст. 236, 237 УК КНР). Согласно ст. 236 УК КНР, законодательному оформлению подлежит изнасилова-

ние, совершенное с применением по отношению к женщине угроз и насилия. Одним из ключевых элементов изнасилования признается не половое сношение, а применение «к женщине угроз и насилия». В этой связи возникает закономерный вопрос относительно специфики объективной стороны преступления и установления точного момента его окончания. Дискуссионной представляется позиция китайского законодателя, идентифицирующего изнасилование с «развратными действиями по отношению к девушке, не достигшей 14 лет» [13]. Развратные действия с учетом их юридической природы исключают применение насилия. Отсутствие как физического, так и психического насилия по отношению к потерпевшей ставит под сомнение возможность законодательного отождествления развратных действий с изнасилованием.

С определенной долей условности к преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности может быть отнесено принуждение женщины к совершению унижающих ее достоинство действий и совершение надругательства над ней путем насилия, угроз или иными методами (ст. 237 УК КНР). В качестве непосредственного объекта посягательства, исходя из содержания диспозиции анализируемой нормы, выступают, прежде всего, общественные отношения в сфере охраны достоинства потерпевшей. Кроме того, унижающие достоинство женщины действия вполне могут быть не связаны с гендерным неравенством. Что касается надругательства над потерпевшей, то в законе указываются своеобразные способы совершения преступления – «путем насилия, угроз или иными методами», которые также могут быть не связаны с областью взаимоотношения полов [14].

Плюралистические подходы национальных правовых систем к оформлению запретов на данные деяния демонстрирует сопоставление российского и японского уголовного законодательства. Уголовный кодекс Японии регламентирует два состава преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. На основании ст. 176–178 УК Японии уголовной ответственности подлежат: 1) развратные действия с применением насилия; 2) изнасилование; 3) преступные деяния, приравняемые к развратным действиям с применением насилия и к изнасилованию. Раскрывая специфику объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 176 УК Японии, законодатель акцентирует внимание на: 1) возрасте потерпевшего (потерпевшей) как достигшего, так и не достигшего тринадцати лет; 2) применении насилия или угроз. Между тем затруднения на правоприменительном уровне как раз могут быть связаны с установлением критериев отграничения насильственных развратных действий от изнасилования. Вызывает закономерный вопрос законодательная формула изнасилования, понимаемого как «совращение лица женского пола путем применения насилия или угроз» (ст. 177 УК Японии). Проблематичными при

квалификации являются преступные деяния, приравняемые к развратным действиям с применением насилия и к изнасилованию. Согласно диспозиции нормы статьи 178 УК Японии во внимание при юридической оценке указанных деяний следует принимать беспомощное состояние потерпевших. Однако критерии разграничения данных противоправных действий не указаны в норме уголовного закона.

Сравнительно-правовой оценки заслуживает дифференциация в российском, китайском и японском законодательстве уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы человека. Характерной особенностью правовой системы РФ является реализация целей наказания, а именно, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений через законодательную формулу и содержание санкций уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ. Так, например, изнасилование, реализованное без отягчающих обстоятельств, наказывается на срок от трех до шести лет лишения свободы (ч. 1 ст. 131 УК РФ). Изнасилование, совершенное с применением по отношению к женщине угроз и насилия, при отсутствии отягчающих обстоятельств карается по китайскому уголовному законодательству более строго вследствие увеличения верхнего предела наказания до десяти лет лишения свободы (ч. 1 ст. 236 УК КНР). Изнасилование в соответствии со ст. 177 УК Японии влечет наказание в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом на срок не ниже двух лет.

При установлении квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков изнасилования максимальный срок наказания, предусмотренного ст. 131 УК РФ, составляет: по части второй – до десяти лет, по части третьей – до пятнадцати лет, по части четвертой – до двадцати лет, по части пятой – до пожизненного лишения свободы. Установление квалифицированных и особо квалифицированных видов изнасилования влечет, согласно ст. 236 УК КНР, по части второй – назначение «максимально строгого наказания из предусмотренных», по части третьей – вплоть до назначения смертной казни. Между тем ст. 177 УК Японии не предусматривает как квалифицированных видов изнасилования, так и более строгих видов наказаний.

Сопоставление иных норм российского, китайского и японского уголовного законодательства свидетельствует о смещении признаков составов преступлений, обусловившем недостаточную законодательную оформленность насильственных действий сексуального характера, предусмотренных ст. 132 УК РФ. Национальная специфика проявляется в процессе регламентации в России уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, развратные действия (ст. 133–135 УК РФ). Так, понуждение к действиям сексуального

характера без отягчающих обстоятельств влечет ответственность до одного года лишения свободы, при наличии квалифицированного вида, сопряженного с совершением указанного деяния в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней), – до пяти лет лишения свободы (ч. 1–2 ст. 133 УК РФ). Основной состав понуждения к действиям сексуального характера регламентирует ответственность до четырех лет лишения свободы, по части второй – до шести лет лишения свободы, по части третьей – до десяти лет лишения свободы, по части четвертой – до пятнадцати лет лишения свободы, по части пятой – до двадцати лет лишения свободы, по части шестой – вплоть до пожизненного лишения свободы (ст. 134 УК РФ). Оценивая санкции норм, предусмотренные за развратные действия, необходимо отметить, что основной состав преступления влечет наказание до трех лет лишения свободы, квалифицированный вид – до восьми лет лишения свободы, особо квалифицированные виды (ч. 3–5 ст. 135 УК РФ), соответственно, – до двенадцати и пятнадцати лет лишения свободы [15].

В рамках уголовного законодательства КНР предусматривается ответственность до пяти лет лишения свободы за принуждение женщины к совершению унижающих ее достоинство действий и совершение надругательства над ней путем насилия, угроз или иными методами (ч. 1 ст. 237 УК КНР). Совершение указанного преступления публично или в общественном месте влечет наказание свыше пяти лет лишения свободы (ч. 2 ст. 237 УК КНР). Надругательство над ребенком наказывается «самым суровым из предусмотренных в частях первой и второй настоящей статьи наказанием» (ч. 3 ст. 237 УК КНР).

Что касается уголовного законодательства Японии, то ст. 176 УК устанавливает наказание за развратные действия с применением насилия в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом на срок от шести месяцев до семи лет, в то время как уголовная ответственность, предусмотренная ст. 177 УК Японии, регламентирует наказание за изнасилование в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом на срок не ниже двух лет [16].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что проведение сравнительно-правового исследования норм российского, китайского и японского уголовного законодательства, обеспечивающего охрану половой неприкосновенности и половой свободы человека, позволило раскрыть ряд проблем, осложняющих реализацию межгосударственных средств противодействия указанным посягательствам. Ключевым направлением уголовно-правовой политики в контексте глобализации, повлекшей значительные миграционные процессы, является унификация уголовно-правовых институтов, регламентирующих организационно-практические меры противодействия насильственным и ненасильственным преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Особое значение

приобретает консолидация мер социально-экономического, политико-правового, информационного и иного характера. Эффективное обеспечение безопасности личности предполагает модернизацию правовой политики на транснациональном уровне путем разработки согласованной стратегии и комплекса мер, направленных на ликвидацию причин и условий, способствующих совершению насильственных преступлений, обеспечению защиты потерпевших и их полноценной реабилитации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергевнин, В. А. Гармонизация уголовно-правовой политики в сфере назначения и исполнения наказания / В. А. Сергевнин, В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 78–93.
2. He, Binsung. Essentials of the Missions of Criminal Law (Theory) in the Age of Globalization / Binsung He. – Beijing, 2015. – 59 p.
3. Авдеева, О. А. Реализация в Сибири судебной реформы 1864 г. // История государства и права. – 2007. – № 20. – С. 12–15.
4. Albanese, J. S. Deciphering the linkages between organized crime and transnational crime // Journal of International Affairs. – 2012. – Vol. 66, no. 1, Fall/Winter. – P. 1–17.
5. Котельникова, Е. А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Котельникова. – Нижний Новгород, 2007. – 30 с.
6. Авдеева, Е. В. Уголовно-правовое обеспечение права человека на личную свободу в национальном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 162–171.
7. Тыдыкова, Н. В. Насильственные половые преступления: обоснованность криминализации и квалификация по объективным признакам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Тыдыкова. – Тюмень, 2008. – 23 с.
8. Маслак, С. Н. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. Н. Маслак. – Краснодар, 2013. – 27 с.
9. Авдеев, В. А. Гармонизация уголовно-правовых средств противодействия преступности в условиях глобализации / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // The seventh session of the international forum on crime and criminal law in the global era. – Пекин, 2015. – С. 59–72.

10. Issue Brief. The Global Regime for Transnational Crime // Council on Foreign Relations –2013. – June, 25.
11. He, Binsung. Reflection of the Traditional Theories of Punishment / Binsung He. – Beijing, 2015. – 142 p.
12. Авдеева, Е. В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.08 / Е. В. Авдеева. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.
13. Easton, S. The prisoners right ovote and civic responsibility: Reafiming the social contract? // Probation Journal. – 2009. – Sept., no. 56 (3). – P. 224–237.
14. Авдеева, Е. В. Актуальные вопросы назначения наказания в виде ограничения свободы за преступления против свободы личности // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 14–18.
15. Оберемченко, А. Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Д. Оберемченко. – Краснодар, 2014. – 26 с.
16. Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности // Противодействие торговле людьми : сб. нормативных правовых документов / под ред. Н. И. Абубикеровой. М. : ЭКСлит, 2004. – С. 14.

REFERENCES

1. Sergevnin V.A., Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Harmonization of Penal Policy in The Field of Appointment and Execution of Punishment. *Crimionology journal of Baikal State University of Economics and Law*, 2015, no. 1, pp. 78–93. (In. Russ.).
2. He Binsung. *Essentials of th eMissions of Criminal Law (Theory) in the Age of Globalization*. Beijing, 2015. 59 p.
3. Avdeeva O.A. Realization of the 1864 Judicial Reform in Siberia. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2007, no. 20, pp. 12–15. (In. Russ.).
4. Albanese J.S. Deciphering the linkages between organized crime and transnational crime. *Journal of International Affairs*, vol. 66, no. 1, Fall / Winter, 2012. pp. 1–17.
5. Kotelnikov E.A. *Violent Attacks on Sexual Freedom and Sexual Inviolability: legal characteristic and qualification issues*. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Nizhnii Novgorod, 2007. 30 p. (In. Russ.).
6. Avdeeva E.V. Legal Provision on the Right to Personal Freedom in National Law. *Crimionology journal of Baikal State University of Economics and Law*, 2014, no. 1, pp. 162–171. (In. Russ.).
7. Tydykova N.V. *Violent sex crimes: the validity of the criminalization and qualification of actus reus*. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Tyumen', 2008. 23 p. (In. Russ.).

8. Maslak S.N. *Violent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: problems of legal regulation and qualification*. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Krasnodar, 2013. 27 p. (In. Russ.).

9. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Harmonisation of criminal law means combating crime in the context of globalization. *The seventh session of the international forum on crime and criminal law in the global era*. Beijing, 2015, pp. 59–72. (In. Russ.).

10. Issue Brief. The Global Regime for Transnational Crime. *Council on Foreign Relations*, 2013, June 25.

11. He Binsung. *Reflection of the Traditional Theories of Punishment*. Beijing, 2015. 142p.

12. Avdeeva E.V. *The mechanism of legal regulation of individual freedom in the Russian Federation*. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Ekaterinburg, 2013. 28 p. (In. Russ.).

13. Easton S. The prisoners right ovote and civic responsibility: Reafiming the social contract? *Probation Journal*, 2009. Sept., no. 56 (3), pp. 224–237.

14. Avdeeva E.V. Issues of punishment in the form of imprisonment for crimes against freedom of the individual. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2014, no. 10, pp.14–18. (In. Russ.).

15. Oberemchenko A.D. Sexual Abuse: characteristic and qualification problems. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Krasnodar, 2014. 26 p. (In. Russ.).

16. United Nations Convention against Transnational Organized Crime. Abubikerova N.I., ed. *Combating Trafficking in Human Beings: Collection of legal documents*. Moscow: Exlit Publ. House, 2004, p. 14.

УДК 342.9.072.22(470)

Т.В. Филоненко¹

Прокуратура Приморского края, г. Владивосток, Россия

E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье автор обобщает основные механизмы противодействия коррупции, закрепленные в законодательстве Российской Федерации, раскрывает понятие должностной и коррупционной преступности, дает характеристику группе факторов, которые оказывают основное влияние на формирование преступлений коррупционной направленности в системе государственной службы. Рассмотрены факторы, непосредственно влияющие на должностную и коррупционную преступность. С нашей точки зрения, можно выделить три основные группы факторов: социально-экономические (неудовлетворительные условия службы большинства чиновников и размер оплаты их труда); нравственно-духовные (общество толерантно относится к должностной преступности); организационные (неэффективная организация контроля деятельности публичных служащих). Автор рассматривает существующие антикоррупционные механизмы: декларирование доходов; создание специальных подразделений по профилактике коррупционных правонарушений; уведомления работодателя о фактах склонения служащих к коррупционным правонарушениям; порядок урегулирования конфликта интересов; создание специальных комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов; принятие Кодексов этики и служебного поведения государственных служащих. Сделан вывод о том, что в настоящее время государством реализуется достаточно объемный спектр антикоррупционных механизмов в системе государственной службы, который в большей мере отвечает

¹ Татьяна Викторовна Филоненко, прокурор отдела государственных обвинителей прокуратуры Приморского края, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Филоненко Т.В. Правовые основы противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Т. № 1–2. С. 100–114.

требованиям международных актов. Одновременно автор отмечает, что не все механизмы, содержащиеся в нормативно-правовых актах Российской Федерации, в настоящее время хорошо проработаны и эффективны. Вместе с тем, стоит признать, что за последние годы в этом направлении сделан значительный шаг вперед, что дает определенные надежды на совершенствование мер антикоррупционной политики и достижение определенных результатов в данной области.

Ключевые слова: государственная служба, антикоррупционные механизмы, должностное лицо, ответственность, противодействие коррупции, конфликт интересов, этика.

Tatiana V. Filonenko¹

The prosecutor's office of the Primorsky Territory, Vladivostok, Russia

E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru

LEGAL BASIS OF ANTI-CORRUPTION MEASURES IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article summarizes the main mechanisms for combating corruption set forth in the Russian legislation. The concept of official corruption and corruption crime is disclosed in the text. Also author characterizes a group of factors that have a major impact on the formation of corruption crimes of public servants. From the author's point of view, there are three main groups of factors: socio-economic (unsatisfactory conditions of service for the majority of officials and the amount of payment for their work); moral and spiritual (society is tolerant to white-collar crime); organizational (inefficient organization and monitoring of the activities of public servants). Author examines the existing anti-corruption mechanisms: declaration of income; creation of special units for the prevention of corruption offenses; notifying the employer about the facts of declination of public servants to corruption offenses; procedure for settling conflicts of interest; creation of a special commission to comply with the requirements of official conduct of federal officials and resolve conflicts of interest; adoption of a code of ethics and official conduct of civil servants. The conclusion is that at present the govern-

¹ Tatiana V. Filonenko, prosecutor of the Public Prosecution Office of Public Prosecutor of the Primorsky Territory, Vladivostok, Russia.

For citation: Filonenko, T. V. legal basis of anti-corruption measures in the legislation of the Russian Federation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P. 110–114.

ment has implemented fairly lengthy range of anti-corruption mechanisms in the public service, which increasingly meets the requirements of international instruments. At the same time the author notes that not all the mechanisms contained in the legal acts of the Russian Federation, are now well developed and effective. However, it is recognized that in recent years a significant step forward has been made in this area, it gives some hope for the improvement of anti-corruption policies and measures to achieve certain results.

Keywords: public service, anti-corruption mechanisms, the official responsibility, anti-corruption, conflict of interest, ethics.

С точки зрения современных уголовно-правовых и криминологических подходов, ядром коррупционной преступности является *должностная преступность*. Должностная преступность объединяет все другие виды преступлений, если они совершены должностными лицами с использованием своих должностных полномочий вопреки интересам службы. В таком понимании должностная преступность часто именуется коррупционной.

Согласно примечанию к ст. 285 УК РФ *должностными лицами* признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ [1].

Статистика последних лет показывает, что число должностных преступлений увеличивается за счет таких деяний, как служебный подлог, получение и дача взятки, злоупотребление должностными полномочиями.

Постараемся рассмотреть, какие факторы непосредственно влияют на должностную и коррупционную преступность. С нашей точки зрения, можно выделить три основные группы факторов:

- *социально-экономические*. В числе этих факторов, как и в причинных комплексах большинства других видов преступности, выделяется нестабильная ситуация в современной экономике. На развитие должностной и коррупционной преступности существенное влияние оказывает то, что в настоящее время условия службы большинства чиновников и размер оплаты их труда не позволяют им и их семьям достойно жить. Это способствует формированию корыстной мотивации служащих и провоцирует их на совершение преступлений.

- *нравственно-духовные*. Эти факторы, детерминирующие совершение должностных и коррупционных преступлений, в первую очередь выра-

жаются в том, что общество в целом достаточно толерантно относится к должностной преступности. Нередко в обыденном сознании граждан считается допустимым «устроить», в обход обычной процедуры, на работу, в институт, в хорошую больницу или школу родственника, знакомого или детей своих знакомых; использовать связи и знакомства для продвижения по служебной лестнице.

На сегодняшний день люди, участвующие в коррупционных проявлениях, уже не вызывают резко отрицательного отношения к себе со стороны общества, их называют «деловыми» людьми, умеющими решать вопросы.

- *организационные.* Эти факторы должностной преступности характеризуются недостаточно эффективной организацией контроля деятельности публичных служащих, чрезмерной закрытостью и иногда необоснованной корпоративной солидарностью большинства государственных органов, недостатком гласности и прозрачности в их деятельности, слабостью внутреннего, ведомственного контроля, плохим взаимодействием правоохранительных органов и низким уровнем профессионализма их работников, недостаточной научной и криминологической обеспеченностью противодействия преступности и др.

Чаще всего в роли должностного преступника предстает мужчина, но показатель удельного веса женщин в числе должностных преступников почти в 3 раза выше, чем доля женщин среди других категорий преступников. Женщинами совершается примерно 25% должностных и коррупционных преступлений.

Должностные преступники, как правило, старше по возрасту, чем лица, осужденные за другие преступления. Должностные преступления чаще всего совершаются лицами в возрасте от 30 до 45 лет [2, с. 156].

Для должностного и коррупционного преступника характерен достаточно высокий уровень образования. Доля субъектов рассматриваемых преступлений с высшим образованием составляет в настоящее время около 70%, остальные преступники имеют неполное высшее или средне-специальное образование [3, с. 53]. В образовательной сфере должностные преступления нередко совершаются лицами с учеными степенями и званиями.

Трудовая деятельность данных преступников, как правило, связана с различными направлениями ведения хозяйственной деятельности в государственных организациях и органах местного самоуправления, с работой в контролирующих и правоохранительных органах, с руководством муниципальными предприятиями или предприятиями, входящими в состав государственных корпораций. В числе должностных и коррупционных преступников оказываются: сотрудники органов внутренних дел и таможен, занимающие различные должности от рядовых до высшего звена

руководящего состава; экономисты и бухгалтеры; военнослужащие; работники налоговых инспекций; медицинские работники; преподаватели.

Должностные преступники в подавляющем большинстве случаев характеризуются своим руководством положительно, так как редко нарушают трудовую дисциплину.

За исключением халатности, другие должностные и коррупционные преступления *совершаются только умышленно*, в большинстве случаев из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности.

С учетом широкого распространения, которое получили должностные преступления в современной России, Правительством Российской Федерации разработан на сегодняшний день определенный комплекс мер, направленных на предупреждение и пресечение коррупционных проявлений, среди которых можно выделить следующие: декларирование доходов гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и предоставление федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера

Правовой основой декларирования таких сведений является Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера». Данный указ утверждает положение о представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и формы справок указанных лиц о доходах, об имуществе и имущественных обязательствах.

Так, государственный служащий представляет ежегодно сведения о своих доходах, доходах своей супруги и несовершеннолетних детей, полученных за отчетный период (с 1 января по 31 декабря) от всех источников (включая денежное содержание, пенсии, пособия, иные выплаты), а также сведения об имуществе, принадлежащем ему на праве собственности, и о своих обязательствах имущественного характера по состоянию на конец отчетного периода.

Вместе с тем, порядок реализации разработанных положений в части проверки достоверности и полноты представляемых сведений, а также мер, применяемых к должностным лицам в случае установления факта недостоверности сведений, с нашей точки зрения, нуждается в совершенствовании, так как на сегодняшний момент единственными мерами, которые могут быть применены к государственным служащим или лицам, претендующим на замещение должностей государственной гражданской службы,

является отказ в замещении конкретной должности, увольнение с государственной службы либо объявление дисциплинарного взыскания по результатам рассмотрения данного вопроса подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных правонарушений.

Казалось бы, изначально данные положения были направлены не только на «отсев» недобросовестных должностных лиц и кандидатов на замещение должностей государственной службы, но и выяснение источников происхождения их доходов и обращение имущества, приобретенного на неизвестные доходы, в собственность государства. Однако такая процедура до сегодняшнего дня не разработана, определение понятия «неизвестные доходы» также отсутствует.

Кроме того, несмотря на многолетнюю практику предоставления деклараций о доходах, проверка законности получения источника дохода становится в большей степени формальной. Так, многочисленные чиновники, замещающие министерские посты, декларируют суммы, превышающие свои доходы в десятки раз. Однако конкретные примеры борьбы с коррупционными проявлениями таких лиц носят единичный характер, чаще всего в таких случаях лица увольняются с занимаемых должностей государственной службы по причине утраты доверия, а также в случае возбуждения в отношении них уголовных дел коррупционной направленности.

Применительно к заполнению декларации о доходах следует также отметить, что остались неурегулированными вопросы определения доходов семьи в целом, так как само понятие «семья» может включать в себя не только зарегистрированный брак между двумя лицами, но и гражданские отношения. Исходя из числа лиц, заполняющих декларации о доходах, не всегда представляется возможным отграничить состав семьи, выяснить реальные источники доходов должностных лиц, поскольку объекты недвижимости, транспортные средства, денежные вклады, акции и др. часто оформляются на близких родственников лица, замещающего должность в системе государственной службы.

Еще одним антикоррупционным механизмом, реализованным на практике, является создание в федеральных государственных органах специальных подразделений в виде отделов в департаментах (управлениях) по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадровой службы. В настоящее время в 76 федеральных государственных органах созданы такие подразделения, в 22 из них отдельные должностные лица кадровых служб наделены соответствующими полномочиями [4].

Задачи, функции и полномочия подразделений определены в Указе Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 и в Типовом положении о подразделении по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадровой службы федерального государственного органа, утвержденном

Аппаратом Правительства Российской Федерации 18 февраля 2010 г. № 647п- П16. К основным функциям, которые реализуются должностными лицами таких подразделений, относятся:

- обеспечение деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов;
- оказание федеральным государственным служащим консультативной помощи по вопросам, связанным с применением на практике требований к служебному поведению и общих принципов служебного поведения;
- стимулирование антикоррупционного поведения служащих чаще всего осуществляется посредством премирования по итогам работы за месяц, квартал, год, открытие на официальных сайтах разделов о противодействии коррупции, публичное информирование о работе комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

В целях правового просвещения служащих и формирования нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям осуществляется:

- повышение квалификации по программам антикоррупционной направленности;
- размещение информации по антикоррупционному поведению на информационных стендах;
- разъяснение положений законодательства о противодействии коррупции, вопросов прохождения государственной службы, порядка заполнения справок о доходах;
- создание телефонов «горячей линии» по вопросам коррупционных и иных правонарушений, обеспечение видеонаблюдения и аудиозаписи;
- проведение лекций, тренингов, семинаров и совещаний по вопросам коррупционных проявлений и нетерпимого к ним отношения.

К другим функциям указанных выше подразделений следует также отнести:

- проведение служебных проверок;
- обеспечение реализации служащими обязанности уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры Российской Федерации, иные федеральные государственные органы обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений;
- принятие мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению конфликта интересов на государственной службе.

По итогам проверки сообщений о ставших известными гражданам случаях коррупционных и иных правонарушений в 2013–2014 гг. привлечено к ответственности 17 674 служащих. Из них: к дисциплинар-

ной – более 16 тыс. человек, уголовной – 2 175, административной – 76. В течение 2012–2013 гг. проведена проверка достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в отношении 29 950 служащих и 32 562 граждан. По результатам проведенных проверок 2 765 гражданам отказано в приеме на федеральную государственную службу, 86 служащих уволено за несоблюдение установленных ограничений и запретов, требований к служебному поведению; обеспечено размещение сведений о доходах на официальных Интернет-сайтах федеральных государственных органов [5].

На практике же проверка федеральными органами исполнительной власти достоверности и полноты представленных сведений сводится к следующему:

1) осуществление контроля за своевременностью представления сведений и полнотой заполнения всех разделов справки о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

2) анализ справок на предмет участия служащих в работе коммерческих организаций посредством использования открытых и общедоступных сведений, содержащихся в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) и Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) (при наличии доступа к соответствующим базам данных, предоставленного Федеральной налоговой службой);

3) выявление служащих, занимающихся иной оплачиваемой деятельностью без уведомления представителя нанимателя.

К еще одной обязанности работника, связанной с предупреждением его коррупционного поведения, можно отнести установление порядка уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах склонения федеральных государственных и муниципальных служащих к коррупционным правонарушениям. Правовой основой данного механизма является Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» (в ред. Федерального закона от 11 июля 2011 г. № 200-ФЗ), ст. 9 которого гласит:

- государственный или муниципальный служащий обязан уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений;

- невыполнение государственным или муниципальным служащим должностной (служебной) обязанности является правонарушением, влекущим его увольнение с государственной или муниципальной службы либо привлечение его к иным видам ответственности в соответствии с законодательством РФ.

Государственный или муниципальный служащий, уведомивший представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие

государственные органы о фактах обращения к нему других лиц в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения, а также о фактах совершения другими государственными или муниципальными служащими коррупционных правонарушений, непредставления сведений либо предоставления заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах, находится под защитой государства в соответствии с законодательством Российской Федерации.

К другим антикоррупционным механизмам следует отнести порядок урегулирования конфликта интересов на гражданской службе, который регламентирован статьей 19 Федерального закона РФ от 27.07.2004 г. № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации. Под личной заинтересованностью гражданского служащего, которая влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения гражданским служащим при исполнении должностных обязанностей доходов (неосновательного обогащения) в денежной либо натуральной форме, доходов в виде материальной выгоды непосредственно для гражданского служащего, членов его семьи, а также для граждан или организаций, с которыми гражданский служащий связан финансовыми или иными обязательствами.

В случае возникновения у гражданского служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, гражданский служащий обязан проинформировать об этом представителя нанимателя в письменной форме.

Представитель нанимателя, которому стало известно о возникновении у гражданского служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, вплоть до отстранения гражданского служащего, являющегося стороной конфликта интересов, от замещаемой должности гражданской службы.

Для соблюдения требований к служебному поведению государственных служащих и урегулирования конфликтов интересов в государственных органах созданы специальные комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. Указом Президента РФ от 1

июля 2010 г. № 821 утверждено Положение «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», которым определен порядок формирования и деятельности комиссий.

Основной задачей комиссий является содействие государственным органам:

- а) в обеспечении соблюдения служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов;
- б) в осуществлении в государственном органе мер по предупреждению коррупции.

Комиссия образуется нормативным правовым актом государственного органа. Указанным актом утверждаются ее состав и порядок работы. В состав комиссии входят председатель комиссии, его заместитель, назначаемый руководителем государственного органа из числа членов комиссии, замещающих должности государственной службы в государственном органе, секретарь и члены комиссии. Все члены комиссии при принятии решений обладают равными правами. В отсутствие председателя комиссии его обязанности исполняет заместитель председателя комиссии.

Состав комиссии формируется таким образом, чтобы исключить возможность возникновения конфликта интересов, который мог бы повлиять на принимаемые комиссией решения. При возникновении прямой или косвенной личной заинтересованности члена комиссии, которая может привести к конфликту интересов при рассмотрении вопроса, включенного в повестку для заседания комиссии, он обязан до начала заседания заявить об этом. В таком случае соответствующий член комиссии не принимает участия в рассмотрении указанного вопроса. Основаниями для проведения заседания комиссии являются:

представление государственным служащим недостоверных или неполных сведений о доходах и расходах; несоблюдение государственным служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов;

поступившее в подразделение кадровой службы обращение гражданина, замещавшего в государственном органе должность, о даче согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по государственному управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности, до истечения двух лет со дня увольнения с государственной службы;

заявление государственного служащего о невозможности по объективным причинам представить сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей;

представление руководителя государственного органа или любого члена комиссии, касающееся обеспечения соблюдения государственным служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов либо осуществления в государственном органе мер по предупреждению коррупции.

Комиссия не рассматривает сообщения о преступлениях и административных правонарушениях, а также анонимные обращения, не проводит проверки по фактам нарушения служебной дисциплины.

По итогам рассмотрения вопроса комиссия констатирует, что

а) сведения, представленные государственным служащим, являются достоверными и полными;

б) сведения, представленные государственным служащим, являются недостоверными и (или) неполными. В этом случае комиссия рекомендует руководителю государственного органа применить к государственному служащему конкретную меру ответственности.

По итогам рассмотрения выполнения требований к служебному поведению или урегулированию конфликта интересов комиссия принимает одно из следующих решений:

а) установить, что государственный служащий соблюдал требования к служебному поведению и (или) требования об урегулировании конфликта интересов;

б) установить, что государственный служащий не соблюдал требования к служебному поведению и (или) требования об урегулировании конфликта интересов. В этом случае комиссия рекомендует руководителю государственного органа указать государственному служащему на недопустимость нарушения требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов либо применить к государственному служащему конкретную меру ответственности.

К числу достаточно свежих антикоррупционных механизмов в системе государственной службы можно отнести и разработку, и принятие Кодексов этики и служебного поведения государственных служащих. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ (далее – Типовой кодекс) подготовлен в соответствии с решениями президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 28 апреля 2010 г. с учетом положений Международного кодекса поведения государственных должностных лиц.

При подготовке Типового кодекса был проведен мониторинг более 30 нормативных правовых актов федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, а также учтен отечественный опыт подготовки подобного рода документов для судей, работников правоохранительных органов, аудиторов, адвокатов, которые получили одобрение со стороны юриди-

ческой общественности. Типовой кодекс направлен на регламентацию норм служебного поведения и этики в деятельности госслужащих, оказание им помощи в выполнении этих норм и информирование граждан РФ о том, какого поведения они вправе ожидать от госслужащих.

Основной целью Типового кодекса является установление этических норм и правил служебного поведения госслужащих для достойного выполнения ими своей профессиональной деятельности, а также содействие укреплению авторитета госслужащего, доверия граждан к государству и обеспечение единой нравственно-нормативной основы поведения госслужащих. Знание и соблюдение госслужащим положений Типового кодекса является одним из критериев оценки качества его профессиональной деятельности и служебного поведения.

В ст. 10–11 перечислены общие принципы служебного поведения госслужащих, установленные Указом Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих». В ст. 12–13 обращается внимание на необходимость соблюдения законодательства РФ госслужащим. В ст. 14–17 перечислены основные обязанности госслужащих по соблюдению правил антикоррупционного поведения, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и изданными в его развитие нормативными правовыми актами, включающие:

обязанность заявлять о наличии или возможности возникновения конфликта интересов;

обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах иного характера в соответствии законодательством РФ о противодействии коррупции;

обязанность уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры РФ или другие государственные органы обо всех случаях обращения каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений;

запреты на получение в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждений от физических и юридических лиц и др.

Ст. 19 содержит положения, обозначающие правила обработки, передачи и защиты служебной информации госслужащими, которая стала известна им в связи с исполнением должностных обязанностей. В ст. 21–24 обозначены правила поведения, ответственность госслужащих, наделенных организационно-распорядительными полномочиями по отношению к другим госслужащим, и меры, которые они должны принимать в целях недопущения коррупционного опасного поведения подчиненными им госслужащими. Ст. 25–26 содержат правила общения госслужащих с гражданами и коллегами, а также то, какого внешнего вида госслужащим

следует придерживаться при исполнении должностных обязанностей в целях способствования уважению граждан к государственным органам.

Согласно ст. 29 за нарушение положений Типового кодекса госслужащих несет моральную ответственность, а также иную ответственность в соответствии с законодательством РФ. Под моральной ответственностью подразумевается обращение к нравственности госслужащего, что, несомненно, будет являться одним из способов саморегуляции поведения госслужащего в обществе.

К одному из проявлений этических норм и правил служебного поведения госслужащих относится вопрос о правомерности получения подарков государственными служащими. В современном российском законодательстве существуют нормы, позволяющие чиновникам принимать подарки благодарных граждан на сумму не более трех тысяч рублей. Такая норма есть в Гражданском кодексе Российской Федерации и ряде федеральных законов, устанавливающих статус государственных и муниципальных служащих, а также, например, судей, членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, аудиторов Счетной палаты, членов Центризбиркома, работников Банка России.

Проблема дарения подарков сегодня находится в фокусе внимания не только потому, что сами по себе любые подношения чиновнику за выполнение его должностных обязанностей, будь то безобидная шоколадка секретарше или сувенирные часы ее шефу, являются, в конечном счете, не иначе как легализованной взяткой. Это еще и острая, социально значимая сторона ментальности людей и культуры, царящей в системе государственного управления. Ведь не секрет, что в обществе широко бытует мнение, что любой вопрос с государством можно решить, стоит только правильно «подойти» к тому, от кого это зависит.

Наша страна воспринимает и международные рекомендации таких, например, организаций, как ГРЕКО – группа государств против коррупции, объединяющая 48 стран Европы, в том числе и Россию. Одна из ее рекомендаций состоит в желательности полного запрета любых подарков людям, находящимся при исполнении государственных полномочий [6, с. 4].

Абсолютный запрет дарения подарков – мера, больше адресованная гражданам, так как для дарителя он теряет смысл при обязательной его передаче одариваемым чиновником в государственный орган. Однако до сих пор, согласно ст. 575 ГК РФ, допускается дарение обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. Не допускается дарение: 1) от имени малолетних и граждан, признанных недееспособными, их законными представителями; 2) работникам образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, и аналогичных организаций, в том числе организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,

гражданами, находящимися в них на лечении, содержании или воспитании, супругами и родственниками этих граждан; 3) лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей; 4) в отношениях между коммерческими организациями.

Нарушение государственным (муниципальным) служащим положений Типового кодекса подлежит моральному осуждению на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и регулированию конфликта интересов, образуемой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», а в случаях, предусмотренных федеральными законами, нарушение положений Типового кодекса влечет применение к государственному (муниципальному) служащему мер юридической ответственности. Соблюдение государственным (муниципальным) служащим положений Типового кодекса учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий.

Моральные нормы являются универсальными нормами в регулировании общественных отношений, поэтому, безусловно, государственная служба неразрывно связана с нравственностью, этикой, моральным видом государственного служащего. В зависимости от вида государственной службы к общепринятым моральным нормам поведения государственного служащего прилагаются специальные нормы кодекса чести, например: этические требования, предъявляемые к судьям, военным, прокурорам, дипломатам, нарушение которых может повлечь дисциплинарную ответственность: выговор, увольнение, понижение в должности и т.д.

Таким образом, в настоящее время государством реализуется достаточно объемный спектр антикоррупционных механизмов в системе государственной службы, который в большей мере отвечает требованиям международных актов. Справедливости ради следует отметить, что не все механизмы, содержащиеся в нормативно-правовых актах Российской Федерации, в настоящее время хорошо проработаны и эффективны. Вместе с тем, стоит признать, что за последние годы в этом направлении сделан значительный шаг вперед, что дает определенные надежды на совершенствование мер антикоррупционной политики и достижение определенных результатов в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Примечание к ст. 285 УК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2da8d7a9884839c44d98466e0b1a63101b298844/.
2. Кузнецов, А. Н. Преодоление коррупции в государственном аппарате (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Кузнецов. – СПб, 2000. – 170 с.
3. Куракин, А. В. Международные, европейские и национальные аспекты борьбы с коррупцией в системе государственной службы Российской Федерации / А. В. Куракин, А. А. Савостин, В. А. Тюрин // Право и политика. – 2005. – № 8. – С. 53–60.
4. Куракин, А. В. Административно-правовые аспекты юридической ответственности в механизме противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Административное право и практика администрирования. – 2013. – № 7. – С. 137–157.
5. Гладких, В. И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Российский следователь. – 2001. – № 3. – С. 31–36.
6. Левин, М. Коррупция в России: классификация и динамика / М. Левин, Г. Сатаров // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 4–29.

REFERENCES

1. *Notetoart. 285 of the Criminal Code*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2da8d7a9884839c44d98466e0b1a63101b298844/ (accessed 25 February 2016).
2. Kuznetsov A. *Overcoming corruption in the state bodies (theoretical and legal aspects)*. Diss. Cand. (Legal Sci.). Sankt-Peterburg, 2000. 156 p. (In Russ.).
3. Kurakin A.V., Savostin A.A., Tyurin B.A. International, European and national aspects of the fight against corruption in the Russian Federation. *Pravo i politika*, 2005, no. 8, pp. 53–60. (In Russ.).
4. Kurakin A.V. Administrative and legal aspects of legal responsibility in the mechanism of anti-corruption in the system of state service of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya*. 2013, no. 7, pp. 137–157. (In Russ.).
5. Gladkikh V.I. Corruption in Russia: genesis, determinants and ways to overcome. *Rossiiskii sledovatel'*, 2001, no. 3, pp. 31–36. (In Russ.).
6. Levin M., Satarov G. Corruption in Russia: classification and dynamics. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 10, pp. 4–29. (In Russ.).

УДК 343.221.51(470)

А.В. Фёдоров¹

Следственный комитет Российской Федерации, г. Москва, Россия

E-mail: 1956af@mail.ru

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с введением в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц. В частности, обосновывается объективная обусловленность введения такой ответственности. Обращается внимание на то, что введение уголовной ответственности юридических лиц предусматривается международными обязательствами РФ. Приводятся доводы, указывающие на недостаточную эффективность существующего института административной ответственности юридических лиц. С точки зрения научного понимания этого института и оценки возможностей его реализации в российском законодательстве существует несколько исторических периодов для развития уголовной ответственности юридических лиц: дореволюционный период (до 1917 г.); советский период (1917–1991); постсоветский период (с 1992 г. по сегодняшний день). Автор спорит с учеными, которые утверждают, что, основываясь на том, что уголовная ответственность юридических лиц в РФ пока не существует, можно «заменить» ее гражданской и административной ответственностью. По мнению автора, эти виды ответственности не могут полностью компенсировать отсутствие уголовной ответственности юридических лиц. Введение уголовной ответственности юридических лиц позволит значительно увеличить количество собираемых штрафов с виновных юридических лиц, что, в свою очередь, окажет существенное влияние на других участников рынка и будет способствовать формированию здоровой конкурентной среды, создавая тем самым условия для привлечения инвестиций в экономику.

¹ Фёдоров Александр Вячеславович, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации.

Для цитирования: Фёдоров, А.В. Об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. Т. № 1–2. С. 115–130.

© Фёдоров А.В., 2016

Введение уголовной ответственности юридических лиц не умаляет значение других видов ответственности. Оптимальная ситуация, когда есть возможность применения всех трех видов ответственности в отношении юридических лиц: гражданской, административной, уголовной. Введение уголовной ответственности юридических лиц является предсказуемой тенденцией развития российского законодательства.

Ключевые слова: уголовная и административная ответственность юридических лиц; введение уголовной ответственности юридических лиц как прогнозируемая тенденция развития российской уголовно-правовой политики; международные обязательства Российской Федерации по введению уголовной ответственности юридических лиц.

Aleksandr V. Fedorov¹

Investigative Committee of Russia, Moscow, Russia

E-mail: 1956af@mail.ru

ON THE CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The issues related to the introduction of criminal liability of legal persons in the Russian Federation are discussed in the article. The attention is attracted to the fact that introduction of criminal liability of legal persons is provided by international obligations of the Russian Federation. The arguments pointing to the lack of effectiveness of the existing institution of administrative liability of legal persons are provided. From the perspective of scientific understanding of this institution and appraisal of possibilities of its implementation in the Russian law, there are several historical periods for the development of criminal liability of legal persons: pre-revolutionary period (up to 1917); soviet period (1917-1991); post-soviet period (from 1992 to the present day). Author argues with the scholars, who state that based on the fact that the criminal liability of legal entities in the Russian Federation does not exist yet, it is possible to "substitute" it with the civil and administrative liability. According to the author, these types of liability cannot fully compensate for the absence of the criminal liability of legal entities. Holding legal entities criminally liable allows the recov-

¹Aleksandr V. Fedorov, Candidate of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation.

For citation: Fedorov, Aleksandr V. On the criminal liability of legal entities in the Russian Federation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P 115–130.

ery of a significant amount of fines from the guilty legal entities, which has a significant impact on the other participants on the market and contributes to the formation of a healthy competitive environment, thus creating the conditions for attracting investment in the economy. Introduction of the criminal liability of legal entities institution does not lessen the value of other types of liability. The optimum situation is when there is a possibility of applying all three types of liability to legal entities: civil, administrative and criminal. Introduction of criminal liability of legal persons is a predicted development trend of Russian legislation.

Key words: criminal and administrative liability of legal persons; criminal legal policy; introduction of criminal liability of legal persons as projected trend of the development of Russian criminal legal policy; international obligations of the Russian Federation on the introduction of criminal liability of legal persons.

The question of recognition of the legal entity as a subject of the crime or criminal liability is one of the most controversial and periodically actively debated in Russian criminal legal science. Depending on social and economic processes in the country and the world, polemics over the introduction of the criminal liability of legal entities are actively debated one day, then "fade away" another day just for some time later to become a subject of hot scientific discussion again.

From the perspective of scientific understanding of this institution and appraisal of possibilities of its implementation in the Russian law there are several historical periods.

1. Pre-revolutionary period (up to 1917)
2. Soviet period (1917–1991)
3. Post-soviet period (from 1992 to the present day).

In the first of these periods – in investigations of the XIX – early XX centuries – a number of scholars countenanced the establishment of the criminal liability of legal entities, although the opposite point of view dominated. However, during the Soviet period this liability was exclusively criticised as it ensured the interests of the capitalists and was aimed at restricting the rights of workers (the working class).

Representatives of Soviet criminal legal science clearly proceeded from the fact that the perpetrator of a crime can only be an individual, and categorically stated that under no circumstances can legal entities be held criminally liable under the Soviet legislation [1, p. 206].

For example, in 1958, Orlov V.S. gave a thorough analysis of the institution of the criminal liability of legal entities, indicating the points of view of a

number of foreign scholars justifying this institution, and concluded that such a liability has no scientific basis and is politically deeply reactionary [2, pp. 206–217].

From the beginning of the deep social and economic reforms based on the transition to market-based economic relations, which coincided with the collapse of the Soviet Union, the assessment of the criminal liability of legal entities began to change. Thus, many well-known Russian scholars have formed a positive attitude towards the introduction of the criminal liability of legal entities in the Russian Federation.

Among the first to expressed such a position was Naumov A.V. with the following prediction: "In all likelihood, there will be a convergence of our laws and some of the provisions of the General Part of the Criminal Law of states with a traditionally developed market economy ... and we will have to review traditional ideas about the perpetrator of a crime being only an individual. In our country market relations are also able to turn a number of economic crimes and legal entities into perpetrators with the possible applying criminal law punitive sanctions to them" [3, p. 35; 4, p. 3].

The authors of the Concept of Criminal Law of the Russian Federation developed in 1992 also supported the introduction of the criminal liability of legal entities (Galperin I.M., Ignatov A.И., Kelina S.G., Krasikov Y.A., Minkovskiy G.M., Paleev M.S. and others. They stated: "Special attention should be given to the question of the desirability of introducing the criminal liability of legal entities; it appears that the imposition of relevant sanctions on them, such as for environmental crimes, could strengthen the criminal law protection of the most important objects" [5, p. 44].

As some of the authors of the concept previously noted they formed the opinion on the necessity to include the institution of the criminal liability of legal entities in Russian law largely under the influence of communication with French scholars who had actively studied the issue before and, following the results of the study, justified the inclusion of rules on the criminal liability of legal entities in the draft of the new Criminal Code of France. The Criminal Code of France was adopted in 1992 [6; 7], and the French experience of its planning was reviewed during the drafting of the new Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the CC RF for the replacement of the CC RSFSR).

The proposal to introduce the criminal liability of legal entities was also supported by publications and speeches of Kelina S.G. [8], Nikiforov A.S. [9; 10] and a number of other well-known scholars, who at the same time drew attention to the need for its further consideration.

Herewith, e.g. Kudriavtsev V.N. indicated: "The elements of crime should be the basis of the criminal liability of legal entities. However, limitations should be provided as well: liability may occur only if the actions that

violate the penal prohibition had been committed for the benefit or with the consent of the legal entity" [11, p. 45]. Kalmykov Yu. Kh. noted the need for a serious discussion of the criminal law measures against legal entities since ordinary criminal measures do not apply to them [11, p. 458].

At the same time a team of scholars who actively rejected the possibility of introducing the criminal liability of legal entities in the Russian Federation formed. The informal leader of which became Kuznetsova N.F. She was one of the first who clearly indicated a negative stance towards this institution [12, p. 82]. In the following, arguments expressed by Kuznetsova N.F. against recognition of the right of the criminal responsibility of legal entities to exist have been developed by many authors in their works [13].

However, as a result of the discussion, the rules of the criminal liability of legal entities have been fixed in the draft of the General Part of the CC RF, prepared in 1994 by the Ministry of Justice of Russia and the Presidential Legal Directorate of the Russian Federation (the authors of the draft: Galperin I.M., Ignatov L.N., Ivanov O.L., Kelina S.G. and others [14].

In this draft, there was the art. 106 which reads as follows:

"(1) A legal entity shall be criminally liable for an act prescribed by criminal law if:

a) a legal entity is guilty of a failure to perform or improper performance of the direct legal provision establishing the obligation or the prohibition of certain activities;

b) a legal entity is guilty of carrying out activities inconsistent with its constitutional documents or declared goals;

c) the act that caused harm or created a threat of causing harm to an individual, society or the state, was committed for the benefit of the legal entity or was allowed, authorized, approved, used by the body or person performing the functions of managing a legal entity.

(2) Criminal liability of legal entity does not exclude individual's liability for the crime conducted by him" [15, p. 58].

However, when discussing the draft of the CC RF and voting in the first reading in the State Duma, the provisions of the draft on establishing the criminal liability of legal entities were not supported [16, p. 48]. The legislator did not accept the developed proposals for the introduction of the criminal liability of legal entities, and they were not included in the CC RF of 1996.

At the same time, as rightly noted by Korobeev A.I., "... the issue of the criminal liability of legal entities can not be considered as finalized in terms of criminal law policy, the interests of legal theory and practice. But it needs a new understanding, a deep, complex and interdisciplinary development with the assistance of experts from different fields of modern science of both the various branches of domestic law and the criminal law of foreign countries [17, p. 45]".

And it really is so. The question of establishing the criminal liability of legal entities is still open and is still being actively discussed by scholars and practitioners. Many of them have stated objective stipulation of the introduction of the criminal liability of legal entities in the Russian Federation.

One of the first who drew attention to the objective stipulation of the introduction of the criminal liability of legal entities was Ustinov B.S, having indicated back in 1992 that: "The transition of enterprises to private ownership, and the development of cooperation creates all the preconditions for the introduction of the criminal liability of legal entities in order to protect the public interests from the group, collective egoism, and the interests of consumers from arbitrariness of manufacturers" [18, p. 90].

That said, he convincingly explained his position on the matter, noting: "Our theorists criticize the Anglo-American legal system, in which the subject of criminal liability may be legal entities. However, it has long been noted that civil measures regarding legal entities are not very effective. But the main thing is that almost no one is working on the definition of unlawful acts that are not crimes. At the same time, individual responsibility, e.g. for the pollution of environment, is rarely applied. Punitive sanctions for environmental offences imposed on legal entities in the order of civil liability are measured by public opinion as inadequate. The determination of criminal liability for environmental offences conducted by legal entities would allow for the achievement of a greater effect ... Criminal penalties for legal entities can include censure, fines, the confiscation of property, prohibition to engage in certain activities, liquidation of the legal entity" [18, p. 90]. Other authors also point to it. In particular, Naumov A.V. believes that market and market relations would almost inevitably lead us to corporate liability for domestic and economic crimes as well [19, p. 367].

During the period of Russian history, entitled Socialist, when the economy was developing in conditions of state ownership of equipment and means of production, the criminal liability of legal entities was excluded since it did not correspond to the nature of the prevailing economic relations. In the transition to a market economy, the situation changed.

The criminal law of the post-soviet market period of economic and social development is aimed at protecting the new economic relations [20] and, as international experience shows, the criminal liability of legal entities is a very effective criminal law tool for counteracting crime under these conditions.

Thus, behind the introduction of the criminal liability of legal entities is the need for the use of criminal law means for the protection and regulation of the relations formed at this stage of the social and economic development of the Russian Federation.

As the transition from the previously established economic relations in the USSR to the market ones led to the rejection of the criminalization of speculation (Art. 154 of the CC RSFSR), speculation of currency assets or securities specula-

tions (art. 88 of the CC RSFSR, leading a parasitic way of life (art. 209 of the CC RSFSR, and the elimination of the classification of crimes against property as committed against socialist property (Chapter 2 of the CC RSFSR) and in respect of personal property of citizens (Chapter 5 of the Special part of CC RSFSR, for these institutions of criminal law were not consistent with the character of the new economic relations any more, so it inevitably will entail the introduction of the criminal liability of legal entities.

A number of scholars, based on the fact that the criminal liability of legal entities in the Russian Federation does not exist yet, consider it possible to "substitute" it with the civil and administrative liability.

However, these types of liability can not fully compensate for the absence of the criminal liability of legal entities. For example, civil liability has a nature substantively different from criminal liability. This circumstance, in particular, was brought to notice by Dzhekebaev U.S., who noted that with regard to the civil law it is the regenerative (compensative) function that most fully expresses its social essence, whereas criminal law exercises mainly a protective function, i.e., is directly aimed at protecting public relations [21, p. 222]. In connection with this, he indicated: "If the state establishes the criminal liability of legal entities, it thereby only improves the existing tools for protection of the interests which have existed for a long time but have not been protected enough. While acknowledging legal entities as the perpetrator of a crime in a number of crimes, criminal law thereby attaches particular strength and importance to the protection of new economic relations" [21].

As has already been noted, not everyone supports the point of view of the necessity to introduce the institution of the criminal liability of legal entities [22]. Many scholars and experts believe that we have already established a sufficient administrative liability of legal entities, and making relevant amendments to the Criminal Code is not required.

A part of the supporters of this point of view proceeds from the fact that the criminal liability of legal entities abroad is often set for the commitment of criminal offences (violations of law), which are recognized not only as crimes, but also misconduct, and sometimes violations that are provided for both in the Criminal Code and other acts¹.

In particular, the Criminal Code of France provides for criminal liability for criminal acts, which are recognized as crimes, misdemeanors and violations [5]. Belgian Criminal Code establishes criminal liability for offences of three types:

¹ In the Russian Federation criminal liability can be considered only in the case of committing a crime, which is recognized as a guiltily committed socially dangerous act prohibited by the CC of the Russian Federation under the threat of punishment.

offences punishable by criminal penalties; offences punishable by correctional penalty, and police violations punishable by a police penalty [23].

Thus, with regard to foreign law, the term "crime" depending on specific situation can be used in its broad sense, when a crime is understood to be all criminal offences, and in a narrow sense to refer to a separate kind of criminal offences. Whereas, when considering the existing administrative offences in the Russian Federation from the standpoint of foreign law, a significant part of such offences actually represents minor offences and administrative liability for them may be compared to criminal liability abroad.

Based on this division, some authors acknowledge that the torts of legal entities are administrative offences in the Russian Federation and the established administrative liability for such entities is sufficient enough for effective regulation of relations in the field of contradicting the relevant wrongful acts.

For example, Mikhailov V. I. believes that in the Russian Federation, due to the absence of the criminal liability of legal entities, it is compensated by administrative liability, which is sufficient to ensure proper corporate liability [24]. For example, for corruption offences a legal entity can be held liable for administrative offence under Art. 19.28 of the AOC RF "Illegal award on behalf of the legal entity".

According to other authors, the administrative liability of legal entities has obvious "cons", which do not ensure the effective, proportionate and restrictive influence on legal entities. In this regard, the criminal liability of legal entities, in comparison with the administrative liability, has a number of significant advantages.

For example, the study of foreign experience of prosecution of legal entities leads to the conclusion about the benefits of the criminal liability of legal entities in comparison with the administrative one as established in the Russian Federation.

Not all the arguments testifying to the obvious benefits of the criminal liability of legal entities in comparison with the administrative liability have a criminal law nature. But without consideration of all the arguments cited in this section, one can not draw a conclusion on whether to adopt the relevant criminal-law decisions.

Among those pointing to the need to establish, in particular, the criminal liability of legal entities are the following arguments.

1. Given that the offences of legal entities are usually identified in the course of investigation of criminal cases as individuals who committed wrongful acts on behalf of or for the benefit of the relevant legal entity, the investigation of the offence is more efficiently carried out in a single process. Practice has shown that when the responsibility of individuals and legal entities for acts is regulated by various branches of law and the evidence is collected on different cases, and therefore these cases are considered separately by different

courts, there are serious difficulties with the determination of guilt and offence committed by a legal entity.

This is particularly due to the fact that in cases of administrative offences a full investigation is not carried out as in criminal cases, for the administrative process is designed to ensure the implementation of responsibility for offences that are recognized as much less dangerous than crimes.

In addition, for this category of cases we have the simplified judicial review, and how comprehensively and objectively it is possible to evaluate the deed of a legal entity in such a simplified process is a big question.

At the same time the current practice shows that the work on holding the legal entities administratively liable usually begins (and even then not always) only after the conviction of individuals. The time lost allows entities to take steps to evade responsibility.

2. It should also be borne in mind that the administrative offences do not involve operational investigations which significantly reduces the efficiency of the work on the cases of this category.

3. In cases of administrative offences there is virtually no international cooperation. International agreements are focused on such co-operation in criminal cases. Furthermore, the investigation of a number of offences of legal entities often requires active international cooperation of law enforcement agencies. As part of the administrative process, at the moment, it is not possible to implement it.

4. Liability for violations of legal entities, provided for by the AOC RF, is possible only when they are committed in the territory of the Russian Federation, except for the cases stipulated by international treaties of the Russian Federation (Art. 1.8 of the AOC RF. At the same time, persons who committed crimes against interests protected by the CC RF outside the Russian Federation shall be subject to criminal liability only if there is no decision of the foreign state court in respect of those persons in connection with the crime (art. 12 of the CC RF. Thus, the application of criminal law to legal entities would ensure holding the legal entities liable in all cases of their committing of unlawful acts against the Russian Federation abroad.

5. The current Criminal Code of the Russian Federation has no indication of the possibility of crimes being committed by legal entities yet. However, such crimes actually exist in real life. Given the characteristics of the modern Russian legal system, they are now recognized as administrative offences.

For example, this type of liability is provided for in the above-mentioned Art. 19.28 of the AOC "Illegal award on behalf of the legal entity" [25]. In such a case the potential of sanctions of Art. 19.28. AOC RF is comparable to the size of the corresponding criminal penalties, and often exceeds these dimensions.

Thus, under Section 3 of Art. 19.28. of AOC RF for illegal award on an especially large scale for a legal entity an administrative fine of the amount of up to one hundred times the amount of money illegally transferred or promised, or

proposed on behalf of the legal person is provided for, but no less than one hundred million roubles with the confiscation of money, capital, other property or the value of property-related services, other property rights.

Such substantial penalties under Art. 19.28. of AOC RF, in terms of the European Court of Human Rights (ECHR), as reflected in the decisions of this judicial authority, allow the definition of this type of offence of legal entities as a crime and the statement of need for the criminal law investigation of the relevant cases [26].

6. Another argument pointing to objective determination of introduction the institution of the criminal liability of legal entities in the Russian Federation is erasing the "boundaries" between crimes and administrative offences.

Legal literature usually maintains the point of view that the main feature distinguishing administrative offences and crimes is the presence or absence of public danger in the relevant type of deeds. Crimes have this feature, and administrative offences don't.

The stated point of view is indirectly reflected in the CC RF and the AOC RF. For example, in Art. 14 of the CC RF a definition of the crime is provided, according to which a crime is a guiltily committed socially dangerous act prohibited by this Code under the threat of punishment. That is, it is noted that public danger is an obligatory sign of an act recognized as a crime. If the act, at least formally contains features of any offence provided for by the CC RF, but by virtue of insignificance does not involve public danger, it is not a crime.

As for the administrative offences, according to Art. 2.1. of AOC RF an administrative offence is a wrongful, guilty action (inaction) of an individual or legal entity for which in the AOC RF or the laws of the Russian Federation on Administrative Offences the administrative liability is established. Thus, the feature of an act recognized as an administrative offence is defined not as public danger but as wrongfulness. But are wrongful acts recognized as administrative offences not socially dangerous, and aren't crimes also wrongful acts?

The Constitutional Court of the Russian Federation recognized that the offences of legal entities may represent social danger comparable to the social danger of corruption related crimes, and in some cases even higher.

It is time to abandon the concealment of such crimes under the guise of administrative offences. In addition, based on the general theory of law infringement (including criminal and administrative offences) and their social nature public danger should be recognized not only as a feature of acts that are crimes but also deeds related to administrative offences.

This is evidenced by the fact that the correlation of administrative offences and crimes is characterized by high dynamics (variability). Thus, for a short period of time the same deeds may be recognized as both administrative offences and criminal offences, or even be excluded entirely from the number of deeds recognized as administrative offences or crimes [27, 28].

7. Also, the need to introduce the criminal liability of legal entities arises in connection with the membership of the Russian Federation in a number of international organizations and participation in a number of international treaties providing for the need for such a responsibility.

There is a situation when implementing its policies (including criminal law) the state becomes party to certain international treaties and organizations, and then participation in international treaties and membership in international organizations begins to influence the conduct of the relevant national rights establishing and law-enforcement policy that is reflected, *inter alia*, in changing the national legislation. That's what happens with the recognition of the institution of the criminal liability of legal entities.

At the same time, the implementation of international commitments is just one of the reasons for the decision on the introduction of the criminal liability of legal entities. The reasons for the adoption of such a decision are internal and are social and economic in nature.

8. The situation, when foreign bodies have the opportunity to hold Russian legal entities criminally liable and the Russian party may raise the issue of holding foreign legal entities only administratively liable, seems illogical and violates the interests of the Russian party.

9. It should be recognized that the criminal liability of legal entities was in fact already in effect in its broad sense, in the form of so-called quasi-criminal liability (when not criminal penalties but other measures of criminal law nature apply to a legal entity). For example, currently, part 3 of Art. 1041 of the CC RF provides that property specified in this article that is transferred to the convicted person (organization) shall be confiscated if the person who received the property knew or should have known that it is received as a result of criminal acts. In this case, there is practically a veiled introduction of the criminal liability of legal entities in its broad sense.

The reason for the introduction of the criminal liability of legal entities alongside civil and administrative law, is also an increase in the number and scale of crimes committed on behalf of legal entities or on their account, or for their benefit (in their favour) by individuals, namely: by persons exercising managerial functions; legal representatives of a legal entity; other persons who are subordinate to the above-mentioned persons and acting on behalf of or for the benefit of a legal entity if the legal entity has not provided a sufficient degree of control over their actions in particular circumstances.

Herewith, as noted in the available studies "the role of the individual as a criminal fades into the background, while a legal entity comes to the fore as the real criminal illegally receiving money or other benefits from criminal activity [29]".

Currently, we can confidently state that in many countries of the world the establishment of the criminal liability of legal entities has become one of the important parts in combatting crime.

In addition, holding legal entities criminally liable allows the recovery of a significant amount of fines from the guilty legal entities, which has a significant impact on the other participants on the market and contributes to the formation of a healthy competitive environment, thus creating the conditions for attracting investment in the economy.

The arguments set forth confirm that the introduction of the criminal liability of legal entities is objectively based on the development of economic and social relations, associated with the international obligations of the Russian Federation, corresponding to national interests and is inevitable in the future, and perhaps a not so distant one.

Herewith the introduction of the criminal liability of legal entities institution does not lessen the value of other types of liability. The optimum situation is when there is the possibility of applying all three types of liability to the legal entities: civil, administrative and criminal.

Thus, the introduction of criminal liability of legal persons is a predicted development trend of Russian legislation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пионтковский, А. А. Курс советского уголовного права. Т. 2 : Общая часть / А. А. Пионтковский. – М. : Наука, 1970. – 516 с.
2. Орлов, В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву / В. С. Орлов. – М. : Госюриздат, 1958. – 260 с.
3. Наумов, А. В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 42–51.
4. Наумов, А. В. Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. – 1992. – № 17/18. – С. 3.
5. Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 39–46.
6. Новый Уголовный кодекс Франции / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Э. Ф. Побегайло. – М. : Юридический колледж МГУ, 1993. – 212 с.
7. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 650 с.
8. Келина, С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право : новые идеи / под ред. С. Г. Келиной, А. В. Наумова. – М. : Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права, 1994. – С. 50–60.
9. Никифоров, А. С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право : новые идеи / под ред. С. Г. Келиной, А. В. Наумова. – М. : Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права, 1994. – С. 43–49.
10. Никифоров, А. С. Организация в качестве виновника преступления // Современные тенденции в области уголовной политики и развития

уголовного законодательства. – М. : Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права, 1994. – С. 59–61.

11. Современные тенденции в области уголовного законодательства и развития уголовной теории права // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 45–65.

12. Кузнецова, Н. Ф. Цели и механизм Уголовного кодекса // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 78–86.

13. Иванов, П. П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. П. Иванов. – СПб., 2001. – 22 с.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть : проект. – М. : Изд-во МЮ РФ, 1994. – 58 с.

15. Уголовный кодекс. Общая часть // Российская юстиция. – 1994. – № 6. – С. 51–58.

16. Флетчер, Д. Основные концепции современного уголовного права / Д. Флетчер, А. В. Наумов. – М. : Юрист, 1998. – 512 с.

17. Полный курс уголовного права : в 5-ти т. Т. 1 : Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с.

18. Отклики на проект Уголовного кодекса России // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 87–95.

19. Наумов, А. В. Уголовное право России : в 3-х т. Т. 1 : Общая часть / А. В. Наумов. – Изд. 5-е, с изм. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 552 с.

20. Федоров, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 11–18.

21. Джекебаев, У. С. Основные принципы уголовного права Республики Казахстан (сравнительный комментарий к книге Дж. Флетчера и А. В. Наумова «Основные концепции современного уголовного права») / У. С. Джекебаев. – Алматы : Жеті жарғы, 2001. – 256 с.

22. Иванов, Н. Г. Уголовная ответственность юридических лиц: аргументы Contra // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 45–50.

23. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н. И. Мацнева ; пер. с фр. Г. И. Мачковского. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 561 с.

24. Михайлов, В. И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц : материалы рос.-нем. уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / отв. ред. Г. И. Богуш. – М., 2013. – С. 97–102.

25. Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Корпорация "ГРИНН"» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об

административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70212260/#ixzz4A7dQWmq5>.

26. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 сентября 2011 г. «Дело «ОАО "Нефтяная компания ЮКОС"» против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) (Бывшая Первая секция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70159678/#ixzz4A7dlYxdf>.

27. Федоров, А. В. Ответственность за немедицинское употребление наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. – 2011. – № 2. – С. 3–8.

28. Федоров, А. В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2 (7). – С. 262–270.

29. Голованова, Н. А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения : материалы для VIII Ежегод. науч. чтений памяти проф. С. Н. Братуся. – М., 2013. – С. 153–163.

REFERENCES

1. Piontkovskii A.A. Course of Soviet Criminal Law. Vol. II. General part. Crime. Moscow: Nauka Publ. House, 1970. 516 p. (In Russ.).
2. Orlov V.S. The perpetrator of a crime under Soviet legislation. Moscow: State publ. house of legal literature, 1958. 260 p. (In Russ.).
3. Naumov A.V. Criminal law in the transition to a market economy. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1991, no. 2, pp. 42–51. (In Russ.).
4. Naumov A.V. Enterprise in the dock? *Sovetskaya yustitsiya*, 1992, no. 17/18, p. 3. (In Russ.).
5. The Concept of the Criminal Legislation of the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo*, 1992, no. 8, pp. 39–46. (In Russ.).
6. Kuznetsova N.F., Pobegailo E.F., sci. eds. *The New Criminal Code of France*. Moscow: MSU College Publ. House, 1993. 212 p. (In Russ.).
7. Golovko L.V., Krylova N.E., sci. eds. *Criminal Code of France*. Sankt-Peterburg: Legal Centre Press, Publ. House, 2002. 650 p. (In Russ.).
8. Kelina S.G. The liability of legal entities in the draft of the new CC of the Russian Federation. Kelina S.G., Naumov A.V., eds. *Criminal Law: new ideas*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, 1994, pp. 50–60. (In Russ.).
9. Nikiforov A.S. On corporate criminal liability. Kelina S.G., Naumov A.V., eds. *Criminal Law: new ideas*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, 1994, pp. 43–49. (In Russ.).
10. Nikiforov A.S. *The organisation as a perpetrator of a crime. Modern*

tendencies in criminal policy and criminal legislation development. Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of State and Law, 1994, pp. 59–61. (In Russ.).

11. Modern tendencies in criminal legislation and criminal law theory development. *Gosudarstvo i pravo*, 1994, no. 6, pp. 45–65. (In Russ.).

12. Kuznetsova N.F. The objectives and mechanism of the Criminal Code. *Gosudarstvo i pravo*, 1992, no. 6, pp. 78–86. (In Russ.).

13. Ivanov P.P. *The issue of the criminal liability of legal entities in Russian criminal law*. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Sankt-Peterburg, 2001. 22 p. (In Russ.).

14. *The Criminal Code of the Russian Federation. General part: Draft*. Moscow: MJ RF Publ. House, 1994. 58 p. (In Russ.).

15. Criminal Code. General part. *Rossiiskaya yustitsiya*, 1994, no. 6, pp. 51–58. (In Russ.).

16. Fletcher J., Naumov A.V. *Basic concepts of modern day criminal law*. Moscow: The Lawyer, 1998. 512 p. (In Russ.).

17. Korobeev A.I., ed. *A full course of criminal law: in 5 vol. Vol. 1. Crime and Punishment*. Sankt-Peterburg: R. Aslanov's Legal Centre Press Publ. House, 2008. 1133 p. (In Russ.).

18. Feedback on the draft of the Criminal Code of Russia. *Gosudarstvo i pravo*, 1992, no. 6, pp. 87–95. (In Russ.).

19. Naumov A.V. *Russian Criminal Law: in 3 vol. Vol. 1 General part*. Ed. 5, amended and modified. Moscow: Walters Cluever, 2011. 552 p. (In Russ.).

20. Fedorov A.V. The criminal liability of legal entities as an attribute of a market economy. *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, no. 7, pp. 11–18. (In Russ.).

21. Dzhekebaev U.S. The basic principles of the criminal law of the Republic of Kazakhstan (comparative commentary on the book of Fletcher J. and Naumov A.V. Basic concepts of modern day criminal law). Almaty: Zheti Zhargy, 2001. 256 p. (In Russ.).

22. Ivanov N.G. The criminal liability of legal entities: Contra arguments. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 2, pp. 45–50. (In Russ.).

23. Matsneva N.I., sci. ed. And preface. Criminal Code of Belgium. Sankt-Peterburg: Legal Centre Press, Publ. House, 2004. (In Russ.).

24. Mikhailov V.I. Is there a need for the criminal liability of legal entities in the Russian Federation? Bogush G.I., Sieber U., Komissarov V.S., eds. *Criminal law influence regarding legal entities: records of the Russian-German criminal law seminar (26 June 2012)*. Moscow, 2013. P. 97–102. (In Russ.).

25. *The determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24 December 2012 № 2360-O «On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of the Closed Joint-stock Company "GRINN Corporation" on the violation of constitutional rights and freedoms by Article 19.28 of the*

Administrative Offences Code of the Russian Federation». Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70212260/#ixzz4A7dQWmq5> (accessed 25 August 2015). (In Russ.).

26. JSC YUKOS Oil Company v. Russian Federation, No. 14902/04, 20 September 2011, ECHR. *Appendix to Bulletin of European Court of Human Rights. Russian Chronicles of the European Court*. Special Issue. No. 3/2012. Available at: <http://base.garant.ru/70159678/#ixzz4A7dIYxdf> (accessed 25 August 2015). (In Russ.).

27. Fedorov A.V. Responsibility for the non-medical use of narcotic drugs and psychotropic substances. *Narkokontrol'*, 2011, no. 2, pp. 3–8. (In Russ.).

28. Fedorov A.V. The correlation of drug-related crimes and administrative drug-related offences. *Biblioteka kriminalista*, 2013, no. 2(7), pp. 262–270. (In Russ.).

29. Golovanova N.A. Tendencies of development of the institution of the criminal liability of legal entities abroad. *Legal liability: current challenges and solutions: Records for VIII Annual Scientific Readings in memory of Professor Bratus S.N.* Moscow, 2013, pp. 153–163. (In Russ.).

ЕВРАЗИЙСТВО В АТР

EURASIANISM IN THE ASIA-PACIFIC REGION

УДК 32.019.5

А.А. Хисамутдинов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: khisamut@yahoo.com

РУССКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. В российской эмиграции в Европе возникло философско-политическое течение евразийства, т.е. особой связи России с Азией и культурой азиатских народов. Через евразийские идеи эмигранты-мыслители делали попытки прогнозировать будущее развитие России, от которой они оказались оторванными после Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. В статье идеи евразийства рассматриваются через исторические аспекты взаимоотношений России со странами Дальнего Востока, которые складывались на фоне культурно-религиозных различий и политических событий. На примере деятельности Приамурских генерал-губернаторов А.Н. Корфа, С.М. Духовского, Н.И. Гродекова, П.Ф. Унтербергера, Н.Л. Гондатти анализируется политика укрепления российской государственности на Дальнем Востоке. Особое внимание обращено на вопросы контроля и управления гражданами соседних стран (Китай, Корея, Япония), переселившимися в Приамурский край, и увеличения численности русского населения путем заселения российской дальневосточной территории выходцами из центральных губерний России. Подчеркнуто значение экспедиций по изучению и обследованию региона, в частности, Амурской экспедиции (1909–1911), организованной по инициативе Гондатти и

¹Амир Александрович Хисамутдинов, доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Хисамутдинов, А.А. Русское евразийство в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 1–2. С. 131–151.

© Хисамутдинов А.А., 2016

способствовавшей как успешному продолжению колонизации региона, так и дальнейшему его развитию.

Автор также знакомит читателей с мнением известного путешественника и исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева об иностранном населении на российской территории и возможности его ассимиляции. Впервые в статье рассмотрено распространение идей евразийства в среде русских эмигрантов в Китае, Корее, Японии и США. Работа основана на малоизученных российских источниках, материалах зарубежных архивов и полевых исследованиях автора.

Ключевые слова: Россия в Азии, русские в АТР, евразийство, российская эмиграция, русские клубы в Китае, взаимодействие русского и китайского народов, филиалы ДВФУ в Японии, «Русский дом» в Сеуле, американцы русского происхождения, политика укрепления русской государственности.

Amir A. Khisamutdinov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: khisamut@yahoo.com

EURASIANISM RUSSIAN IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. Russian emigrants in Europe have developed a philosophical and political movement called Eurasianism, i.e. a special relationship between Russia and Asia, and with the culture of Asian peoples. Through the idea of Eurasianism, emigrant thinkers have made an attempt to predict a future development of Russia, from which they were severed after the 1917 October Revolution and the Civil War. In this article, the Eurasianist ideas are discussed through the historical aspects of Russia's relations with countries of the Far East, unfolding in the context of cultural and religious differences, and political events.

For example, the activities and policies of the Priamurye governor-generals A.N. Korf, S.M. Dukhovskoi, P.F. Unterberger and N.L. Gondatti are analyzed regarding the strengthening of Russian government in the Far East. Particular attention is drawn to the questions of the control and management of the citizens of neighboring countries (China, Korea, Japan), who were moving to the

¹Amir A. Khisamutdinov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Journalism and publishing business of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Khisamutdinov, A.A. Eurasianism Russian in the Asia-Pacific region // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2016. № 1–2. P. 131–151.

Priamurye region, and to the increase in the size of the Russian population, who migrated from the central provinces of Russia and settled the territory of the Russian Far East. The emphasis is made on the significance of expeditions which studied and surveyed the region, in particular, the Amur expedition (1909-1911). It was organized by the initiative of N.L. Gondatti and promoted as a successful continuation of the region colonization and its further development.

The author also acquaints readers with the ideas of V. K. Arsenyev, the famous traveler and explorer of the Far East, with the foreign population in the Russian territory, and the possibility of their assimilation. For the first time, this article looks at the spread of the ideas of Eurasianism among Russian emigrants in China, Korea, Japan and the United States. The work is based on little-known Russian sources, materials from foreign archives, and the field studies conducted by the author.

Keywords: Russia in Asia, Russian in the Asia-Pacific region, Eurasianism, Russian emigration.

Философско-политическое течение евразийства возникло и получило развитие в 20-е гг. XX в. в среде русских эмигрантов в Европе. Его последователи, относящиеся к старшему поколению эмиграции, выдвигали концепцию особого пути развития России как самобытной страны-континента Евразии, для которой характерно не столько европейское, сколько азиатское начало. Поскольку, по мнению евразийцев, российские культура и государственность возникли в результате постепенного слияния народов «степи» (Азии) с народами «леса» (Европы), концепция развития России предполагает создание евразийского пространства в виде территориального и духовно-культурного объединения народов.

Оторванные революцией и Гражданской войной от родины, эмигранты-мыслители пытались прогнозировать ее будущее. Евразийские идеи – это своего рода проект возрождения России, в котором заметны и утопизм, и критика политики большевиков, и оценка роли государства. Ставя благополучие многонациональной евразийской общности выше политической, этнической и конфессиональной розни, евразийцы не только отмечали ее своеобразие и неповторимую индивидуальность, но и приписывали ей определенной степени мессийство. Хотя внутри евразийства не наблюдалось полного единомыслия и среди его приверженцев были и те, кто противопоставлял «азиатский вектор» развития России европейскому, всех объединяло осознание ведущей исторической роли России в мире. Примечательно, что после распада СССР идеи евразийства вновь получили распространение как новое развитие России на современном этапе.

Евразийство возникло не на пустом месте. Оно было подготовлено исторически, в том числе в процессе укрепления российской государственности на Дальнем Востоке и выстраивания взаимоотношений с соседними странами. В течение одного поколения русские первопроходцы пересекли огромное пространство от Урала до Тихого океана. Инициативные и энергичные, невзирая на трудности, русские смогли быстро освоить территории Сибири и тихоокеанского побережья. Ввиду отдаленности этого региона от центра России власти не были заинтересованы в раздувании конфликтов с восточными соседями. По сути дела, до середины XIX в. нынешний российский Дальний Восток являлся буферной территорией, задачей которой было затруднить проникновение неприятеля вглубь России. Такую же политику вело и Китайское государство в Маньчжурии и прилегающих к Амуру землях. Положение изменилось после заключения Айгунского договора (1858).

«Наша колонизация имеет вид клина, слабеющего на своем конце и вклиняющегося в исконные земли желтых народов» [Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 460. Л. 69], – так характеризовал продвижение России «встреч солнцу» известный русский путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев¹, который одним из первых стал анализировать взаимоотношения России и стран Дальнего Востока. Действительно, продвинувшись на Восток, Российская империя оказалась в окружении азиатских государств. Она не только несла Китаю, Корею и Японии европейские ценности, но и сама испытывала сильное влияние с их стороны, прежде всего, в демографическом отношении. Первое время на этой территории русские значительно уступали по численности представителям «желтой» расы. Если в 1858–1860 гг. на территории Приморской и Амурской областей находилось около 6,3 тыс. оседлых и до 3 тыс. бродячих китайцев (не считая зазейских маньчжур), то к 1881 г. их число превысило 15 тыс. [19, 38]. Рост численности китайского населения был обусловлен и финансовыми причинами: Россия стала вкладывать в регион значительные деньги.

С момента появления русских на Дальнем Востоке правительство России всегда опасалось, что маятник политического преимущества может качнуться в обратную сторону, и стремилась увеличить здесь свое военное присутствие [23, р. 47]. Все должности в высшей администрации занимали

¹Арсеньев, Владимир Клавдиевич (1872–1930, Владивосток). Окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1896), служил в Польше. После перевода во Владивосток (1900) совершал экспедиции по российскому Дальнему Востоку, собрав многочисленные коллекции (1906–1927). Деятельно участвовал в делах Общества изучения Амурского края (1903–1930) и Приамурского отдела Русского Географического общества, возглавлял Гродековский музей в Хабаровске. Занимался преподавательской деятельностью (с 1917 г.), в т. ч. в Дальневосточном университете.

военные, а гражданское население только обслуживало многочисленных представителей военного ведомства. Тем не менее, меры по контролю и управлению населением, вышедшим из соседних стран, стали вводиться лишь с образованием в июне 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, первый генерал-губернатор – барон Андрей Николаевич Корф (1884–1893). Введение системы учета китайцев и корейцев, находившихся на русской территории, установление их правового статуса, в т. ч. условия предоставления русского подданства, шаги по переселению китайцев и корейцев подальше от границы сыграли свою роль [15, с. 19; 11, с. 11–12]. Но куда более важной задачей было заселение региона русскими, а потому среди обширных обязанностей генерал-губернатора было и заведование переселенческим движением.

Переселение началось еще до включения дальневосточных земель в состав империи. Уже на первом этапе, в 1855–1857 гг., с целью закрепления за Россией левобережья Амура и правобережья Уссури туда переселили большую группу забайкальских казаков и 50 крестьянских семей [1, с. 2–13]. Начатая Н.Н. Муравьевым-Амурским переселенческая политика была успешно продолжена А.Н. Корфом. К этому времени вышел целый ряд специальных законов, направленных на активизацию заселения Приамурского края, особенно его южной части, наиболее тесно соприкасавшейся с населением соседних государств, а во Владивостоке создано Южно-Уссурийское переселенческое управление (1882). Перевозка крестьян морским путем из Одессы во Владивосток, организованная заведующим управлением Ф.Ф. Буссе (с 1883 г.) и поддержанная А.Н. Корфом, значительно ускорила процесс переселения, который еще более усилился с началом строительства Транссибирской магистрали.

Позднее американцы учли опыт России на Дальнем Востоке, когда стремились ограничить переселение на Гавайи японцев и китайцев за счет увеличения численности белого населения, для чего, в частности, привезли на острова несколько тысяч переселенцев с российского Дальнего Востока.

Усиленная русская колонизация Приамурского края все острее ставила вопрос о целесообразности китайской и корейской иммиграции. На 2-м съезде губернаторов и других представителей местных властей (Хабаровск, 1886) было принято решение по корейцам: не допускать их дальнейшего переселения в край, а всех, кто переселился ранее, выселить вглубь территории. Право оставаться в крае (постоянно или временно) они имели соответственно либо после принятия русского подданства, либо при получении русских билетов на жительство [9, с. 38].

На иных позициях в отношении китайского и корейского населения в Приамурье стоял второй Приамурский генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской (1893–1898), а также его преемник Николай Иванович Гродеков (1898–1902). Эти государственные деятели считали полезным ис-

пользование населения соседних государств для успешной колонизации края, хотя и признавали, что они создают конкуренцию русским и плохо подчиняются местным властям.

Большую роль в укреплении российской государственности на Дальнем Востоке сыграл военный инженер Павел Федорович Унтербергер¹. Он приехал в Сибирь 22-летним, чтобы строить военные укрепления, и сразу обратил внимание на многочисленное китайское население. Его знания в этой области расширились в ходе командировок за границу. В частности, в Шанхае и других китайских портах он знакомился с ведением там строительного дела, а также выяснял возможность применения в Приамурском крае китайской рабочей силы. Инженерное ведомство было заинтересовано в найме мастеровых китайцев для работ в Приморской области и Хабаровске.

В 1884 г. Унтербергер занял должность заведующего инженерной частью Приамурского военного округа (Хабаровск), а через четыре года стал военным губернатором Приморской области (с 1 октября 1888). На этом посту он разработал правила об общественном управлении китайского и корейского населения, изданные 15 февраля 1891 г., сделав первый шаг для легализации национального общественного самоуправления на основе русского законодательства. После их создания контроль со стороны властей за китайским и корейским населением существенно облегчился. Уделяя большое внимание росту численности русского населения, Унтербергер в то же время поддерживал предпринимательскую активность китайцев и корейцев, считая ее необходимым для развития области.

8 ноября 1906 г., в нелегкое для российского Дальнего Востока время, П.Ф. Унтербергера назначили Приамурским генерал-губернатором. Он понимал, что для обороны края и подъема экономики, вконец расшатанной Русско-японской войной, нужны немедленные меры и, прежде всего, полевые исследования. Он наметил три экспедиции с широкой сетью задач, состоявшиеся в 1906–1910 гг. и охватившие обширнейшую территорию.

Благодаря усилиям генерал-губернатора Унтербергера было сделано многое: начата постройка Амурской железной дороги, выработаны основы ведения рыбного промысла и лесоустройства – главных богатств края. Далекая Камчатка была соединена с европейской Россией радиотелеграфом, остров Сахалин выделен в особую область. Впервые в истории Дальнего Востока Унтербергер обратил внимание на нужды коренных народностей:

¹Унтербергер, Павел Федорович (1842–1921, Германия). Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. Делопроизводитель по строительству Иркутского военного округа (1864). Совершил экспедиции по Монголии (1871), Китаю и Японии (1875). Участвовал в комиссии по разграничению земель (1895). Военный губернатор Приморской области (1888–1897). Генерал-губернатор Приамурского края (1906–1910).

провел мероприятия по улучшению оленеводства, охраны пушных промыслов, ограничению продажи спирта. Обращалось большое внимание и на отношения с Японией [22].

Свой многолетний опыт по управлению краем Унтербергер описал в фундаментальном труде «Приамурский край. 1906–1910 гг.», изданном в 1912 г., когда 70-летний «амурец» уже находился в Петербурге (с 6 декабря 1910 г.) и был членом Государственного Совета. Рассуждая о ближайших задачах по развитию региона, он поддерживал политику переселения, но довольно жестко заявлял о недопустимости вмешательства соседних государств в дела России: «Важнейшим делом, около которого должны сосредоточиться заботы правительства, продолжает быть колонизация края русскими переселенцами с преследованием при этом цели обеспечения в возможно короткий срок населения края и расположенных в нем войск местным хлебом и скотом... Разрешение различных земельных вопросов требует особенно внимательного к себе отношения... Та обширная мирная работа, которая велась и ведется в Приамурье по всем отраслям государственного хозяйства с целью выполнения основной задачи, поставленной краю, а именно: быть приемником для избытка населения европейской России и доставить в то же время выход к морю продуктов Сибири, требует для своей продуктивности мира на наших границах. Другими словами, нам нужно закрыть «наружные двери», дабы при устройстве наших внутренних дел никто из наших соседей нам не мешал бы...» [20, с. 4].

Основным же выводом можно считать следующий: «В Южно-Уссурийском крае важно иметь коренное русское население для оплота и противовеса мирному нашествию к нам желтой расы и как опору для нашего военного и морского могущества на берегах Тихого океана».

В экспедициях Унтербергера участвовал и будущий известный исследователь В.К. Арсеньев, тогда молодой штабс-капитан, прибывший на Дальний Восток летом 1900 г. Уже по пути к новому месту службы он столкнулся с китайцами, участвуя в подавлении Боксерского восстания, которое перекинулось из Китая в Россию. Случаи неповиновения китайцев местным властям он наблюдал и позже, во время службы, а потому на протяжении всей жизни на Дальнем Востоке интересовался национальным вопросом и анализировал взаимоотношения России с восточными соседями. Сведения же, почерпнутые во время экспедиций, Арсеньев использовал для своей первой крупной работы о военно-стратегическом значении региона [3].

Большую роль в изменении политики России на Дальнем Востоке и взаимоотношений со странами Дальнего Востока сыграл Николай Львович

Гондатти¹, один из самых блестящих ученых своего времени. Он считался признанным знатоком Сибири и Дальнего Востока, принимал активное участие в заседаниях Особого совещания о нуждах Сибири и в Комитете по заселению Дальнего Востока, входил в состав различных ведомственных комиссий в Петербурге, был любимцем всеильного Столыпина.

30-летним Гондатти совершил служебную командировку в Турцию, Сирию и Египет, а затем в Австрию, Италию и Францию «для ознакомления с устройством шелководческих станций и изучения мероприятий, предпринимаемых этими государствами для поднятия и развития в их отрасли сельского хозяйства, а также для научных занятий по естествоведению и географии...» [Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 47 (1911). Д. 11. Л. 24]. Послужной список ученого дополнило кругосветное путешествие к берегам Америки. В ходе него он посетил Индию, Цейлон, Китай, Японию и Гавайи, где, выполняя задание, знакомился с культурой чая, изучал приемы шелкопрядства, проводил комплексные научные исследования и собирал разнообразные коллекции.

25 мая 1893 г. Гондатти назначили начальником Анадырской округи. Когда он приехал на Чукотку, то узнал, что большинство чукчей считало себя гражданами США. Многие из них хорошо знали английский язык, часто ездили в Америку, а в некоторых поселках развеялся американский флаг. Вернувшись в Хабаровск после трех лет, проведенных на Чукотке, Гондатти занял должность начальника Переселенческого управления (1 января 1899), весьма важную в то время.

Российские власти тогда уже окончательно убедились в том, что китайские или корейские переселенцы не способны стать гражданами Российской империи и дальнейшая колонизация молодого края возможна только силами россиян. Гондатти поднял вопрос о необходимости предварительного комплексного изучения районов, намеченных к переселению, и в 1910 г. его назначили руководителем Амурской экспедиции, крупнейшей за всю историю географических исследований Сибири и Дальнего Востока.

В составе экспедиции Гондатти сформировал несколько отрядов специалистов: почвенно-ботанический, агрономический, статистический, гидротехнический, лесной, дорожный и геологический. Во всех ведомствах, соприкасающихся с колонизацией в Приамурском крае, были назначены

¹ Гондатти, Николай Львович (1860–1946, Харбин). Окончил с отличием юридический и физико-математический факультеты Московского университета (1887). Опубликовал научные работы по результатам кругосветной командировки, получив за них золотые медали ИРГО и ИАН. Чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе (с 1893). Шталмейстер, Приамурский генерал-губернатор (1911–1917). Эмигрировал в Китай, жил в Харбине. Начальник земельного отдела КВЖД. Председатель Общества домохозяев и Общества русских ориенталистов.

уполномоченные Амурской экспедиции [5]. В число задач исследователей (изучение местности, прилегающей к линии постройки Амурской железной дороги, выявление ее будущих станций и других населенных пунктов, составление предложений о дальнейшей колонизации в районе железной дороги) входил и анализ «желтого» населения [6]. С целью учета местных факторов к работе были привлечены и многие местные знатоки. В течение двух лет Амурская экспедиция усиленно собирала сведения и материалы, организовывала наблюдения, статистические опросы, устраивала опытные поля и станции, проникая в самые труднодоступные места. Всё лето 1910 г. Гондатти провел в экспедиции, лично занимаясь исследованиями.

Экспедиции удалось ответить на многие вопросы, что дало толчок систематическому и планомерному изучению Дальнего Востока. По ее итогам была составлена подробная программа первоочередных мер по освоению края, которая впервые была основана на научном фундаменте. Воплощать их в жизнь пришлось самому Гондатти: в 1911 г. его назначили Приамурским генерал-губернатором (1911–1917), первым, не имевшим военного чина. На этом посту он многое сделал для экономического, социального и культурного развития края.

К этому времени русское правительство предприняло попытку экономического обновления и демилитаризации всей Далекой окраины империи, и спектр действий нового Главного начальника края, как иногда называли эту должность, был широким: активная переселенческая политика с ограниченным привлечением иностранного труда; развитие инфраструктуры, единой со странами Тихоокеанского бассейна. В поле зрения энергичного администратора находились агрономия и животноводство, развитие кустарной промышленности и основание кредитных товариществ. Он старался не забыть всякой мелочи, без которой невозможно интенсивное развитие далекого края.

По предложению Гондатти Приамурский край покрылся сетью опытных полей, метеостанций и наблюдательных пунктов, а во Владивостоке была учреждена магнитно-метеорологическая обсерватория. Гондатти созывал многочисленные и многолюдные съезды, работали комиссии по разным отраслям краевой жизни. Не забыл он и былого увлечения шелководством. Учитывая, что в соседнем Китае ему уделяется большое внимание, Гондатти пригласил специалистов и выделил средства для научной постановки шелководства в Приморье, были произведены опытные посадки тутового дерева.

Целый ряд мероприятий провел Гондатти для улучшения жизни коренных народностей, медицинской помощи, улучшения правового и экономического положения, был подготовлен проект нового положения об инородцах. Независимо от «Трудов Амурской экспедиции» он предпринял издание большой серии – «Материалы по изучению Приамурского края», к

работе над которой привлек ведущих исследователей и практиков. Некоторые книги этой серии не потеряли своего значения и сегодня.

Отличительной чертой политики Гондатти было отрицательное отношение к влиянию на русский Дальний Восток Китая, Кореи, Японии и стремление при развитии территории опираться только на собственные силы дальневосточников, с чем многие были не согласны. После того, как Гондатти ограничил прием на работу желтого населения [4, с. 69–71], петроградская газета «Русское знамя» опубликовала резко критическую статью под названием «Вредная для России деятельность Н.Л. Гондатти [РГИА. Ф. 1284. Оп. 47 (1911). Д. 11. Л. 56], обвиняя его в ограничении трудоустройства китайцев и способствованию отмены порто-франко (беспошлинной торговли).

Бывший генерал-губернатор Гондатти не перестал интересоваться политикой и после 1917 г. В 30-е гг., живя в Харбине, он писал: «Маньчжурский вопрос, важный для Японии с точки зрения колонизации, является самым существенным, и никакие постановления Совета Лиги Наций, никакое самое убедительное предупреждение того или иного государства не заставит Японию уйти из Маньчжурии [...]» [Архив Гуверовского института (Archives of Hoover Institution on War, Revolution and Peace.США): Moravsky, box 12].

Несмотря на усилия царского правительства, русское присутствие на Дальнем Востоке возрастало очень медленно, в то время как численность иностранного населения увеличивалась [21]. Китайцы были основной рабочей силой на юге Дальнего Востока, американцы успешно осваивали русский север, японцы полностью захватили рыбную промышленность, а корейцы – местный каботаж. Корейское население во много раз превосходило русское по численности на юге края, где корейцы занимались сельским хозяйством. Сёла переселенцев возникали чаще всего вдоль китайско-российской границы, что осложняло защиту русского населения, а на охрану всего российского побережья была выделена лишь одна шхуна.

В выявлении нелегальной эмиграции из Китая и Кореи участвовал и В.К. Арсеньев, ему же доводилось расследовать преступную деятельность вновь прибывших иммигрантов. Китайскому населению была посвящена работа Арсеньева, увидевшая свет в 1913 г. [2]. В ней он не только проанализировал такие отрицательные моменты их деятельности, как эксплуатация коренного населения, преступность – хунхузничество, но и сделал весьма важные выводы об использовании китайского труда в регионах Дальнего Востока. Арсеньев писал: «Рассчитывать на обрусение китайцев не приходится. Скажу более – это было бы наивно! Известно, что все «желтые» туго поддаются ассимилированию со стороны европейцев. В этом отношении они обладают какой-то особенной агрессивной силой. Я ни разу не видел обрусевшего китайца, я видел крещеных китайцев, но не обру-

севших. О том, что китаец – христианин, я узнавал только тогда, когда он сам мне рассказывал об этом. Ни в строе жизни, ни в обычаях, ни в одежде, ни в привычках христианин-китаец не изменяется. И какие бы усилия ни применялись, китаец навсегда останется китайцем» [2, с. 196].

«По сравнению с другими областями Восточной Сибири в особенно невыгодном положении находится Уссурийский край, – делал вывод Арсеньев. – Спускаясь к югу по побережью моря, он как бы вклиняется между тремя государствами, изобилующими своим населением. С запада – многолюдный Китай, с юга – земледельческая Корея, с востока – культурная Япония. Нет ничего удивительного, что корейцы эмигрируют в Россию и садятся на землю, японцы ловят рыбу у наших берегов, а китайцы хищничают в тайге. Уссурийский край – своего рода буфер, выдерживающий натиски «желтой расы». Все другие области, как Якутская, Забайкальская и даже Амурская, пребывают в более благоприятных условиях; они удалены и потому не находятся под натиском «желтых». Уссурийский край – будущий театр военных действий, и потому все мероприятия правительства должны быть прежде всего направлены на Амур вообще и на Уссурийский край – в особенности» [2, с. 203].

Неутешительным был и вывод Арсеньева по поводу успешности конкуренции русских с китайцами в сфере промышленности и торговли. Об этом он писал и в разделе «Колонизация» книги «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» [3, с. 198–203].

Не оставил Арсеньев без внимания и идею присоединения к Российской империи Маньчжурии, на территории которой в 1897 г. Россия начала строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) с целью усиления влияния на страны Дальнего Востока и укрепления своих дальневосточных рубежей. Тогда же появился термин «Азиатская Россия», и в некоторых кругах, близких к правительству, начали обсуждать предложение воспользоваться ситуацией. «Если Россия на Северную Маньчжурию (район отчуждения КВЖД. – А.Х.) имеет какие-либо виды, – писал Арсеньев, – то вопрос этот надо решать теперь же, пока она еще недостаточно заселена китайцами. Надо помнить, что, приобретая страну, приобретаешь и ее население» [2, с. 203].

Маньчжурия, действительно, на рубеже веков была скорее русской, чем китайской. Строительство КВЖД привело туда множество специалистов из России: переводчиков, инженеров-дорожников и строителей, железнодорожных служащих, экономистов, врачей, учителей, купцов, не говоря о присутствии вооруженных сил. Благодаря этому Харбин оказался «технически» готовым принять тысячи русских беженцев, устремившихся на Восток в годы Гражданской войны. Не удивительно, что евразийство получило здесь широкое распространение. В русском Китае, где его идеи

во многом формировались под влиянием востоковедов, профессионалов и любителей, концепция евразийства дополнилась стремлением к изучению Китая и поисками путей мирного сосуществования и взаимопонимания двух народов.

Особое развитие идеи евразийства получили в деятельности научно-просветительских обществ, учрежденных в Китае русскими исследователями. Общество востоковедов в Пекине, Общество русских ориенталистов в Харбине, Общество изучения Маньчжурского края и другие общественные организации, созданные русскими, среди основных задач называли изучение Китая и содействие сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов.

Практическое применение идеи евразийства нашли в Пекине, формальной столице всех русских общин в Китае. В середине октября 1920 г. там прошло собрание представителей всех русских эмигрантских организаций. Летом 1928 г. генерал Д.Л. Хорват со своими сподвижниками основал там Русскую национальную общину, которая претендовала на руководящую роль в объединении всех русских общин в Китае и Японии.

В понимание евразийства внес вклад журналист и литератор Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971), выпускник Санкт-Петербургского университета (1911), приехавший в Китай в 1922 г. В 1926 г. он опубликовал в Харбине книгу «Мы: культурно-исторические основы русской государственности», в которой попытался не только собрать воедино сведения о взаимоотношениях России с Западом и Востоком, но и осмыслить русское движение на Восток, видя будущее развитие России именно в этом, а не западном направлении. «В Азии – мы дома, – писал он в предисловии, – вот что должно быть нами осознано, а отсюда, из этой короткой фразы, встают перспективы для нашего обращения лицом к Тихому океану, что произойдет в течение ближайшего столетия, когда за Уралом развернется наша огромная цивилизация, удесяттерив этим «окном в Азию» дело царя Петра, и совершенно европейская по духу: ведь наше азиатское устремление будет результатом европейской критичности опознавшего сам себя нашего духа. Евразийцы ищут делания, практического применения своей доктрины, но они не рисуют тех огромных перспектив, которые встают перед нашим народом, как только мы подходим к делу со стороны Азии; вот где возможны разработки идеологии, вот где такие всенародные пути, из которых один встает за другим в своей очевидной ясности и справедливости, и которые, м.б., снимут противоречия, поставленные нашей революцией» [8, с. XV].

О евразийстве и влиянии Азии на государственное устройство и культуру России писал видный русский юрист в Китае Валентин Александрович Рязановский (1884–1968) [17, 18].

Идеи евразийства нашли отражение и в других произведениях русских авторов, увидевших свет в Китае, Корее и Японии [13].

Где бы ни жили эмигранты, в их среде чувствовалось «стремление впитать в молодое поколение русский дух». Этим занимались и многочисленные общественные организации, и русские школы, и пресса, и православные приходы. Несмотря на сложную политическую обстановку, особенно после японской оккупации Китая и создания эмигрантской империи «БРЭМ», русские сохраняли богатую духовную жизнь, русский язык и культуру. Пекин, Харбин, Шанхай, Тяньцзинь и другие города, имевшие крупные российские общины, стали центрами европейского влияния на китайцев. Эта же тенденция прослеживалась в Корее, Японии, США.

На российском Дальнем Востоке после установления советской власти на повестку дня встали те же проблемы, которые не смогло решить царское правительство. Во многом в СССР повторялась политика прежней власти. Китайское и корейское население продолжало стремительно увеличиваться. Возрастали проблемы и на линии КВЖД в Маньчжурии. По просьбе Дальневосточного комитета ВКП (б) Арсеньев подготовил обширный доклад о положении России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В нем он выразил мысли, почерпнутые не только из собственного богатого опыта, но и из общения с Унтербергером и Гондатти. Он почти слово в слово повторяет слова, написанные им десять лет назад, об особом значении юга Дальнего Востока, находящегося в тесном соседстве с Китаем, Кореей и Японией.

«В наше время, – писал Владимир Клавдиевич, – гораздо важнее экономическая защита страны, чем вооруженное сопротивление, поэтому в приграничных районах необходимо создать такие же мощные организации, как АКО (Акционерные компании – А.Х.), которые дадут колонистам работы и обеспечат им сбыт сельскохозяйственных продуктов. Для этого нужны средства и не маленькие, но все-таки они будут неизмеримо меньше тех, которые придется израсходовать потом для отстаивания наших интересов вооруженною рукой. Необходимо также укрепить нашу морскую границу [...]. За 270 лет нашего владения на берегах Великого океана мы мало уделяли внимания морю, а теперь о нем забыли совсем» [7, с. 94–104].

В своих рекомендациях Арсеньев предлагал властям резко ограничить приток китайско-корейского населения, предпринять меры для переселения на Дальний Восток русских людей, укрепить границу и начать экономические преобразования. В значительной степени решению этих вопросов могли бы способствовать, по мнению исследователя, Новая экономическая политика советского правительства и развитие концессий. Его доклад, помеченный грифом «Секретно», сначала был направлен членам (и кандидатам) Бюро Далькрайкома, но затем, по вполне понятным причинам, перекочевал в архив. Несмотря на то, что вопрос о приоритете экономической защиты региона перед вооруженным сопротивлением Арсеньев поднимал

неоднократно, в том числе в публичных выступлениях [Архив Общества изучения Амурского края (АОИАК). Ф. ВКА. Оп. 1. Д. 50 (Тезисы доклада). Л. 7], его рекомендациями не спешили воспользоваться. Гриф «Не подлежит оглашению» появился и на большой работе «Население Владивостокского округа», подготовленной в мае 1929 г. и содержащей анализ демографической ситуации на российском Дальнем Востоке. Она заканчивалась строками: «На обломках старого хищнического уклада в крае надо создать новую жизнь, которая вывела бы Приморье к новому независимому от соседей существованию при все более и более крепнущих связях с Сибирью и Европейской частью Союза» [АОИАК. Ф. ВКА. Оп. 1. Д. 64 (Арсеньев В.К. Население Владивостокского округа: Материалы Примор. экспедиции Дальневост. переселенческого управления). Л. 139].

Имеются косвенные свидетельства, что мнение Арсеньева все же учитывалось при составлении второго пятилетнего плана для советского Дальнего Востока, а он сам был неофициальным советником председателя Дальревкома Яна Борисовича Гамарника (1894–1937) и председателя Владивостокского окрисполкома Григория Максимовича Крутова (1892–1938). Именно они поручили путешественнику провести изыскания с целью постройки новых железных дорог, которые стали для него последними.

Слова Арсеньева о Приморье как возможном театре военных действий оказались пророческими. Осложнению политической обстановки на Дальнем Востоке в 1930-е гг. – оккупации Маньчжурии Японией, концентрации японских войск на приграничной территории – Россия не могла противопоставить экономическую мощь региона, и это привело к созданию «Советского буфера». Милитаризация, депортация китайско-корейского населения и решение проблемы рабочей силы путем создания Управления Дальневосточных лагерей, закрытие национальных учебных заведений – это лишь некоторые характерные черты «буфера».

Вместе с тем, наряду с ослаблением позиций дальневосточных соседей, в Приморье прослеживается расширение русского влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе, корни которого уходят в далекое прошлое. Еще в XIX в. наши соотечественники отправлялись на заработки в соседние страны. Русская речь звучала на сахарных плантациях Гавайских островов, японских рыбалках, шахтах и фермах Америки. Только в США до Февральской революции 1917 г. жили несколько миллионов россиян, а в Нагасаки существовала русская деревня Инаса. После Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны число наших соотечественников в соседних странах увеличилось во много раз. Давно замечено, что русские беженцы старались жить вблизи границ, дожидаясь, как им казалось, скорого падения советской власти. К счастью россиян, имелись станции КВЖД, почти русский Харбин, морские порты Китая, Японии и Кореи, ближайших соседей России. Исторически близкой по духу была и Америка. На этом долгом

пути русские знакомили соседей со своей культурой и языком, щедро делись своими талантами и предприимчивостью.

Выходцы из России в Китае, «русские харбинцы» или «русские китайцы», как их часто называли, весьма скептически относились к японской идее «Азия для азиатов». Именно это легло в основу патриотического движения репатриации. Подобно Временному правительству, разработавшему в 1917 г. программу возвращения соотечественников домой, в СССР тоже задумали вернуть домой русских людей, особенно с началом подъема целины, когда требовались тысячи рабочих рук. Повсеместно в Китае открывались конторы по оформлению бумаг для получения советского паспорта. Возвращение на родину, к которому так стремились многие русские, не всегда приносило радость: многие оказались на родине «без права переписки». Возник и параллельный поток: почти половина эмигрантов из Китая отправились искать лучшую долю в других странах. Опустел русский Китай, меньше стало русских в Японии, но окреп средний класс США, пополнились русскими Австралия и Южная Америка. Сохраняя свою русскость и духовную связь с Россией, наши соотечественники перенесли частицу родины в новые страны.

Хотя в Китае поток отъезжающих русских схлынул после 1950-х гг., там оставалось немало россиян. Особенно много их живет до сих пор в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Наибольшее число современных русских китайцев занимаются бизнесом или работают в различных российских, международных и китайских компаниях. Ими накоплен уникальный опыт работы в Китае, и их экспертное мнение может и должно учитываться при выстраивании российско-китайского экономического взаимодействия. Очень популярны в Китае русские клубы, объединяющие людей разных национальностей, вероисповеданий, социальной принадлежности. Одной из главных целей они считают сохранение идей и традиций той общности, которая называет себя русским миром. В их задачи входит содействие адаптации русскоязычных граждан России и других государств к жизни в Китае; поддержание позитивного образа россиян и России в глазах китайской общественности; содействие сплочению русского сообщества в Китае на принципах взаимоуважения, взаимопомощи и дружбы; сохранение и популяризация русского языка и культуры; содействие лучшему взаимопониманию русского и китайского народов, укрепление взаимного уважения и дружбы.

Несмотря на небольшое число русских в Японии, эта страна тоже смогла воспользоваться их знаниями и талантами. Благодаря русским японцы стали интересоваться европейской культурой и искусством. Даже европейская одежда получила распространение в Стране восходящего солнца благодаря труду русских «отрезчиков». Русские «японцы» оказали влияние и на японскую кухню, прежде всего, расширение популярности хлеба. Первые булочные в Японии открыли выходцы из России, для кото-

рых потребление хлеба, особенно на чужой земле, было своеобразным культом. Русские внесли свой вклад и в науку Японии.

Ныне в Японии по разным подсчетам проживает от семи до десяти тысяч россиян. По-прежнему русскую речь можно услышать на улицах Хакodate, где работает филиал Дальневосточного федерального университета, а также в Кобе и Нагасаки. Больше всего русских людей в Токио. Некоторые работают на совместных предприятиях или преподают в учебных заведениях. Ежегодно сюда приезжают на стажировку россияне, изучающие японский язык и японскую культуру. Немало и тех, кто выбрал японских граждан спутниками жизни. Остались здесь и потомки первых русских эмигрантов. Как и в прежние годы, русские жители Японии часто приходят в православные храмы, например, в величественный Свято-Воскресенский собор в Токио, который часто называют «Николай-До» в память основателя Японской православной церкви.

Сформированы Координационный и Деловой советы соотечественников в Японии. Взяв лозунгом слова «Наша сила в единстве!», они призывают всех соотечественников, проживающих в Японии, более активно проявлять гражданскую позицию, не оставаться безучастными к жизни диаспоры, делать все возможное, чтобы сохранить национальную уникальность и поддерживать связь с исторической родиной, культурное и языковое единство с ней.

В Корею выходцев из России сейчас значительно больше, чем когда бы то ни было: 10–15 тыс. Это, прежде всего, вернувшиеся на исконную родину потомки тех корейцев, которые в свое время бежали от голода в Приморье, а также те, кого японцы во время Второй мировой войны насильственно перевезли из Кореи на Южный Сахалин. Процесс возвращения стал возможен благодаря правительственным программам репатриации и поддержки переезда соотечественников на постоянное место жительства в Корею. Он начался в 1990 г. с установлением дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея [16].

Живет в Корею и немало русских людей. Это специалисты, приезжающие чаще всего по контрактам, студенты, женщины, вышедшие замуж за корейских граждан. В 1990–2000-е гг. в Республике Корея стал развиваться российский бизнес и были открыты десятки русских ресторанов, торговых компаний. Больше всего русских живет в Сеуле, где имеется «Маленькая Россия», уголок центрального городского района Чонгу, где сосредоточилась русская торговля. До недавнего времени официальный аттестат о среднем образовании российского образца можно было получить лишь в русской школе при посольстве России в Республике Корея. В 2012 г. в Сеуле открылась еще одна российская общеобразовательная школа «Русский дом», которая облегчила проблему получения среднего образования детьми из русскоговорящих семей.

Русская эмиграция принесла с собой потенциальные возможности и в Новый свет. Вначале русские не оказали большого влияния на американскую жизнь. Имея проблемы с языком, они часто замыкались в собственном кругу. Американцы писали: «Склонность русской колонии, или вернее, многих русских держаться в стороне от всего американского, жить отдельно и отказываться признаться самим себе, что они следуют по линии наименьшего сопротивления, т.к. «своими ловчее», может непоправимо повредить русскому престижу в Америке...» [10]. От старшего поколения отличалась молодежь, которая стремилась к деятельному общению с американскими сверстниками, но ее доля в общей численности выходцев из России была невелика. К 1970 г. в США проживали 2 млн 150 тыс. русских, средний возраст которых составлял 45,8 лет, что являлось самым высоким показателем в Америке.

Хотя русские американцы составляли небольшой процент населения США, их влияние в Америке было велико, а достижения значительны. Американцы русского происхождения проявили себя в самых разнообразных областях: от предпринимательства до науки и искусства. Они возглавляли список национальностей, представители которых окончили среднюю школу и колледж. Больше в этой среде было и людей, занятых интеллектуальным трудом (77,9%), и квалифицированных рабочих (20%). Самым большим по стране был и семейный доход русских – 11,5 тыс. долларов в год.

Деятели российской диаспоры неоднократно подчеркивали свою неразрывную связь с Россией и русской культурой. «Мы, эмигранты, оторванные от Родины физически, духовно остаемся связанными с ней. Если связь эта потеряна, то эмигранты перестают быть таковыми и становятся полуамериканцами, ибо человек, родившийся и воспитанный в старой России, никогда полноценным американцем или французом не станет» [12]. Объединяющим фактором для русских за рубежом всегда служили русский язык и культура. Русская пресса в Сан-Франциско писала: «В те же самые беспросветные для русской культуры времена русские эмигранты, все потерявшие, рассеянные по всему миру, унесли в своих сердцах и мыслях духовное творение – единственное наследие Обездоленной Родины. И не было странным, если в их пустых, дырявых карманах вместе с залежалыми крошками солдатских сухарей находились бережно сохраненные томики Пушкина, Блока или других любимых поэтов. И, едва успев осесть в непрочных местах их скитаний, едва успев заработать тяжелым трудом первый кусок хлеба, они начинают восстанавливать по кусочкам духовные ценности, которыми жили они на Родине. Создаются литературные и театральные кружки, культурные объединения, уже звучат первые стихи зарубежных поэтов, открываются выставки русского искусства, издаются первые, еще тоненькие книжечки, звучит русская музыка, ставятся в подвалах, в сараях и на чистом воздухе русские пьесы, пишутся ученые труды высо-

кой ценности, вырастают на чужих, иноверческих землях православные храмы» [14].

Вопрос сохранения национальной культуры стоял наравне с сохранением православия. Часто эти понятия были тождественны. Обычным в русских общинах были ежегодные Дни русской культуры и празднование юбилейных дат, связанных с историей Российского государства.

Несмотря на то, что российскую диаспору за рубежом всегда сопровождают ассимиляционные процессы, чему способствуют и смешанные браки, в современных русских общинах, как и в прошлые годы, русский язык и культура остаются основой жизни вдали от родины. Наши соотечественники строят в Китае, Корее, Японии, США и других странах свою Россию, воплощая в жизнь идеи евразийства. Если раньше русские беженцы имели билет в одну сторону, то сейчас россиян с иностранными паспортами можно частенько видеть на исторической родине. Они не только встречаются со своими родственниками, но помогают России обрести достойное место в современном мире.

Таким образом, среди исторических факторов, обусловивших возникновение евразийства в среде русских эмигрантов, было освоение Россией ее дальневосточных территорий, где географическая близость с азиатскими народами предопределяла их тесное взаимодействие с русскоязычным населением. На этом фоне политика укрепления российской государственности претерпевала изменения от признания необходимости использовать иммигрантов из соседних стран в качестве рабочей силы для развития экономики региона – до полного неприятия и депортации. Особое развитие евразийство получило в русской диаспоре Китая, где оно обогатилось идеями китаеведения и сближения России с народами Азии на почве взаимных интересов, и оттуда распространилось благодаря русским эмигрантам на другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Автор приносит искреннюю благодарность бывшему директору центра изучения России в Азии Гавайского университета в Гонолулу (США) Патриции Полански за многочисленные советы и возможность использовать литературу для настоящего очерка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргудяева, Ю. В. Роль Н.Н. Муравьева-Амурского в переселении крестьян и казаков в низовья р. Амур // Вестник ДВО РАН. – 2009. – № 5. – С. 2–13.
2. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае : очерк историко-этнографический // Зап. ПОИРГО. – Хабаровск, 1914. – Т. 10, вып. 1. – С. 1–126.

3. Арсеньев, В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. / В. К. Арсеньев. – Хабаровск : Б.и., 1912. – I-ii, i-vi, 324 с., 2 л.
4. Гондатти, Н. Л. Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры : (докл. 1914 г. Приамур. генерал-губернатора Н. Л. Гондатти пред. Совмина И. Л. Горемыкину) // Ист. архив. –1997. –№ 1. – С. 69–71.
5. Гондатти, Н. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 г. Вып. 1 / Н. Гондатти. – СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. – 288 с.
6. Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приморье : отчет. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – 489, III с. – (Тр. Амур. экспедиции ; вып. 11).
7. Доклад В. К. Арсеньева Далькрайкому ВКП(б) // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. – Владивосток, 1995. – № 3. – С. 94–104.
8. Иванов, В. Н. Мы: Основы рус. государственности. – Харбин : Бамбуковая роща, тип. «Заря», 1926. – Хv, 326 с.
9. Ким, Г. Н. История иммиграции корейцев : в 2-х кн. Кн. 1 : Вторая половина XIX в. – 1945 г. / Г. Н. Ким. – Алматы : Дайк-пресс, 1999. – 424 с.
10. Мак-Гвайер, А. Друзья-американцы // Рус. жизнь. – Сан-Франциско, 1947. – 18 янв.
11. Н. А-ский. По вопросу о выселении корейцев // Владивосток. – 1897. –30 марта (№ 13). – С. 11–12.
12. Петров, П. Эмиграция и Родина // Нов. рус. слово. – Нью-Йорк, 1966. – 18 дек.
13. Полански, П. Русская печать в Китае, Японии и Корее : каталог собр. Б-ки им. Гамильтона Гавайс. ун-та / предисл., пер. с англ. и науч. ред. А. А. Хисамутдинова. – М. : Пашков дом (Рос. гос. б-ка), 2002. –204 с.
14. Правление. Праздник сорокалетней деятельности Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско // Рус. жизнь. – Сан-Франциско, 1962. – 21 апр.
15. Регистрация корейского и китайского населения // Приамур. вед. – Хабаровск, 1896. – 8 сент. (№ 141). – С. 19.
16. Россия и Корея: новая встреча старых соседей : сб. / Юбилейная выставка: К 20-летию установления дипотношений РФ и РК. – Сеул : Korea-Russia Dialogue, 2010. – [Б. с.].
17. Рязановский, В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право. – Харбин : Худож. тип., 1931. –31 с.
18. Рязановский, В. А. Обзор русской культуры : ист. Очерк : в 2-х ч., в 3-х кн. – Б. м. [США] : Изд. авт., 1947. – Ч. 1. – 639 с. ; Ч. 2, вып. 1. – 557 с. ; 1948. – Ч. 2, вып. 2. – 213 с.

19. Соловьев, Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) / Ф. В. Соловьев. – М. : Наука, 1989. – 124 с.
20. Унтербергер, П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. : очерк / П. Ф. Унтербергер. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – XIII, 428, 54 с. – (Зап. Имп. РГО по отд. статистики. Т. XIII : прилож.).
21. Savel'ev, I. R. Imin to kokka: Kyokuto Roshia ni okeru Chugokujin, Chosenjin, Nihonjin / I. R. Savel'ev – Tokyo : Ochanomizu Shobo, 2005. – Vi, 323, lviii p. – Яп.
[Миграция и государство : китайская, корейская и японская диаспоры на Дальнем Востоке России].
22. Schimmelpenninck van der Oye, D. Toward the rising sun : Russian ideologies of empire and the path to war with Japan / D. Schimmelpenninck van der Oye . – [S. l.] : Northern Illinois Univ. Press, 2001. – xiii, 329 p.
23. Stephan, J. The Russian Far East : a history / J. Stephan. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1994. – 480 p.

REFERENCES

1. Argudiaeva Iu. V. The role of N.N. Muraviev-Amur in the resettlement of peasants and Cossacks in the lower part of the river Amur] // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya rossiiskoi akademii nauk*, 2009, no. 5, pp. 2 *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* 13. (In Russ.).
2. Arsen'ev V.K. The Chinese in the Ussuri region: Essay of history and ethnography. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1914, vol. 10, iss. 1, pp. 1 *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* 126 . (In Russ.).
3. Arsen'ev, V.K. *Brief military geographical and military statistical essay about the Ussuri region 1901–1911*. Khabarovsk, 1912. I-ii, i-vi, 324 p., 2 l. (In Russ.).
4. Gondatti N.L. The movement of Chinese in Russia looms large: (Paper from 1914. Governor-General of the Amur region N.L. Gondatti to the Prime Minister of I.L. Goremykin). *Istoricheskii arkhiv*, 1997, no. 1, pp. 69–71. (In Russ.).
5. Gondatti N. *General report for Amur expedition in 1910. Vol. 1*. Sankt-Peterburg: V.F. Kirschbaum Print. House, 1911. 288 p. (In Russ.).
6. Grave V.V. *The Chinese, Koreans and Japanese in Primorye: Report*. Sankt-Petersburg: V.F. Kirschbaum Print. House, 1912. 489, III p. [Works of the Amur Expedition; vol. 11]. (In Russ.).

7. Report by V.K. Arsen'ev to Dal'kraikom All-Union Communist Party (Bolsheviks). *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya rossiiskoi akademii nauk*, 1995, no. 3, pp. 94–104. (In Russ.).

8. Ivanov V.N. *We: the basis of Russian state*. Harbin: Bamboo, «Dawn» Print. House, 1926. Xv, 326 p. (In Russ.).

9. Kim G.N. *The history of Korean immigration. Vol. 1. The second half of the XIX century to 1945*. Almaty: Dyke Press, 1999. 424 p. (In Russ.).

10. MacGuire A. Friends-Americans. *Russian life* [newspaper], San Francisco, 1947, 18 Jan.

11. N. A-sky. On the issue of the eviction of Koreans. *Vladivostok* [newspaper], 1897, 30 March (no. 13), pp. 11–12. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт, директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета, ShinIL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг, декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен, профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President of Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

2016

№ 1–2

Главный редактор

В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков (зам. гл. ред.), С.Д. Князев, А.И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск

В.В. Короченцев

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная вёрстка *С. А. Стогний*

Подписано в печать 30.03.2016.

Формат 70x100 1/16. Уч.-изд. л. 12,42. Усл. печ. л. 12,42.

Тираж 500 экз. Заказ 304.

Дата выхода в свет 13.07.2016

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии

Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10